

МЭРИ
СТЮАРТ

Хрустальный грот
Полые холмы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мерлин

Мэри Стюарт

**Хрустальный грот.
Полые холмы (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1970, 1973

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Стюарт М.

Хрустальный грот. Полые холмы (сборник) / М. Стюарт —
«Азбука-Аттикус», 1970, 1973 — (Мерлин)

ISBN 978-5-389-15404-9

Мэри Стюарт (1916–2014) еще в юные годы дала обещание посвятить свою жизнь литературе. И фортуна встала на ее сторону. Первый роман («Мадам, вы будете говорить?») пришелся читателям по душе, и почти каждое новое произведение английской писательницы становилось бестселлером. Но настоящий успех пришел к ней в 1970-е годы, когда увидела свет трилогия о волшебнике Мерлине и короле Артуре («Хрустальный грот», «Полые холмы», «Последнее волшебство»), соединившая в себе историю и фантастику и впоследствии переросшая в пенталогию (добавились романы «Недобрый день» и «Принц и паломница»). Сама писательница свою задачу определяет просто: «Если голос преданий так настойчив, если мотивы так живучи и возрождаются вновь и вновь, значит в них содержится реальное зерно, даже в самых фантастических историях, которые нагромодились вокруг сердцевины скудных фактов Артурова существования. Увлекательное занятие – осмысливать эти подчас дикие и нелогичные сюжеты, придавать им характер более или менее связных и правдоподобных рассказов о человеческих поступках и мире воображения». В книгу входят первые два романа цикла.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15404-9

© Стюарт М., 1970, 1973
© Азбука-Аттикус, 1970, 1973

Содержание

Хрустальный грот	8
Пролог	14
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	46
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	63
Глава 12	66
Часть вторая	71
Глава 1	71
Глава 2	75
Глава 3	78
Глава 4	80
Глава 5	84
Глава 6	91
Глава 7	96
Глава 8	100
Глава 9	103
Глава 10	105
Глава 11	110
Глава 12	116
Часть третья	124
Глава 1	124
Глава 2	130
Глава 3	133
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Мэри Стюарт Хрустальный грот. Полые холмы (сборник)

Mary Stewart
THE CRYSTAL CAVE
Copyright © 1970 by Mary Stewart
THE HOLLOW HILLS
Copyright © 1973 by Mary Stewart

© А. Хромова, перевод, 2017

© И. Бернштейн (наследники), перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Хрустальный грот

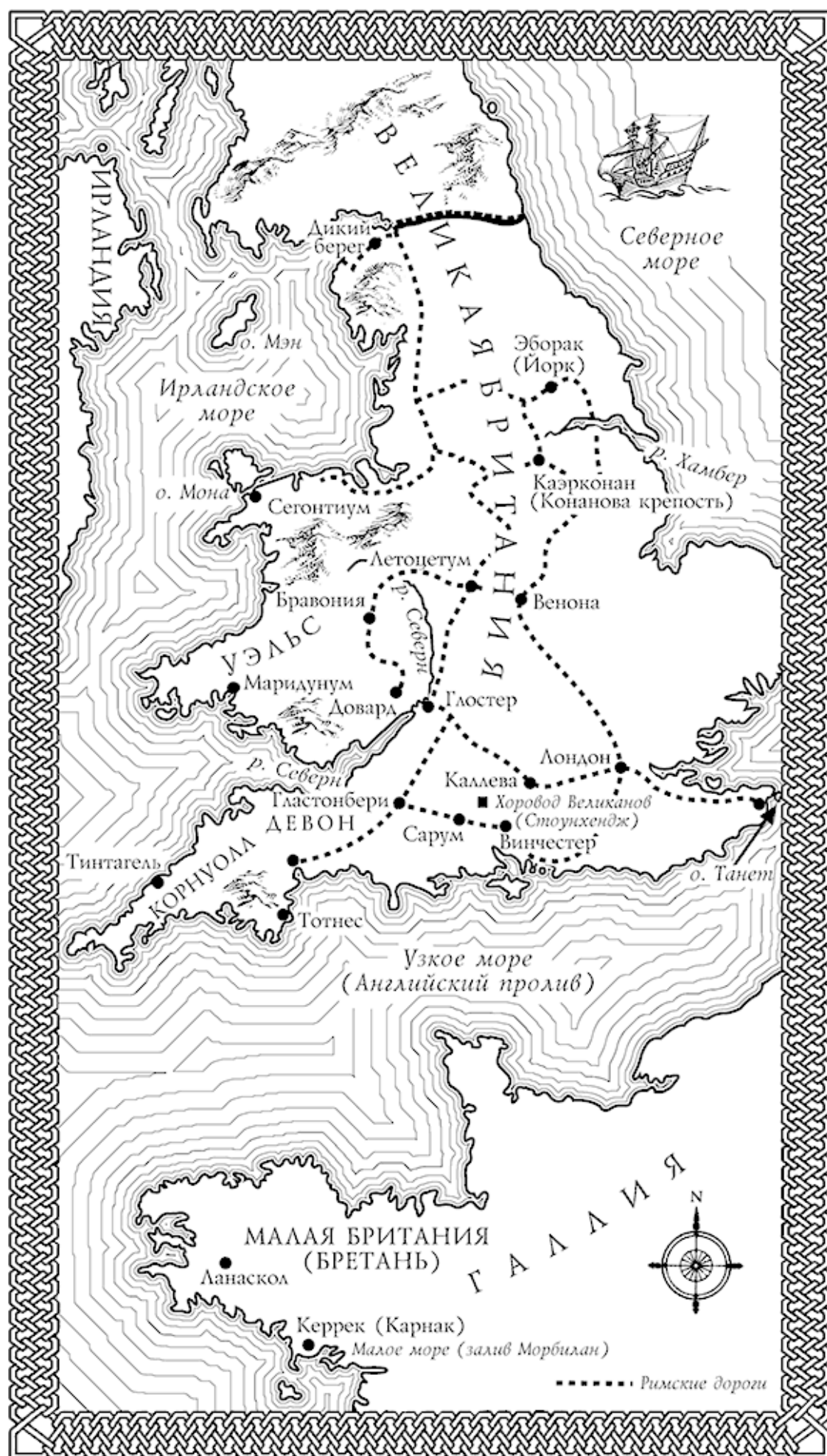
Памяти Молли Крейг, с любовью

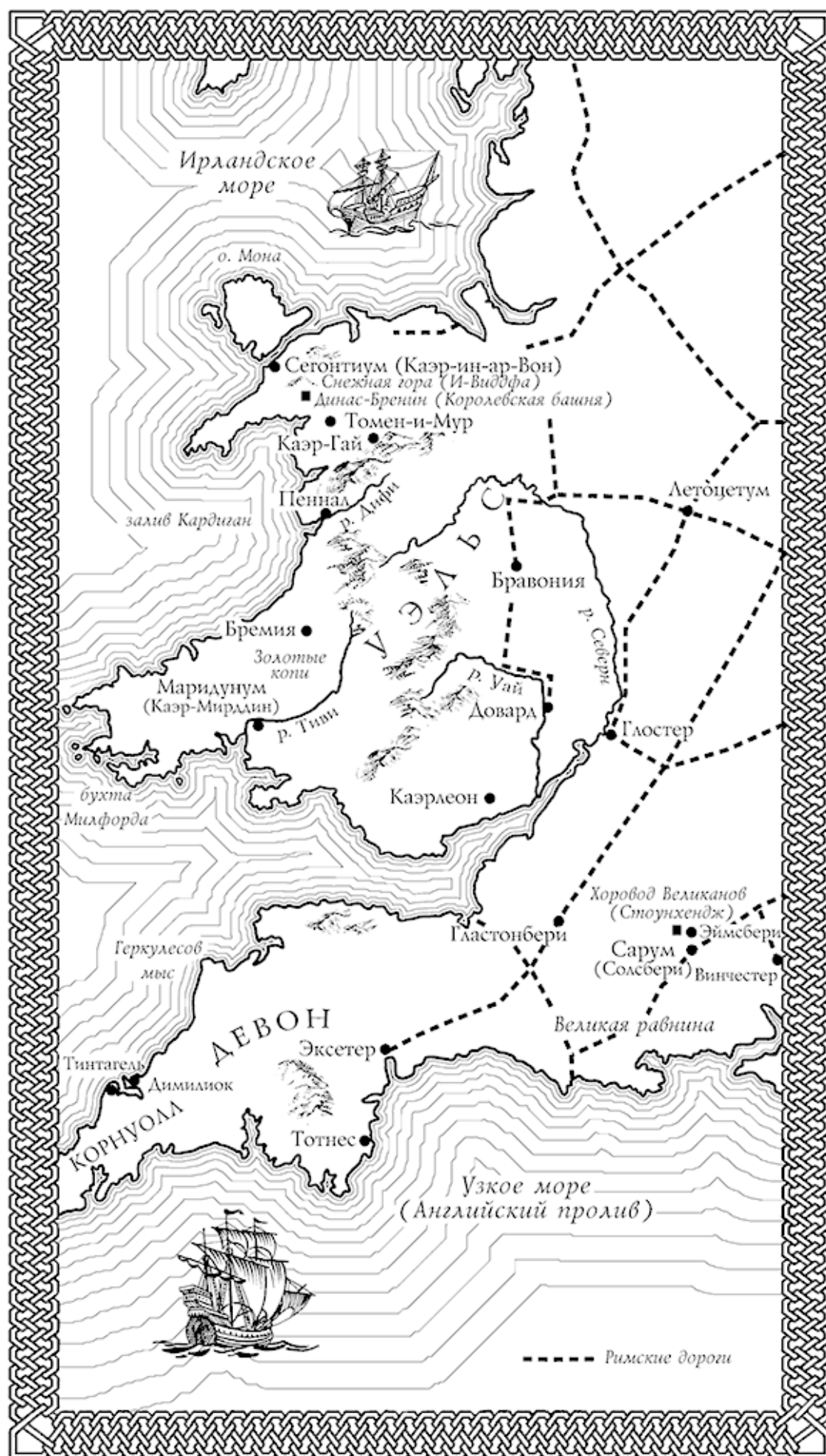
Мерлин

*О Мерлин, маг в хрустальном гроте,
Где день меж бриллиантов бродит!
Найдется ль на земле певец
Чья песнь по борозде проходит,
Что прочертил Адам-отец
В полях, в прибое, в небосводе?
О, где бегун, что избежит
Своей же тени, сердцем века
Пробьется, как пожар во ржи,
И яблоко вернет на ветку?
Открыть ли в колдовстве небрежном
Лик юной девы в грезе страшной,
День, что в покров оделся снежный,
И Время, запертое в башне?..*

Эдвин Мур Перевод Н. Эристави

Пролог

Князь тьмы

Теперь я стар, но и в те времена, когда Артур взошел на трон, я был уже не молод.

То, что происходило потом, помнится более смутно и расплывчато, чем предшествующие события, как будто моя жизнь – дерево, что расцвело ко времени его появления, а ныне может лишь желтеть и сохнуть, клонясь к земле.

Для стариков недавнее прошлое всегда окутано туманом, а вот картины их юности отчетливы и ярки. Даже мое раннее детство является мне словно наяву, таким же живым и красочным, как зеленая яблоня у белой стены или знамена, озаренные солнцем, на фоне грозовой тучи.

Цвета видятся ярче, чем были на самом деле, я уверен. Здесь, во тьме, я вспоминаю то, что увидено острым взором ребенка; все это так далеко от меня, тогдашняя боль утихла, и кажется, что это произошло не со мной, не с дряхлым мешком костей, который хранит в себе эти воспоминания, а с другим Мерлином, юным, легким и крылатым, повелителем весенних ветров, подобным той птице, что дала мне свое имя.

Позднейшие воспоминания являются по-другому: изредка, расплывчато, в жарком пламени. Да, их я добываю из пламени.

Один из простейших, самых обычных приемов – не могу назвать это магией – еще остался со мной теперь, когда я состарился и опустил наконец до простого смертного.

У меня все еще бывают видения – не отчетливые и властные, подобные зову трубы, как в былые дни, а всего лишь грезы и смутные образы в языках огня, как у детей.

Я все еще могу зажечь или погасить огонь – это простейшее чудо, ему легче всего научиться, и забывается оно последним. То, что я не в силах вспомнить, я вижу в пламени, в раскаленных угольях или бесчисленных гранях хрустального грота.

Самое первое воспоминание встает из огня и мрака. Это не из моей памяти – потом вы поймете, откуда я знаю такие вещи.

Это скорее видение, сны о прошлом, что-то в крови, что-то, что увидел тот, кто еще носил меня в себе. Я думаю, это возможно. Мне кажется, справедливо будет начать с того, кто был раньше меня и кто будет снова, когда я исчезну.

Вот что произошло в ту ночь. Я это видел и знаю, что это правда.

* * *

Ночь была темная и холодная, и он развел небольшой костерок, который сильно дымил, но все-таки грел. Весь день шел дождь, и с ветвей у входа в пещеру падали капли, чаша у порога переполнилась, и ровная струйка воды выбегала из нее, уходя в землю.

Ему не сиделось на месте. Несколько раз он выходил из пещеры. Вот и теперь он спустился в рощу под обрывом, где пасся стреноженный конь.

К ночи дождь перестал, но над землей стелился туман. Деревья стояли, как призраки, и светло-серый конь, казалось, плыл над землей, как лебедь.

Он был еще больше похож на привидение, оттого что щипал траву совершенно бесшумно: человек разорвал перевязь и обвязал ею удила, чтобы не звенели. Удила были золоченые, а перевязь шелковая, и принадлежали они королевскому сыну. Если бы его нашли, то убили бы. Ему было ровно восемнадцать лет.

Из долины послышался приглушенный стук копыт. Юноша вскинул голову, дыхание его участилось. Блеснул выхваченный меч.

Серый конь перестал щипать траву и тоже поднял голову, дернул ноздрями, но не заржал. Юноша улыбнулся. Стук копыт приближался, и вот из тумана появился бурый пони.

Всадник, невысокий и хрупкий, закутался в черный плащ, спасаясь от ночного холода. Пони остановился, вскинул голову и звонко, пронзительно заржал. Незнакомец испуганно вскрикнул, спрыгнул на землю, схватил пони под уздцы и накрыл ему морду плащом.

Это была девушка, совсем еще юная. Она встревоженно озиралась, пока не разглядела в тени деревьев юношу с обнаженным мечом.

– Шуму от тебя, как от целого войска, – сказал он.

– Я не заметила, как доехала. В тумане все кажется незнакомым.

– Как ты добралась? Тебя никто не видел?

– По-моему, никто. Вчера и позавчера я не могла. По дорогам ездили день и ночь.

– Я так и думал, – улыбнулся он. – Но ты все-таки приехала. Давай сюда пони.

Он увел пони в рощу и привязал. Потом поцеловал девушку. Немного погодя она оттолкнула его.

– Мне надо идти. Я привезла тебе поесть, так что если завтра не удастся выбраться...

Она осеклась, увидев, что его конь оседлан и навьючен, и вцепилась в плечи юноши. Он сжал ее ладони.

– О-о... – простонала она. – Я это знала. Мне снилось во сне. Ты уезжаешь.

– Это необходимо. Сегодня.

Прошла минута. Наконец она произнесла:

– Как скоро?..

Он не стал делать вид, что не понял.

– Через час, два, не больше.

– Ты вернешься, – спокойно сказала она.

Он хотел что-то ответить.

– Не надо, – оборвала она его. – Мы уже все обсудили, а теперь нет времени. Я только хочу сказать, что ты останешься жив и вернешься в Британию; говорю, потому что знаю. Я умею видеть будущее. Ты вернешься.

– Не обязательно видеть будущее, чтобы знать это. Я должен вернуться. Быть может, тогда...

– Не надо, – снова оборвала она, почти гневно. – Это не важно. Какая разница? У нас всего час, а мы тратим его зря. Идем.

Он обнял ее и повел к пещере, расстегивая на ходу брошь, скреплявшую ее плащ.

– Хорошо, идем.

Часть первая Вяхирь

Глава 1

Когда мой дядя Камлах вернулся домой, мне как раз исполнилось шесть лет. Я помню его таким, каким увидел в первый раз: высоким юношей, порывистым, как его отец – мой дед, голубоглазым и огненно-рыжим, похожим на мою мать, а она казалась мне очень красивой. Сентябрьским вечером, на закате, он въехал в Маридунум с небольшим воинским отрядом. Я, ребенок, был с женщинами в старой длинной комнате, где занимались рукоделием. Женщины пряли, мать сидела за ткацким станком – я даже помню, что она ткала: алое полотно с узкой зеленой каймой. Я сидел на полу у ее ног и играл бабками. Солнце светило прямо в окна, и золотые прямоугольники лежали на растрескавшемся мозаичном полу; на улице в траве гудели пчелы, и даже постукивание ткацкого станка наводило дрему. Женщины переговаривались, но вполголоса, склонившись над прялками, а Моравик, моя нянька, сидя в солнечном прямоугольнике, откровенно храпела на своем табурете.

На дворе слышался топот, потом раздались крики. Стук станка оборвался вместе с женской болтовней. Моравик всхрипнула, дернулась и проснулась. Мать выпрямилась, как струна, и прислушивалась, вскинув голову. Челнок выпал из ее рук. Я видел, как они переглянулись с Моравик.

Я бросился к окну, но нянька отозвала меня с полпути таким тоном, что я тут же послушно подошел к ней. Она принялась суетливо одергивать мою тунику и приглаживать мне волосы. Я понял, что ждут кого-то важного. У меня заколотилось сердце: похоже, меня собирались показать гостю! Это было странно – обычно меня в таких случаях прятали с глаз долой. Я терпеливо ждал, пока Моравик причешет меня. Они с матерью шепотом перебрасывались короткими, отрывистыми фразами. Я слушал вполуха и ничего не понимал. Я жадно прислушивался к конскому топоту и крикам людей на дворе. Язык, на котором переговаривались, не был ни валлийским, ни латынью – они говорили по-кельтски, и выговор был бретонский. Я понимал их, потому что моя нянька, Моравик, была из Малой Британии и я выучил ее язык одновременно со своим родным.

До меня донесся раскатистый хохот деда. К нему присоединился другой. Потом голоса затихли – дед, должно быть, увел гостей в дом, и теперь во дворе слышался только звон упряжи и топот лошадей, которых разводили по стойлам.

Я вырвался от Моравик и подбежал к матери.

– Мама, кто это?

– Мой брат Камлах, сын короля.

Не глядя на меня, она указала на оброненный челнок. Я поднял его и отдал ей. Она снова принялась ткать, медленно, словно машинально.

– Значит, война кончилась, да?

– Война давно кончилась. Твой дядя был на юге, с верховным королем.

– А теперь он вернулся, потому что дядя Дивед умер?

Дивед был наследником, старшим сыном короля. Он скоропостижно скончался от колик в желудке, и его жена, Элен, вернулась домой к отцу (детей у них с Диведом не было). Конечно, поговаривали об отраве, как всегда бывает, но всерьез в это никто не верил: Диведа все любили. Он был отважный воин и хороший хозяин, умел быть и щедрым, когда нужно.

– Говорят, дядя женится. Правда, мама? – Я гордился своей осведомленностью и с радостью предвкушал свадебный пир. – Он, наверное, женится на Керидвен, раз дядя Дивед умер...

– Что-о-о?

Челнок замер в руках матери, и она резко повернулась ко мне. Но, видимо, мое лицо ее успокоило, потому что гнев в ее голосе исчез, хотя она все еще хмурилась, и Моравик негодующе зашипела на меня.

– Где ты этого набрался? Слишком много слушаешь, чего тебе не понять. Забудь все это и помалкивай.

Челнок снова задвигался, но медленно.

– Слушай, Мерлин, сынок, когда они придут посмотреть на тебя, будь тише мыши. Понял?

– Да, мама.

Я понял ее очень хорошо. Меня давно приучили не попадаться на глаза королю.

– А они что, придут на меня посмотреть? Почему на меня?

В ее голосе послышалась горечь – от этого она сразу будто постарела, стала почти такой же, как Моравик:

– А как ты думаешь?

Челнок лихорадочно заметался у нее в руках. Она вплетала в ткань зеленую нить; я видел, что она портит узор, но промолчал: мне показалось, что так красивее. Я стоял и смотрел на нее, но тут отдернулась занавеска и вошли двое мужчин.

В комнате сразу стало тесно. Две головы, седая и рыжая, на какой-нибудь фут не доставали до потолка. На деде было темно-синее одеяние с золотой каймой. Камлах был в черном. Потом я узнал, что он всегда ходит в черном. На руках у него были кольца, на плече – брошь с камнями. Рядом со своим отцом он казался юным и тонким, но юрким и проворным, как лисица.

Мать встала. На ней было домашнее платье землистого цвета, распущенные волосы горели золотом, как спелая солома. Но мужчины даже не взглянули на нее. Можно было подумать, что в комнате нет никого, кроме малыша у ткацкого станка.

Дед тряхнул головой, бросил: «Вон!» – и женщины торопливо, почти беззвучно оставили комнату. Одна Моравик помедлила, напыжившись, как наседка, но взгляд ледяных голубых глаз на миг задержался на ней, и она удалилась, осмелившись лишь фыркнуть, скрываясь за дверью. Голубые глаза снова остановились на мне.

– Вот он, – хмуро сказал король. – Пашенок твоей сестрицы. Шесть лет сравнялось в этом месяце. Тянется, как крапива, и нашей породы в нем не больше, чем в щенке подзаборном. Ты глянь на него! Черноволосый, черноглазый и всего боится – точь-в-точь подкидыш народца из полых холмов. Скажи мне кто, что это чертово отродье, – я проверю!

Дядя обернулся к матери и коротко спросил:

– Чей он?

– А то мы ее не спрашивали, дурак ты набитый! – хмыкнул дед. – Ее так пороли, что бабы говорили, у нее выкидыш будет, а она ни слова. Хоть что-нибудь сказала бы про него, хоть ерунду какую-нибудь, бабьи сказки про духов, что по ночам приходят к девушкам, – я бы этому поверил.

Золотоволосый Камлах разглядывал меня с высоты своих шести футов. Глаза у него были светло-голубые, как у матери, а лицо красное. Мягкие сапоги оленьей кожи были заляпаны желтой глиной, от него пахло потом и лошадьми. Он даже не умылся с дороги. Я помню, как он смотрел на меня сверху вниз. Мать молчала, а дед грозно хмурился, дышал тяжело и хрипло, как всегда, когда, бывало, разгорячится.

– Подойди, – велел дядя.

Я подошел шагов на шесть – ближе не посмел. С трех шагов он казался еще выше и почти упирался головой в потолок.

– Как тебя зовут?

– Мирддин Эмрис.

– Эмрис? Дитя Света, любимец богов? Ничего себе имечко для чертова отродья!

Он говорил дружелюбно, и я осмелел.

– Меня еще зовут Мерлинус. Это по-латыни значит сокол, корвальх.

– Сокол! – фыркнул дед и презрительно махнул рукой, так что зазвенели золотые запястья.

– Это маленький сокол, – добавил я в оправдание и замолчал, видя, что дядя не слушает.

Он задумчиво потер подбородок и обратился к матери, недоуменно вскинув брови:

– Странные имена для мальчика из христианской семьи, Ниниана. Может, это был римский демон?

Мать вскинула голову.

– Может быть. Откуда я знаю? Темно было.

Он, кажется, ухмыльнулся, но король сердито хлопнул себя по боку.

– Слышал? Сплошное вранье, сказки про колдунов и чушь несусветная – больше ты от нее ничего не добьешься! Садись за работу, ты, и смотри, чтоб твой пащенок мне на глаза не попадался! Теперь это дом твоего брата, а тебе мы приищем кого-нибудь, кто согласится взять обоих, чтобы вы у меня тут под ногами не путались. Видишь, Камлах? Это все, что у меня есть. Так что давай женись побыстрее и сделай мне парочку настоящих внуков.

– Ладно, женюсь, – спокойно согласился Камлах.

Они собрались уходить и больше не смотрели на меня. Меня никто не тронул. Я разжал кулаки и потихоньку стал отступать – шаг, еще шаг...

– Но ведь и ты женился, государь, и, говорят, она уже беременна?

– Это не важно. Тебе нужно жениться, чем скорее, тем лучше. Я старый человек, а времена нынче опасные. Что до этого мальчишки...

Я застыл.

– ...насчет него можешь не беспокоиться. Кто бы ни был его отец, раз он за шесть лет не показался, то уж теперь точно не объявится. И будь это хоть сам Вортигерн, верховный король, он от него толку не добьется. Крысеныш трусливый – от всех шарахается и прячется по углам. И с другими ребятами не играет – боится, должно быть. Он собственной тени даже боится.

Он повернулся к двери. Камлах переглянулся с матерью. Потом снова взглянул на меня и улыбнулся.

В комнате словно посветлело, хотя солнце уже село и начинало холодать. Вот-вот должны были внести свечи.

– Ладно, – сказал Камлах, – этот сокол еще не оперился. Не будь так суров к нему, государь; тебя в свое время боялись люди и похрабрее его.

– Это ты, что ли? Хо!

– Честное слово!

Король обернулся, уже стоя в дверях, и бросил на меня суровый взгляд из-под нависших бровей, потом снова фыркнул и перебросил плащ через руку.

– Ладно, ладно, проживем – увидим. Смерть Господня, как же есть хочется! Давно ужинать пора, но ведь ты еще полезешь в воду, по вашему дурацкому римскому обычаю? Имей в виду, с тех пор как ты уехал, баню ни разу не топили...

Последние слова он договорил уже за дверью. Я услышал, как мать перевела дух и зашуршала юбкой, садясь на свой табурет. Дядя протянул мне руку.

– Пойдем, Мерлинус, поболтаем, пока я буду мыться в вашей холодной уэльской бане. Нам, принцам, надо быть друзьями.

Я стоял как вкопанный. Мать тоже застыла – я это чувствовал.

– Идем же, – ласково повторил дядя и снова улыбнулся.

Я бросился к нему.

* * *

В ту же ночь я залез в подполье. Это был мой собственный дом, тайное укрытие, где можно было спрятаться от больших мальчишек и играть с самим собой. Дед был прав, когда говорил, что я «прячусь по углам», но прятался я не от страха, хотя, конечно, сыновья наших лордов подражали ему – дети всегда подражают старшим, – и я вечно бывал жертвой их жестоких воинских игр, когда им удавалось поймать меня.

Поначалу это подполье – заброшенная отопительная система – и впрямь было для меня всего лишь убежищем, где я мог побыть один и в безопасности; но вскоре мне понравилось разведывать тайны этих темных, узких, пахнущих землей ходов, проходивших под полами всех комнат дворца.

Дворец моего деда был некогда большой виллой, принадлежавшей какому-то знатному римлянину, который владел всеми землями на несколько миль вверх и вниз по реке. Дом сильно пострадал от времени, войн и большого пожара, который разрушил одно крыло главного здания и часть флигеля, но большая часть постройки была еще цела. Бывшие помещения для рабов, окружавшие двор, тоже сохранились – теперь там были кухни и службы; баня тоже уцелела, хотя сильно обветшала и была со всех сторон на скорую руку заделана глиной, а крышу латали тростником. Я не помню, чтобы баню хоть раз топили; воду грели во дворе в котлах.

В мой подземный ход можно было пробраться через печь в котельной.

Теперь это была просто дыра в стене под треснутым котлом, высотой по колено взрослому, заваленная всяким хламом и заросшая крапивой; вдобавок от котла отвалился большой черепок и совсем спрятал ее. Оттуда можно было пробраться под баню, но этими ходами не пользовались так давно, что они стали чересчур узкими и грязными даже для меня. Я обычно лазил в другую сторону, под главный дом. Там старая отопительная система была такой прочной и ухоженной, что эти ходы, фута в два высотой, даже теперь оставались сухими и на кирпичных столбах еще держалась штукатурка. Конечно, попадались обрушившиеся или засоренные места, но проходы в стенах были выстроены на совесть, так что я мог пробираться незамеченным до самой королевской спальни.

Думаю, попадись я там, простой поркой мне бы не отделаться: должно быть, я, сам того не ведая, подслушал немало секретных совещаний и, уж наверное, не одну семейную тайну – но тогда это не приходило мне в голову. А в том, что никто не боялся шпионов, и впрямь нет ничего удивительного: в былые времена эти ходы прочищали мальчишки-рабы, и большая их часть была недоступна ни для кого старше десяти лет; были там и такие места, где даже я пролезал с трудом. Опасность, что меня обнаружат, возникла лишь один раз: однажды вечером, когда Моравик думала, что я играю с ребятами, а те думали, что я прячусь у нее под юбкой, рыжий Диниас, мой главный мучитель, спихнул одного из младших с крыши, где они играли, и тот сломал себе ногу. Пострадавший так заорал, что примчалась Моравик, увидела, что меня нет, и поставила на уши весь дворец. Я услышал шум и успел выбраться из-под котла, чумазый и запыхавшийся, как раз когда начали обшаривать банный флигель. Мне удалось выкрутиться, и дело обошлось руганью и надранными ушами, но этот случай послужил мне уроком: днем я в подпол больше не лазил, только по вечерам, пока Моравик еще не легла, или ночью, дождавшись, когда она захрапит. К тому времени большая часть обитателей дворца тоже бывала в постели, но, когда дед устраивал пир или принимал гостей, я часто слушал музыку и голоса. А иногда я пробирался под спальню матери и прислушивался к ее разговорам со служанками. Однажды я услышал, как она молилась вслух, как молятся люди в одиночестве, повторяя мое имя – Эмрис, и плакала. Лазил я и в другую сторону, туда, где были комнаты королевы. Ольвен, молодая королева, почти каждый вечер пела, аккомпанируя себе на арфе, сидя среди своих дам, пока в коридоре не раздавались тяжелые шаги короля, – и тогда музыка прекращалась.

Но я лазил в подпол не за этим. Для меня была важна – как я теперь понимаю – возможность остаться одному в таинственной тьме, где человек невластен лишь над смертью.

Чаще всего я лазил в то место, которое я называл «моя пещера». Это были остатки какой-то большой трубы; верх ее обвалился, и было видно небо. Меня тянуло туда с того дня, когда я в полдень посмотрел вверх и увидел звезду – бледную, но отчетливую. Я пробирался туда по ночам, укладывался на подстилку из соломы, которую наворовал в хлеву, смотрел, как в небе медленно кружатся звезды, и загадывал, что, если увижу в трубе луну, на следующий день исполнится мое заветное желание.

В ту ночь я увидел луну. Полная, сияющая, она висела прямо посередине, и в мое запрокинутое лицо лился такой белый и чистый свет, что, казалось, его можно пить, как воду. Я лежал не шевелясь, пока луна не скрылась вместе с той звездочкой, что следует за ней.

На обратном пути я проползал под комнатой, где раньше никто не жил, но сегодня там слышались голоса.

Там Камлах, конечно. Он и еще один человек – я не знал его имени, но, судя по говору, он был из тех, кто приехал сегодня. Мне сказали, что они из Корнуолла. Голос у него был густой, раскатистый – я почти не разбирал его слов, да и не старался, а спешил поскорее убраться и ужом вилял меж столбами, заботясь только о том, чтобы меня не услышали.

Я уже добрался до стены и на ощупь искал проход в соседнюю комнату, но наткнулся плечом на разбитую глиняную трубу, и черепок упал со звоном. Голос корнуэльца оборвался на полуслове.

– Что это?

Слова дяди – они так отчетливо звучали в трубе, словно дядя говорил прямо у меня над ухом:

– Да ничего. Крыса. Это из подпола. Я же говорю, дом рушится прямо на глазах.

Отодвинули стул, шаги в сторону. Голос дяди отдалился. Мне послышался звон и бульканье вина. Я медленно-медленно пополз вдоль стены к проходу.

Он возвращался.

– ...да все равно, даже если и откажет ему, здесь она не останется, а если и останется, то лишь до тех пор, пока отец может пересилить епископа и удержать ее при себе. Я тебе говорю, пока она думает только о том, что зовет вышним царством, мне бояться нечего, даже если он сам явится.

– Да, если ей верить.

– Да нет, я ей верю. Я расспрашивал людей, все говорят то же самое.

Он рассмеялся.

– Кто знает, может, мы еще не раз скажем спасибо, что у нас есть заступница при царе небесном, прежде чем наша игра кончится. А говорят, она достаточно набожна, чтобы спасти целую армию таких, как мы, если только захочет.

– Может, тебе это еще понадобится, – заметил корнуэлец.

– Очень может быть.

– А мальчишка?

– Мальчишка? – переспросил дядя.

Он помолчал, потом снова заходил по комнате. Я весь обратился в слух. Мне нужно было это услышать. Я даже не знал, почему это так важно. Да пусть меня зовут ублюдком, трусом, чертовым отродьем – наплевать. Но сегодня в трубе показалась полная луна.

Дядя вернулся на место. Его голос снова стал звонким, беззаботным, даже снисходительным.

– Ах да, мальчишка. Похоже, неглупый малый – в нем есть больше, чем они все думают... ну и довольно славный, если с ним по-хорошему. Я стану держать его при себе. Запомни, Алун: этот мальчишка мне нравится.

Потом он позвал слугу долить вина в кубок, и я уполз под шумок.

Вот так это и началось. Я целыми днями таскался за ним повсюду, и он терпел меня, даже поощрял – мне ни разу не пришло в голову, что мужчине двадцати одного года от роду не может понравиться, что у него на хвосте все время висит шестилетний несмышлениш. Моравик ворчала на меня, когда ей удавалось меня поймать, но мать была очень рада – она явно испытывала облегчение и велела няньке оставить меня в покое.

Глава 2

Лето было жаркое, и год выдался мирный, так что в первые дни по приезде Камлах бездельничал: отдыхал или катался с отцом либо со своими людьми в полях, готовых к жатве, и в долинах, где с яблонь уже падали спелые яблоки.

Южный Уэльс – славный край: зеленые холмы, глубокие долины, ровные заливные луга, желтые от цветов, на лугах пасется скот, дубравы кишат оленями, на высоких голубых нагорьях по весне кукует кукушка, а зимой рыщут волки, и мне приходилось видеть молнию даже во время снегопада.

Маридунум лежит при устье той реки, что на военных картах обозначена как Тобий, но валлийцы зовут ее Тиви. В тех местах она течет по широкой долине и вьется спокойными, глубокими излучинами через болота и заливные луга, мимо невысоких холмов. Город стоит на северном берегу, на возвышенности, где земля сухая; вглубь страны от него идет военная дорога на Каэрлеон, а с юга в город въезжают через крепкий каменный мост в три пролета, и прямая мощеная улица ведет от него в гору, мимо королевского дома на площадь. Кроме дома моего деда и казарм римской крепости, которые дед поддерживал в хорошем состоянии, потому что в них жили его воины, лучшим зданием в городе был женский монастырь на берегу реки близ дворца. Там жили несколько святых женщин; они называли себя общиной Святого Петра, но большинство горожан звали это место Тир-Мирддин, в честь древнего святилища этого бога, что с незапамятных времен стояло под дубом неподалеку от ворот Святого Петра. Еще когда я был ребенком, мне доводилось слышать, что и сам город называли Каэр-Мирддин; так что неправда, как говорят некоторые, будто город назвали так в мою честь. На самом деле это меня, как и город и холм за городом, где бил священный источник, назвали в честь бога, которому поклоняются на холмах. Когда случились те события, о которых я расскажу, люди решили, что город носит мое имя, но бог был там задолго до меня, и если я теперь живу в его холме, то лишь потому, что он делит его со мной.

Дворец деда, утопавший в садах, стоял над самой рекой. Если взобраться по наклонившейся яблоне на стену, можно было сесть над бечевником – узкой полосой берега вдоль кромки воды, по которой гоняли лошадей, тянувших баржи, – и смотреть на путников, что въезжают в город с юга по мосту, и на корабли, что поднимаются по реке вместе с приливом.

Мне не позволяли лазить на деревья за яблоками – приходилось обходиться падалицей, – но Моравик не препятствовала мне влезать на стену. Я сидел там, как часовой, и таким образом она первой во дворце узнавала обо всех приезжих. В конце сада была маленькая терраска, огражденная изогнутой кирпичной стеной, с каменной скамьей, защищенной от ветра, и она сидела там и клевала носом над веретеном; солнце так нагревало ее уголок, что ящерики выползали погреться на камнях; а я сидел на стене и докладывал обо всех происшествиях.

Жарким вечером, дней через восемь после приезда Камлаха в Маридунум, я, как обычно, сидел на своем посту. Ни на мосту, ни на дороге, ведущей вверх вдоль реки, никого не было, только у причала грузилась местная баржа с зерном и за погрузкой наблюдала кучка зевак, да под стеной слонялся старик в плаще с капюшоном, подбирая упавшие яблоки.

Я оглянулся через плечо в сторону Моравик. Она спала, веретено упало к ней на колени, белое и пушистое – точь-в-точь перезревший камыш. Я отшвырнул битый паданец и задрал

голову, разглядывая запретные сучья на макушке дерева, где висели золотистые яблоки. Вон то я, похоже, мог бы достать. Яблоко было круглое, блестящее, оно прямо на глазах наливалось сладким соком. У меня потекли слюнки. Я нащупал опору и полез наверх.

Мне осталось две ветки до того яблока, когда со стороны моста послышался крик, а потом – перестук копыт и звон упряжи. Я застыл на месте. Вцепившись в ветку, как мартышка, я встал на ноги, раздвинул листья и взглянул в ту сторону. По мосту в город скакал отряд людей. Один ехал впереди, с обнаженной головой, на большом буром коне.

Это не Камлах и не дед; и он не из наших дворян – его люди носили незнакомые цвета. Когда они подъехали ближе, я разглядел, что их предводитель – чужестранец, черноволосый, чернобородый, одет не по-нашему, на груди – что-то золотое. Наручи на нем тоже золотые, плечи очень широкие. Отряд у него был человек в пятьдесят.

«Король Горлан из Ланаскола». Откуда взялось это имя, такое отчетливое, я понятия не имел. Может, в лабиринте подслушал? Кто-то невзначай обмолвился при мальчишке? Может, даже приснилось? Щиты и наконечники копий сверкнули на солнце, на миг ослепив меня. Горлан из Ланаскола. Король. Приехал жениться на моей матери и взять меня с собой, за море. Она будет королевой. А я...

Он уже поднимался в гору. Я принялся осторожно сползать вниз. «А если она откажет ему?» Это голос корнуэльца, я узнал его. А потом – голос дяди: «Да все равно, если она и откажет ему... Мне бояться нечего, даже если он сам явится...»

Отряд неторопливо переезжал через мост. Лязг оружия и топот копыт слышался в неподвижном разогретом воздухе.

Приехал он сам. Он здесь.

На высоте фута над стеной я оступился и едва не упал. По счастью, мне удалось удержаться и благополучно соскользнуть на стену вместе с дождем листьев и коры как раз в тот момент, когда нянька пронзительно закричала:

– Мерлин! Мерлин! Господи помилуй, где же этот мальчишка?

– Я здесь... здесь, Моравик... я слезаю.

Я приземлился в высокую траву. Она бросила веретено и подбежала ко мне, подобрала юбки.

– Что там творится на дороге у реки? Лошади скачут, похоже, целый отряд... Святые угодники, вы поглядите на этого ребенка! Только на неделе починила тунику, а теперь глянь, на кого ты похож! Смотри, какая дыра – кулак пролезет, а грязный-то, грязный – бродяга, да и только!

Она протянула руку – я увернулся.

– Прости, пожалуйста. Я спускался и упал, хотел сказать тебе. Там отряд всадников – приезжие! Моравик, там король Горлан из Ланаскола! В красном плаще и с черной бородой!

– Горлан из Ланаскола? Господи, да это же всего миль двадцать от моей деревни! Хотела бы я знать, зачем он явился?

Я удивленно посмотрел на нее:

– Как, ты разве не знаешь? Он приехал жениться на маме.

– Чушь какая.

– Это правда!

– Ну да, правда! Уж я-то знала бы! Не говори таких вещей, Мерлин, а то попадет тебе.

Откуда ты это взял?

– Не помню. Мне кто-то сказал. Мама, наверно.

– Не было такого, сам знаешь, что не было.

– Значит, я где-то слышал.

– Слышал, слышал! Говорят, чем щенок глупее, тем уши длиннее. От земли не видать, вот и слышишь все на свете. Чего улыбаешься-то?

– Просто так.

Она прижала палец к губам.

– Слишком много слушаешь того, что тебя не касается. Неудивительно, что люди говорят то, что говорят.

Если мне случалось проболтаться, я обычно отступал и уходил с опасного места, но сейчас я был слишком возбужден.

– Это правда, правда, вот увидишь! Какая разница, где я это слышал? Ну не помню я, но знаю, что это правда! Моравик...

– Ну что?

– Король Горлан – мой отец, настоящий отец!

– Че-го?

Возглас провизжал, как пила.

– А ты не знала? Даже ты не знала?

– Да не знала я, не знала! И ты ничего об этом не знаешь. И если только заикнешься кому-нибудь еще... Да откуда ты вообще знаешь, как его зовут? – Она встряхнула меня за плечи. – Откуда ты знаешь, что это король Горлан? Никто не говорил, что он приедет, даже мне ничего не сказали.

– Не помню, где и что я слышал. Я просто слышал где-то это имя, вот и все, и я знаю, что он приехал к королю насчет мамы. Мы уедем в Малую Британию, Моравик, и ты с нами поедешь, если хочешь. Поедешь, правда? Там твой дом. Мы, наверно, рядом будем...

Она сжала мое плечо, и я умолк. К моему облегчению, в саду показался один из телохранителей короля. Он подбежал, запыхавшись.

– Его к королю требуют, мальчишку. В большой зал. И поживей.

– Кто приехал-то? – спросила Моравик.

– Король сказал – поживей. Ищу, ищу его...

– Кто приехал?!

– Король Горлан из Бретани.

Она зашипела, как встревоженная гусыня, и отпустила меня.

– Мальчишка-то зачем понадобился?

– А я знаю?

Слуга запыхался – день был жаркий, а стражник был грузен и не церемонился с Моравик – она была моя нянька и с ней считались немногим больше, чем со мной.

– Я только знаю, что за госпожой Нинианой послали, и за мальчишкой тоже, и, по-моему, кой-кому здорово всыпят, если королю вздумается позвать его, а его там не окажется. Он сам не свой, как эти гости приехали, вот что я тебе скажу.

– Ладно, ладно. Беги назад, скажи, сейчас придем.

Стражник убежал. Моравик обернулась ко мне и ухватила меня за руку повыше запястья.

– Ах, силы небесные! – У нее было больше всяких амулетов и талисманов, чем у любого другого жителя Маридунума, и я ни разу не видел, чтобы она прошла мимо придорожного святилища и не воздала почестей его божеству, кем бы оно ни было, но официально она считалась христианкой и в трудных ситуациях становилась весьма набожной. – Херувимы, серафимы, святые угодники! И надо ж ему было именно сегодня ободраться, как чучелу! Скорей, скорей, детка, а то попадет нам обоим.

Она поволокла меня к дому, громко взывая ко всем своим святым и требуя, чтоб я пошевелился, – она явно решила даже не обсуждать тот факт, что я был прав насчет приезжих.

– Ах, святой апостол Петр, и зачем только я наелась угрей на обед? Всегда меня от них в сон клонит! И надо ж, чтоб именно сегодня! Ну-ка, быстро, – она втолкнула меня в комнату, – скидывай эту рвань и надевай хорошую тунику. Что-то тебе Господь посылает? Ничего, сейчас узнаем! Скорей, скорей, детка!

Комната, где я жил вместе с Моравик, была маленькой, темной, рядом с комнатами прислуги. Там все время пахло жареным из кухни, но я любил этот запах; любил и старую грушу, обросшую лишайниками, – она заглядывала в самое окно, и летом по утрам на ней пели птицы. Мое ложе находилось прямо под окном. Кровать не кровать – просто доски на чурбаках, ни резьбы, ни спинки. Я слышал, как Моравик говорила другим слугам, думая, что я не слышу, что это, мол, не место для королевского внука, а мне – что ей так удобно: поближе к прочим слугам. Да там было и неплохо: Моравик следила, чтобы мой тюфяк всегда был набит свежей соломой, а шерстяное одеяло было ничуть не хуже, чем у моей матери в ее большой комнате рядом с королевской опочивальней. Сама Моравик спала на соломенном тюфяке на полу у двери, и это ложе иногда делил с ней большой волкодав, который спал у нее в ногах и вечно чесался и охотился за блохами, а иногда Кердик, конюх, сакс, которого взяли в плен во время набега много лет назад и женили на одной из наших девушек. Через год она умерла родами, и ребенок тоже, но Кердик остался и, видимо, был вполне доволен своей участью. Я однажды спросил Моравик, зачем она пускает собаку в комнату, если все время жалуется на вонь и блох; не помню, что она ответила, но я и так знал, что пес здесь затем, чтобы предупредить, если кто ночью войдет в комнату. Кердик, конечно, не считается: при виде него пес только стучал хвостом по полу и уступал ему место. Наверно, Кердик приходил за тем же, за чем и пес, – ну и не только за этим. Моравик на эту тему особо не распространялась, и я тоже. Считается, что дети спят очень крепко, но я даже совсем маленьким иногда просыпался по ночам и тихо лежал, глядя на звезды за окном – они блестели в ветвях груши, как серебристые рыбки в рыбацкой сети. Что делали Кердик с Моравик – меня не занимало: он стерег меня по ночам, как она днем, вот и все.

Моя одежда хранилась в деревянном сундуке у стены. Он был очень старый, расписанный изображениями богов и богинь, – наверно, его привезли аж из Рима. Роспись потускнела, стерлась и осыпалась, но на крышке еще виднелась непонятная сцена: какое-то место вроде пещеры, бык, человек с ножом, кто-то еще со снопом и еще одна фигура в углу – она почти совсем стерлась, но у нее был нимб вокруг головы и в руке посох. Сундук был отделан кедровым деревом; Моравик сама стирала мою одежду и перекладывала ее пахучими травами из сада.

Она откинула крышку так резко, что та стукнулась о стену, и вытащила лучшую из двух моих хороших туник, зеленую с алой каймой. Она крикнула: «Воды!» – одна из служанок принесла, и Моравик отругала ее, что та пролила воду на пол.

Снова прибежал толстый слуга и, запыхавшись, велел нам поторопиться. Моравик только обругала его за все труды, но вскоре меня снова поволокли вдоль колоннады через большую дверь с аркой в главную часть дома.

Зал, где король принимал гостей, был высокий и длинный; пол был выложен черными и белыми плитами, а посередине – мозаика: бог с леопардом. Мозаика была выщерблена и разбита: по заду постоянно таскали тяжелую мебель и ходили в сапогах. Одной стороной зал выходил на колоннаду, и зимой там разводили огонь, прямо на полу, на месте вынутой плиты. Пол и столбы в том месте почернели от дыма. В дальнем конце стоял помост, и на нем большой трон деда, а рядом – трон поменьше, для королевы.

Дед сидел на троне, Камлах стоял по правую руку от него, а Ольвен, жена деда, сидела по левую. Ольвен была его третьей женой. Моложе моей матери, темноволосая, молчаливая, довольно тупая девица; кожа напоминала парное молоко, волосы спадали до колен; она пела, как птица, и шила очень хорошо, но вряд ли умела что-нибудь еще. Мать, наверно, любила и немножко презирала ее. Во всяком случае, они хорошо ладили, против всех ожиданий, и я слышал, как Моравик говорила, что моей матери гораздо легче живется с тех пор, как умерла вторая жена короля, Гвиннет, – это было в прошлом году, – и через месяц ее место на ложе короля заняла Ольвен. Я любил бы Ольвен, даже если бы она шлепала меня и смеялась

надо мной, как Гвиннет, потому что Ольвен хорошо пела, но она всегда была добра ко мне – по-своему, робко, незаметно, и, когда короля не было поблизости, учила меня музыке и даже давала свою арфу, так что я немножко научился играть. Она говорила, что у меня есть слух, но мы оба знали, что скажет король, если узнает про такое баловство, так что она держала свою доброту в секрете, даже от моей матери.

Теперь она не обратила на меня внимания. И никто не обратил, кроме моего кузена Диниаса, который стоял на помосте, рядом с креслом Ольвен. Он был незаконным сыном, которого дед прижил от рабыни. Рослый семилетний мальчишка унаследовал отцовские рыжие волосы и его же норов. Он был силен для своих лет и совершенно ничего не боялся: пользовался расположением короля с тех пор, как в пятилетнем возрасте ухитрился прокатиться на одном из отцовских коней, необъезженном гнедом стригунке, который промчался с ним через весь город и стряхнул лишь тогда, когда врезался в вал высотой по грудь. Дед собственноручно выпорол Диниаса, а потом подарил ему кинжал с золоченой рукояткой. С тех пор Диниас требовал, чтобы его звали принцем – по крайней мере, остальные ребята, – и к другому бастарду (то есть ко мне) относился с величайшим презрением. Сейчас, когда он взглянул на меня, лицо у него было каменное, но левой рукой (той, что дальше от отца) он сделал грубый жест, а потом выразительно рубанул ею вниз.

Я задержался в дверях. За спиной нянька одернула на мне тунику и подтолкнула в спину между лопаток.

– Ну, иди. Выпрямись. Да не съест он тебя.

И словно в доказательство того, что это неправда, вытащила все свои амулеты и забормотала молитву.

В комнате было полно народу. Многих я знал, но были и чужие – наверное, это их я видел на мосту. Их предводитель сидел поблизости от короля, справа от него, в окружении своих людей. Это был тот крупный темноволосый человек, которого я видел, с окладистой бородой, хищным крючковатым носом и толстыми руками и ногами, закутанный в алый плащ. По другую сторону от короля, не на помосте, а внизу, стояла моя мать с двумя своими женщинами. Мне нравилось видеть ее такой: сейчас она оделась как принцесса, в длинное платье из кремовой шерстяной материи – оно ниспадало до самого пола ровными складками, словно деревянное. Ее распущенные волосы дождем струились по спине. На ней был синий плащ с медной застежкой. Лицо бледное, но очень спокойное.

Я был так занят своими страхами – жест Диниаса, опущенное лицо и глаза матери, безмолвная толпа, пустая середина зала, через которую надо пройти, – что даже не посмотрел на деда. Я шагнул вперед – меня все еще никто не замечал, – как вдруг дед с размаху опустил обе руки на деревянные подлокотники своего кресла. Звук был такой, словно конь топнул, – и поднялся так резко, что тяжеленное кресло отъехало назад, оцарапав дубовые доски помоста.

– Клянусь светом!

Его лицо побагровело, покрасневшая кожа лба узлами стянулась над разъяренными голубыми глазками. Он уставился на мать и так шумно набрал в грудь воздух, что у двери, где в испуге застыл я, и то было слышно. Тут бородатый – он поднялся одновременно с дедом – что-то сказал, но так, что я не разобрал, и тут же Камлах коснулся руки деда, что-то шепча ему на ухо. Король помолчал, потом тяжело промолвил:

– Как хочешь. Ладно, потом. Пусть убираются.

И отчетливо – матери:

– Запомни, Ниниана, это еще не все. Шесть лет. Довольно, клянусь богом! Идемте, государь.

Он перебросил плащ через руку, кивнул сыну и, спустившись с помоста, взял бородатого под руку и зашагал к дверям. За ним, кроткая, как телка, семенила Ольвен со своими жен-

щинами, а за ней улыбающийся Диниас. Мать не шевельнулась. Король прошел мимо нее без единого слова, даже не взглянул, и толпа раздалась перед ним, как жнивье под плугом.

Я один остался стоять на дороге, словно прирос к полу, глядя во все глаза, в трех шагах от двери. Когда король был уже близко, я пришел в себя и хотел удрать в прихожую, но было уже поздно.

Он вдруг остановился, выпустил руку Горлана и повернулся в мою сторону. Пола синего плаща отлетела, угол одеяния хлестнул меня по глазам так, что слезы брызнули. Горлан остановился рядом. Он был моложе покойного дяди Диведа и тоже был зол, но скрывал это, и злился он не на меня. Когда король остановился, Горлан удивился и спросил:

– Кто это?

– Да сын ее, если ваша милость сочтет это слово уместным, – ответил дед.

Его золотой браслет сверкнул, он размахнулся и швырнул меня на пол так же легко, как мальчишка прихлопывает муху. Синий плащ пролетел мимо, протопали тяжелые сапоги короля, а за ним – Горлан, задержавшись лишь на миг. Ольвен что-то сказала своим нежным голосом и склонилась было надо мной, но король прикрикнул на нее, она отдернула руку и заспешила вслед за остальными.

Я с трудом поднялся с пола и огляделся, ища Моравик, но ее даже не было видно. Она бросилась прямо к матери. Я стал проталкиваться к ним через толпу в зале, но прежде, чем я добрался до матери, женщины сомкнулись вокруг нее маленькой молчаливой группкой и ушли из зала через другую дверь. Никто из них не оглянулся.

Кто-то заговорил со мной, но я не ответил и выбежал из зала через колоннаду и главный двор в тихий, солнечный сад.

* * *

Дядя нашел меня на терраске Моравик.

Я лежал, растянувшись на горячих плитах, и рассматривал ящерицу. Из всех воспоминаний того дня это – самое живое: ящерка распласталась на горячем камне в футе от моего лица и застыла, как статуэтка из зеленоватой бронзы, только горлышко пульсирует. У нее маленькие черные глазки, тусклые, как булыжник, а глотка розовая, как арбуз. Она то и дело стреляет длинным, остреньким язычком, и ее лапки тихонько шелестят – она перебежала мой палец и исчезла в трещине. Я повернул голову. Через сад шел дядя Камлах. Он взошел на террасу по трем невысоким ступеням, мягко ступая в своих изящных плетеных сандалиях, и остановился, глядя на меня. Я отвернулся. Во мху меж камней росли беленькие цветочки, крохотные, как глазки ящерицы, но точь-в-точь точеные чаши. До сих пор помню их форму так отчетливо, словно сам их выточил.

– Покажись, – сказал он.

Я не шевельнулся. Он подошел к каменной скамье и сел на нее, лицом ко мне, раздвинув колени и положив на них сцепленные руки.

– Мерлин, подними голову.

Я послушался. Некоторое время он молча рассматривал меня.

– Мне всегда говорили, что ты избегаешь шумных игр, что ты прячешься от Диниаса, что из тебя не выйдет ни солдата, ни даже просто мужчины. Но когда король сбил тебя с ног такой оплеухой, от которой любая из его гончих с визгом удрала бы в конуру, ты не издал ни звука, не пролил ни слезинки.

Я промолчал.

– Знаешь, Мерлин, по-моему, ты не совсем тот, за кого тебя принимают.

Молчание.

– Ты знаешь, зачем приехал Горлан?

Я решил, что лучше соврать.

– Нет.

– Он приехал просить руки твоей матери. Если бы она согласилась, ты уехал бы с ним в Бретань.

Я дотронулся пальцем до одной из чашечек во мху. Она лопнула, как дождевик, и исчезла. Я попробовал другую. Камлах сказал резче, чем обычно говорил со мной:

– Ты слушаешь?

– Да. Но теперь все равно, раз она ему отказала. – Я поднял глаза. – Правда ведь?

– Ты имеешь в виду, тебе не хочется уезжать? А я думал... – Он нахмурил красивый лоб совсем как дед. – Ты был бы принцем, жил бы в почете...

– А я и сейчас принц. Большим принцем, чем теперь, я никогда не стану.

– Что ты имеешь в виду?

– Раз она ему отказала, – объяснил я, – значит он мне не отец. А я думал, он мой отец и потому приехал.

– Почему же ты так думал?

– Не знаю. Мне показалось... – Я остановился. Я не смог бы рассказать Камлаху о том озарении, в котором мне открылось имя Горлана. – Я просто подумал, может быть...

– Только потому, что ты ждал его все это время. – Его голос был очень спокойным. – Это глупо, Мерлин. Пора посмотреть правде в глаза. Твой отец умер.

Я положил ладонь на кустик мха, надавил. Я увидел, как пальцы побелели от усилия.

– Это она тебе сказала?

Он пожал плечами:

– Да нет. Но будь он жив, он давно бы приехал. Ты должен понять это.

Я молчал.

– Даже если он и жив, – продолжал дядя, внимательно глядя на меня, – и все-таки не едет, печалиться особенно не о чем, верно?

– Да. Только какого бы низкого происхождения он ни был, это избавило бы мою мать от многих неприятностей. И меня.

Я отвел руку – мох медленно расправился, словно вырос. Но цветочки исчезли.

Дядя кивнул.

– Быть может, с ее стороны было бы умнее принять предложение Горлана или какого-нибудь другого князя.

– Что с нами будет? – спросил я.

– Твоя мать хочет уйти в обитель Святого Петра. А ты шустрый, умный, и мне говорили, что ты немного умеешь читать. Из тебя выйдет неплохой священник.

– Нет!

Он снова вскинул брови:

– Да что ты? Это совсем неплохая жизнь. В воины ты ведь не годишься, это точно. Почему бы не избрать такую жизнь, какая тебе подходит? Будешь жить в безопасности...

– Не обязательно быть воином, чтобы любить свободу! Чтобы меня заперли в таком месте, как монастырь Святого Петра... – Я остановился. Я говорил с жаром, но не хватало слов; хотел объяснить что-то, чего сам не понимал. Я поднял на него горящие глаза. – Я останусь при тебе. Если не нужен – убегу к другому князю. Но я хотел бы остаться с тобой.

– Ну, об этом говорить пока рано. Ты ведь еще маленький. – Он встал. – Лоб болит?

– Нет.

– Надо бы, чтобы тебя осмотрели.

Он подал мне руку, и мы пошли через сад, потом через арку – она вела в собственный сад деда. Я уперся, потянул его за руку.

– Мне сюда нельзя.

– Со мной-то можно. Дед с гостями, он тебя не увидит. Пошли. У меня тут найдется кое-что повкуснее твоих битых яблок. Сегодня собирали абрикосы, и я зашел и отложил из корзины те, что получше.

Он прошел своим легким, кошачьим шагом через заросли бергамота и лаванды, туда, где у высокой стены на солнце стояли абрикосовые и персиковые деревья. Сад был напоен сонным ароматом трав и плодов, а из голубятни доносилось воркование. У моей ноги лежал спелый абрикос с бархатистой кожицей. Я перевернул его носком и увидел, что снизу он прогнил и по нему ползают осы. Вдруг на него упала тень. Дядя стоял надо мной, в каждой руке – по абрикосу.

– Я же говорил, у меня есть кое-что получше паданца. Держи. – Он протянул мне абрикос. – А если они вздумают отлупить тебя за воровство, придется им заодно и меня вздуть.

Он ухмыльнулся и откусил тот абрикос, что остался у него.

Я стоял, держа на ладони большой красивый абрикос. В саду было очень жарко и очень тихо – только пчелы гудели. Абрикос горел, как золото, от него пахло солнцем и сладким соком. На ощупь он был слегка пушистый, как золотая пчелка. У меня потекли слюнки.

– В чем дело? – спросил дядя. Его голос прозвучал раздраженно и нетерпеливо. У него по подбородку тек сок. – Чего ты смотришь, парень? Ешь, ешь! Что тебе не так?

Я поднял глаза и встретил взгляд голубых глаз, жестоких, как у лиса. Я протянул ему абрикос.

– Не хочу. Он весь черный внутри. Посмотри, насквозь видно.

Он резко втянул воздух, словно хотел что-то сказать. За стеной послышались голоса, – наверно, садовники принесли пустые корзины. Дядя наклонился, вырвал у меня абрикос и с размаху швырнул его о стену. Абрикос разбился в лепешку и прилип к кирпичам, по стене побежал золотистый сок. Мимо нас прожужжала вспугнутая оса. Камлах отмахнулся – как-то странно, вбок, – и прошипел голосом, внезапно сделавшимся ядовитым:

– Ну, теперь держись от меня подальше, чертово отродье. Понял? Чтоб я тебя не видел!

Он вытер губы тыльной стороной ладони и большими шагами ушел в дом. Я остался стоять, где стоял, глядя, как сок абрикоса ползет по горячей стене. Оса села на него, поползла, увязая в липком соке, потом вдруг упала на спину, наземь, пронзительно гудя. Ее тело согнулось пополам, гудение перешло в визг, затем стихло.

Я едва видел это: что-то сдавило мне горло, – я думал, что задохнусь, и золотой вечер засверкал и расплылся в слезах. Это было в первый раз в моей жизни, когда я помню себя плачущим.

Садовники шли мимо розовых кустов, неся на голове корзины. Я повернулся и выбежал из сада.

Глава 3

В комнате у меня было пусто, даже волкодав куда-то делся. Я взобрался на кровать, положил локти на подоконник и так и остался сидеть, слушая пение дрозда в ветвях груши, мерные удары молота, доносившиеся из-за закрытых дверей кузни, и скрип колодезного ворота, который вращал ходивший по кругу осел.

Я не помню, сколько так просидел, прежде чем звон посуды и шум голосов не оповестили меня, что на кухне начали готовить вечернюю трапезу. Не помню также, испытывал ли я боль, но когда в комнату вошел конюх Кердик и я повернулся к нему, он остановился как вкопанный и воскликнул:

– Господи помилуй! Что это ты делал? Играл в загоне с быками?

– Я упал.

– Ну да, конечно, ты упал. Интересно, почему это для тебя пол всегда оказывается вдвое тверже, чем для остальных? Кто это тебя так? Этот свиненок Диниас?

Я не ответил, и Кердик подошел к кровати. Кердик был небольшого роста, кривоногий, с загорелым морщинистым лицом и густыми светлыми волосами. Если я забирался на кровать, то мог смотреть ему прямо в глаза, не задирая головы.

– Послушай, что я тебе скажу, – произнес он. – Подрости малость, и я научу тебя кое-чему. Не обязательно быть здоровяком, чтобы одолеть в драке, достаточно знать парочку приемов, это я тебе точно говорю. А если ты ростом с воробья, их непременно нужно знать. Вот я могу повалить мужчину вдвое тяжелее себя – да и женщину тоже, если уж на то пошло. – Кердик рассмеялся и наклонился, чтобы сплунуть, но вспомнил, где находится, и просто откашлялся. – Хотя не думаю, что тебе понадобятся мои приемы, если вырастешь таким высоким парнем, как обещаешь. По крайней мере, с девушками ты и так справишься. Если, конечно, по глупости не изуродуешь себе лицо. Похоже, у тебя может остаться шрам. – Он кивнул в сторону пустого тюфяка Моравик. – А она где?

– Ушла вместе с моей матерью.

– Ну тогда пошли, перевяжу тебя.

Вот так получилось, что моя разбитая скула была обработана мазью, которой лечат лошадей, и я остался ужинать в конюшне у Кердика. Гнедая кобыла то и дело тыкалась носом в охапку соломы, на которой я сидел, а мой толстый ленивый пони подошел к нам, насколько позволяла привязь, и провожал взглядом каждый кусок, который мы отправляли в рот. Должно быть, у Кердика были свои хитрости и в обращении с поварихой; во всяком случае, на ужин мы получили свежие лепешки, по куску копченой курицы, солонину и свежее ароматное пиво.

Когда Кердик вернулся с едой, по его виду я понял, что ему уже обо всем известно. Наверное, во дворце сейчас только и разговору было что об этом происшествии. Но Кердик не стал ни о чем говорить. Он просто протянул мне мою долю и уселся рядом.

– Тебе рассказали? – спросил я.

Кердик кивнул, прожевал и добавил, потянувшись за следующим куском мяса:

– У короля тяжелая рука.

– Он рассердился, потому что мать отказала Горлану. Это из-за меня он хочет отдать ее замуж, но она всем отказывает. А теперь, когда дядя Дивед умер и остался только дядя Камлах, они пригласили Горлана из Малой Британии. Я думаю, это дядя Камлах убедил деда пригласить Горлана, потому что он боится, что если мать выйдет замуж за принца из Уэльса...

Но тут Кердик перебил меня. Он был испуган и поражен моими словами.

– Замолчи сейчас же, малыш! Откуда ты все это знаешь? Ведь те твои родственники обсуждали это при тебе? Если это тебе наговорила Моравик, то ей не стоило...

– Нет, не Моравик. Но я знаю, что это правда.

– Тогда откуда, во имя Громовержца, ты это узнал? Из сплетен рабов?

Я скормил остаток лепешки кобыле.

– Это у тебя будут неприятности, Кердик, если ты будешь взывать к языческим богам. И у Моравик тоже.

– Ну, с такими неприятностями я как-нибудь управлюсь. Так все-таки кто тебе об этом рассказал?

– Никто. Я знаю, и все. Я... я не могу объяснить... Когда мать отказала Горлану, дядя Камлах рассердился ничуть не меньше деда. Он боится, что мой отец вернется и женится на моей матери, а его выгонит. Конечно, деду он в своих страхах не признается.

– Еще бы. – Кердик смотрел перед собой, даже позабыв жевать. Из уголка рта у него потекла струйка слюны. Кердик поспешно сглотнул. – Боги ведают... Бог ведает, откуда ты это взял, но это здорово похоже на правду. Ну ладно, давай дальше.

Гнедая кобыла ткнула мордой мне в шею. Я отогнал ее.

– А что дальше? Горлан теперь сердит, но они задобрят его подарками. А матери придется уйти в обитель Святого Петра. Вот увидишь.

Некоторое время мы молчали. Кердик дожевывал мясо и выбросил кость за дверь, где из-за нее тут же устроили грызню две жившие при конюшне дворняжки.

– Мерлин...

– Что?

– С твоей стороны было бы разумно ни с кем больше об этом не разговаривать. Вообще ни с кем. Понимаешь?

Я не ответил.

– Ребенок не разбирается в делах взрослых. Ну да, я понимаю, что об этом все болтают, но вот насчет принца Камлаха... – Кердик похлопал меня по колену. – Он опасен, вот что я тебе скажу. Оставь все как есть и не мозоль им глаза. Я никому об этом не скажу, можешь мне поверить. Но и ты не должен больше об этом говорить. Такое не сошло бы с рук даже законнорожденному принцу или королевскому любимцу вроде этого рыжего щенка Диниаса, но тебе... – Он снова хлопнул меня по колену. – Ты меня слышишь, Мерлин? Помалкивай, если хочешь сберечь свою шкуру, и не путайся у них под ногами. И скажи мне, кто тебе все это рассказал.

Я подумал о темной пещере в подполье и о небе высоко над головой.

– Никто мне не рассказывал. Честное слово.

Кердик хмыкнул, недоверчиво и обеспокоенно. Я посмотрел ему в глаза и сказал правду – насколько у меня хватило смелости:

– Ну да, действительно, я кое-что подслушал. Взрослые часто переговариваются у меня над головой, не замечая меня, а если и замечают, то им и в голову не приходит, что я могу что-нибудь понимать. Но иногда... – я помедлил, – иногда во мне словно звучит чей-то голос... и я словно бы что-то вижу... А еще со мной разговаривают звезды... и я слышу во тьме музыку и голоса. Это будто сон.

Кердик вскинул руку, словно желая защититься. Я думал, что он перекрестится, но он сделал знак от дурного глаза. Потом он, видимо, устыдился и опустил руку.

– Да, верно, сон. Ты прав. Видно, ты заснул где-нибудь в углу, взрослые затеяли разговор, а ты и наслушался того, чего не должен был слышать. Я чуть было не забыл, что ты всего лишь ребенок. Когда ты так вот смотришь... – Кердик поежился. – Но ты должен пообещать мне, что никому больше не скажешь о том, что услышал.

– Ладно, Кердик. Я обещаю. Но только если ты взамен пообещаешь мне кое-что сказать.

– И что же?

– Кто мой отец?

Кердик поперхнулся пивом, медленно вытер пену с лица, отложил рог и с неудовольствием посмотрел на меня.

– С чего ты взял, что мне это известно?

– Я думал, тебе могла сказать Моравик.

– А что, она знает?

В голосе Кердика звучало такое удивление, что я сразу ему поверил.

– Когда я ее спросил, она ответила, что есть вещи, которых лучше вообще не касаться.

– И правильно сказала. Хотя, по-моему, это была просто отговорка и Моравик известно не больше, чем всем остальным. Но если тебе, юный Мерлин, интересно, что об этом думаю я, так я тебе скажу, что, если бы госпожа считала нужным, чтобы ты знал, кто твой отец, она сама бы тебе и рассказала. Но что-то мне сомнительно, чтобы ты это узнал в ближайшем будущем.

Я увидел, что он еще раз сделал охранительный знак, но теперь уже стараясь, чтобы я этого не заметил.

– Ты дал мне слово. Не забыл?

– Нет.

– Я присматривался к тебе. Ты не похож на других, и иногда я думаю, что ты ближе к диким животным, чем к людям. Ты знаешь, что имя, которое дала тебе мать, означает «сокол»?

Я кивнул.

– Ну ладно, ты вот о чем подумай. Пока что лучше бы тебе выбросить из головы мысли о соколах. По правде говоря, их и так слишком много развелось. Мерлин, ты видел вяхирей?

– Диких голубей, которые пьют из фонтана вместе с белыми голубями, а потом улетают прочь? Конечно. Я кормлю их зимой, вместе с домашними.

– У меня на родине говорят, что у вяхирей много врагов, потому что у них нежное мясо и вкусные яйца. Но они живут и благоденствуют, потому что умеют вовремя улететь. Госпожа Ниниана может называть тебя соколом, если ей так угодно, но тебе еще далеко до сокола, юный Мерлин. Пока что ты всего лишь голубь. Не забывай об этом. Держись потише и вовремя улетай. Запомни, что я тебе сказал.

Кердик покачал головой и протянул руку, чтобы помочь мне подняться.

– Как твоя рана?

– Жжет.

– Значит, уже затягивается. На самом деле там ничего серьезного, должно быстро зажить.

Рана действительно зажила быстро, не оставив после себя ни малейшего следа. Но я помню, как она ныла той ночью. Боль не давала мне уснуть, и Кердик с Моравик, лежавшие в другом углу, помалкивали, наверное опасаясь, как бы я чего не узнал из их бормотания.

Когда они уснули, я тихонько выбрался из комнаты, обойдя ворчащего волкодава, и отправился в подполье.

Но из всего, что я слышал той ночью, в памяти у меня остался лишь нежный, как у дрозда, голос Ольвен, певшей незнакомую мне песню о диком гусе и охотнике с золотой сетью.

Глава 4

После этих событий жизнь снова потекла по привычному руслу, и я уж было думал, что дед наконец-то смирился с нежеланием моей матери выходить замуж. Примерно с неделю отношения между ними оставались натянутыми, но теперь, когда Камлах был дома, словно никогда и не уезжал, и в предвкушении охотничьего сезона, король позабыл о давней неприязни, и все пошло своим чередом.

Но только не для меня. После той стычки в саду Камлах перестал покровительствовать мне, а я больше не ходил за ним по пятам. Но он по-прежнему был довольно добр ко мне, и пару раз вступился за меня во время моих потасовок с мальчишками. Как-то он даже встал на мою сторону против Диниаса, который теперь сделался его любимцем.

Но мне больше не нужна была его защита. Тот сентябрьский день преподнес мне и другие уроки, кроме поучения Кердика о вяхире. Я решил сам разобраться с Диниасом. Как-то раз, пробираясь под его спальней, по дороге в мою «пещеру», я услышал, как Диниас и Брис, его прихвостень, смеются, обсуждая свою вечернюю выходку. Они выследили Алуна, друга Камлаха, когда тот отправился на свидание с одной из служанок, и подсмотрели все, что было между ними, до самого конца. Когда на следующее утро Диниас подстерег меня, я не стал убегать, а повторил дословно пару его высказываний и поинтересовался, не встречался ли он сегодня с Алуном. Диниас изумленно уставился на меня, покраснел, потом побледнел (у Алуна была тяжелая рука и не менее тяжелый характер) и удрал, сделав знак от сглаза. Возможно, он предпочел считать это магией, а не обычным шантажом. Я не стал его разубеждать. После этого случая никто из детей не поверил бы даже верховному королю, если бы тот приехал и объявил себя моим отцом. Они оставили меня в покое.

Это было к лучшему. Зимой пол в бане обвалился, и дед, решив, что это может оказаться опасным, приказал набросать в подпол крысиного яду и засыпать его. Мне, словно выкуренному из норы зверенышу, пришлось как-то устраиваться на поверхности земли.

Через шесть месяцев после визита Горлана, когда на смену холодному февралю пришли первые дни набухающего почками марта, Камлах принялся заводить разговоры – сперва с моей матерью, потом с дедом – о том, что меня надо обучить чтению и письму. Я думаю, мать была благодарна Камлаху за это проявление заботы обо мне; я тоже был обрадован этим и постарался выказать свою радость, хотя со времени той стычки в саду у меня не осталось ни малейших иллюзий относительно истинных побуждений Камлаха. Впрочем, я не видел особого вреда в том, чтобы Камлах думал, что мое отношение к карьере священника изменилось. Мать объявила, что никогда не выйдет замуж, и все чаще посещала монастырь Святого Петра, чтобы поговорить с настоятельницей и священниками, время от времени посещавшими обитель. Это развеяло наихудшие опасения Камлаха – что мать может выйти замуж за принца из Уэльса, который впоследствии будет претендовать на престол, или что мой неведомый отец когда-нибудь вернется, объявит ее своей женой, а меня сыном и окажется достаточно могущественным человеком, чтобы вытеснить самого Камлаха. Для Камлаха не имело значения, что ни в том, ни в другом случае я не был бы для него опасен, а сейчас – так и вовсе, ведь незадолго до Рождества Камлах женился, и уже к началу марта было заметно, что его жена понесла. Даже ставшая очевидной беременность Ольвен ничем ему не грозила, поскольку благосклонность отца к Камлаху была столь велика, что новорожденный брат не мог стать для него серьезным соперником. Тут и думать было не о чем; Камлах пользовался репутацией хорошего воина, умел привлекать людей на свою сторону, ему были присущи безжалостность и здравый смысл. Безжалостность Камлаха проявилась в той попытке отравить меня, а здравый смысл – в его безразлично-доброжелательном отношении ко мне с тех пор, как моя мать объявила о своем решении и я перестал представлять собой какую-либо опасность для Камлаха. Но я замечал, что честолюбивые и властные люди зачастую боятся даже малейшей угрозы своей власти. Камлах успокоился бы лишь тогда, когда я сделался бы священником и навсегда покинул дворец.

Но каковы бы ни были побуждения Камлаха, появление учителя меня обрадовало; это оказался грек, бывший прежде писцом в Массилии, но допившийся до долговой ямы и до рабства; теперь его приставили ко мне. Он учил меня хорошо – из благодарности за перемену в своем положении и избавление от тяжелого труда – и без религиозной предвзятости, сильно сужавшей те знания, которые я ухитрился почерпнуть у священников моей матери. Деметрий был приятным, но не слишком умным человеком, обладавшим большими способностями к языкам. Единственным его развлечением была игра в кости и выпивка, если ему удавалось выиграть. Время от времени, когда Деметрий выигрывал достаточно много, я находил его безмятежно спящим над книгами, но никогда и никому об этом не рассказывал и только рад был случаю заняться своими делами. Деметрий был благодарен мне за молчание, и когда я прогуливал занятия, он, в свою очередь, помалкивал и не старался разузнать, где это меня носило. Учеба давалась мне легко, и я выказывал достаточные успехи, чтобы моя мать и дядя Камлах остались довольны, так что мы с Деметрием уважали тайны друг друга и неплохо ладили.

Однажды августовским днем, почти год спустя после приезда Горлана ко двору моего деда, я оставил Деметрия мирно спать и в одиночку уехал в лежащие за городом холмы.

Я не первый раз воспользовался этим путем. Быстрее было бы проехать мимо казарм, а потом по военной дороге, ведущей через холмы к Каэрлеону, но тогда пришлось бы ехать через город, где меня могли заметить и начать расспрашивать. Потому я предпочел отправиться вдоль берега реки. Через ворота, которыми почти никто не пользовался, с нашего конского двора можно было выбраться прямо на широкую ровную тропу, проложенную лошадьми, таскающими баржи. Эта тропа тянулась вдоль реки на довольно большое расстояние, огибая монастырь Святого Петра и повторяя плавные изгибы Тиви, до мельницы – дальше баржи не

поднимались. Я никогда еще не забирался дальше мельницы, но там оказалась тропинка, ведущая через дорогу и дальше вдоль впадающего в реку ручья – он помогал крутить мельничные колеса.

День был жарким, дремотным, полным запаха папоротника. Над рекой сновали синие стрекозы – их крылья блестели в лучах солнца, а над таволгой вились тучи мошкары.

Копыта моего пони глухо постукивали по сухой глинистой тропе. Нам встретился большой серый, в яблоках конь, тянувший от мельницы пустую баржу, – сейчас был отлив, и коню было не тяжело. Сидевший на конской холке мальчишка поздоровался со мной, а рулевой на барже помахал рукой.

Когда я добрался до мельницы, там никого не было видно. На узком причале были сложены только что выгруженные мешки с зерном. Развалившийся рядом с ними на жарком солнце пес мельника лениво приоткрыл один глаз, когда я направил своего пони в тень. Лежащая передо мной прямая военная дорога была пуста. В трубе под дорогой журчал ручей, и я увидел, как из воды выпрыгнула форель, блеснула на солнце и вновь исчезла в брызгах пены.

Хватятся меня не скоро. Я направил пони от ручья к дороге, выиграв короткое сражение, когда он вознамерился было повернуть домой, потом пустил его рысью по тропинке, ведущей от ручья в холмы.

Сперва тропинка вилась по крутому берегу ручья, потом она выбралась из лощины, поросшей терновником и молодыми дубками, и, плавно обогнув открытый склон холма, устремилась на север.

Здесь горожане пасли своих овец и коров, поэтому трава была невысокой, словно подстриженной. Я проехал мимо пастушонка, дремавшего под кустом боярышника неподалеку от своих овец; он с глуповато-отсутствующим видом уставился на меня, перебирая кучку камней, которыми швырял в отбившихся от стада овец. Когда я поравнялся с ним, парнишка выбрал гладкий зеленоватый булыжник, и я подумал, что он хочет бросить этим камешком в меня, но пастушонок запустил булыжником в нескольких упитанных ягнят, что забрели слишком далеко, и снова погрузился в дрему. Дальше на лугу, у реки, где трава была повыше, паслись черные коровы, но пастуха не было видно. А у самого подножия холма, рядом с крохотной лачужкой, я увидел девочку со стадом гусей.

Вскоре тропинка снова принялась карабкаться вверх по склону, и мой пони пошел помедленнее, выбирая дорогу среди редколесья. Подлесок зарос густым орешником, через беспорядочное нагромождение замшелых камней пробивались рябина и шиповник, а папоротник был высотой по грудь человеку. Через его заросли то и дело пробегали кролики, а пара соек верещала на лису, чувствуя себя в безопасности на вершине граба. Я подумал, что здесь слишком твердая почва, чтобы на ней оставались отчетливые следы, но мне не попадалось никаких признаков, позволяющих предположить, что по этой тропе недавно проезжал другой всадник, – ни примятого папоротника, ни сломанных веточек.

Солнце стояло высоко. По кустам боярышника пронесся легкий ветерок, постукивая твердыми, недозревшими ягодами. Я ткнул пони пятками. Среди дубов и остролиста начали встречаться сосны, чьи стволы отливали медью под лучами солнца. Чем выше в гору поднималась тропа, тем тверже становилась почва, пестреющая серыми залысинами валунов, выбившихся из-под тонкого слоя дерна, и многочисленными кроличьими норами. Я не знал, куда ведет эта тропа, и вообще не знал ничего, кроме того, что я один и свободен. Ничто не подсказывало мне, что это был за день и какая путеводная звезда привела меня в холмы. В те дни будущее еще не было открыто мне.

Пони замедлил шаг, и я пришел в себя. Тропа раздваивалась, и я не знал, какой путь лучше избрать. С двух сторон она шла в обход чащи.

Пони решительно повернул влево, вниз по склону. Наверное, я позволил бы ему идти, куда он захочет, но в этот момент тропу передо мной слева направо пересекла низко пролетев-

шая птица и скрылась за деревьями. Заостренные крылья, вспышка рыжего и синевато-серого, хищный темный глаз и загнутый клюв – мерлин! Ну хоть какой-то повод. Я повернул пони в ту сторону и наподдал ему пятками.

Тропа полого взбиралась по склону, оставляя лес по левую руку.

Это была сосновая чаща, темная и такая густая, что проложить путь через нее можно было лишь с топором. Я услышал хлопанье крыльев вяхиря, который выбрался из своего убежища и, оставаясь невидимым, полетел вглубь леса. Вяхирь направился налево. А я последовал за соколом.

Я отъехал уже довольно далеко от долины реки и от города. Пони пробирался по краю неглубокого овражка, на дне которого журчал небольшой ручей. На другом берегу покрытый дерном склон переходил в каменистую осыпь, и над всем этим высились залитые солнцем синесерые скалы. Склон, по которому я ехал, был усеян кустами боярышника, отбрасывающими омуты косых теней, а выше снова начиналась осыпь и поросший плющом утес, и в прозрачном воздухе над ним кружили и перекликались клушицы. Если бы не их оживленные крики, в долине царил бы полная тишина, не нарушаемая даже эхом.

Копыта пони глухо стучали по твердой земле. Было жарко, и хотелось пить. Теперь тропа шла вдоль невысокого утеса, футов двадцать в высоту, и ее затеняли росшие у подножия утеса густые кусты боярышника. Где-то выше по склону, совсем недалеко от меня, слышалось журчание воды.

Я остановил пони, соскользнул с него и, привязав, принялся искать источник.

Скала у тропы была сухой, да и ниже по тропе я не видел, чтобы к ручью, текущему по дну овражка, присоединялся какой-нибудь приток. Но журчание воды было совершенно ясным и отчетливым. Я сошел с тропы и принялся карабкаться по травянистому склону, пока не оказался на небольшом ровном пятке – сухой лужайке, усеянной кроличьим пометом, на краю которой возвышался еще один утес.

В скале была пещера. Округлый вход был небольшим, правильной формы, почти как рукотворная арка. С одной стороны, справа от меня, склон покрывали поросшие травой каменные глыбы, когда-то давно сорвавшиеся сверху. Теперь через щели между камнями проросли дубки и рябины, чьи ветви затеняли вход в пещеру. По другую сторону, всего в нескольких шагах от входа, бил родник.

Он был очень маленьким – поблескивающая струйка воды, сочащаяся из трещины в скале и собирающаяся в небольшом круглом углублении в камне. Из этого бассейна вода не вытекала. Вероятно, она вытекала из скалы, собиралась в этом углублении и снова просачивалась сквозь трещины в скале, присоединяясь к протекающему внизу ручью. Сквозь прозрачную воду мне был виден каждый камушек, каждая песчинка на дне этого озера. Над ним рос раскидистый папоротник, а края водоема были покрыты мхом и заросли густой зеленой травой. Я опустился на колени и наклонился было к воде, но тут увидел ковшик. Он стоял в крохотной нише среди папоротников. Небольшой ковшик, с ладонь размером, был вырезан из коричневого рога. Когда я поднял его, то за ним обнаружилась полускрытая папоротниками вырезанная из дерева фигурка бога. Я узнал его. Я видел его под дубом в Тир-Мирддине. Здесь, под открытым небом, на вершинах холмов, он был в своих владениях.

Я зачерпнул воды и выпил, плеснув несколько капель на землю, для бога, потом вошел в пещеру.

Глава 5

Пещера была больше, чем казалось снаружи. Всего лишь пара шагов под арку входа – а мои шаги были совсем короткими, – и передо мной распахнулся просторный грот, своды которого исчезали в полутьме. В пещере было темно, но все же – хотя сперва я не заметил

этого и не стал доискиваться причины – где-то находился еще один источник света, слегка рассеивавший темноту и позволяющий увидеть ровный и чистый пол. Я медленно двинулся вперед, вглядываясь изо всех сил, и из самых глубин моего существа поднималось волнение, которое всегда вызывали у меня пещеры. Некоторые люди испытывают это чувство рядом с водой, другие, насколько я знаю, в горах, кто-то ради этих ощущений разводит огонь, а меня волнение всегда охватывало в глубинах леса или земли. Теперь я знаю причину этого, но тогда я был мальчишкой, обнаружившим нечто новое, такое, что могло бы стать моим в мире, где мне не принадлежало ничего.

В следующее мгновение я остановился как вкопанный, и все мое радостное возбуждение разлетелось вдребезги. Справа, совсем недалеко от меня, в темноте что-то шевельнулось.

Я застыл, стараясь хоть что-нибудь рассмотреть. Движение не повторилось. Затаил дыхание, прислушался. Ни малейшего шума. Я раздувал ноздри, втягивая в себя воздух пещеры. Здесь не пахло ни человеком, ни зверем. Я думал, что это и есть запах пещеры – дыма, влажных камней и самой земли, – но к нему примешивался незнакомый мне странный кисловатый запах. Я знал, хотя и не мог выразить этого словами, что рядом со мной не было ни одного живого существа, иначе окружающий меня воздух не вызывал бы такого ощущения пустоты. Там никого не было.

Я попытался тихо заговорить по-валлийски:

– Здравствуй.

Мой шепот так быстро вернулся ко мне эхом, что я понял, что стою совсем рядом со стеной пещеры. Потом эхо угасло под сводами.

Во тьме снова что-то шевельнулось. Сперва я принял это движение за шепот, повторенный эхом, но шорох все усиливался, напоминая шелест женского платья или занавески, тронутой сквозняком. Что-то пронеслось рядом с моей щекой, издав пронзительный писк на самом пределе слышимости. За ним последовало другое существо, а затем с потолка посыпались пищащие тени, словно листья, подхваченные порывом ветра, или рыбы, увлекаемые стремительным течением. Это летучие мыши, потревоженные в своих укрытиях под сводом пещеры, хлынули в залитую солнцем долину. Снаружи должно было казаться, что из низкого зева пещеры валят клубы дыма.

Я стоял неподвижно и думал, не от них ли исходил тот странный кислый запах. Мне казалось, что я чувствую их запах, когда они пролетают мимо, но он был не таким. Я не боялся, что они врежутся в меня; во тьме или при свете, летучие мыши никогда, ни на какой скорости ни с чем не сталкиваются. Я думаю, эти создания настолько подобны воздуху, что обтекают любое препятствие вместе с ним, точно так же, как лепестки, которые несет поток. Они верещащей волной проносились между мной и стеною. Из детского любопытства, чтобы посмотреть, как они летят, я сделал шаг к стене. Ни одна мышь не коснулась меня. Поток разделился надвое и продолжил движение, так что мои щеки ощущали дрожание воздуха. Я словно не существовал для них. Но в тот момент, когда я шевельнулся, шевельнулось и замеченное мною существо. А затем моя протянутая рука встретила не с камнем, а с металлом, и я понял – это было мое отражение.

На стене висел лист бронзы, отполированный до тусклого блеска. Именно он и был источником рассеянного света в пещере. Гладкая поверхность этого зеркала улавливала идущий от входа свет и отбрасывала его в темноту. Я увидел себя,двигающегося, словно привидение, и убрал руку с рукояти висевшего на поясе кинжала.

Поток летучих мышей позади меня иссяк, и в пещере стало тихо.

Успокоившись, я остался стоять, с интересом разглядывая себя в зеркале. У моей матери когда-то было старинное зеркало египетской работы, но потом она посчитала его слишком суетной вещью, убрала и больше никогда не доставала. Конечно, я часто видел свое отражение в воде, но до этого момента мне никогда не приходилось смотреться в зеркало. Я увидел встре-

воженного темноволосого мальчика, с глазами, полными любопытства, беспокойства и возбуждения. При этом освещении мои глаза казались совершенно черными; волосы, тоже черные, были густыми и чистыми, но подстриженные и расчесанные куда хуже, чем грива моего пони; мои туника и сандалии были в плачевном состоянии. Я улыбнулся, и зеркало тут же отразило улыбку, совершенно преобразившую мой облик. Испуганный звереныш, готовый убежать или кинуться в драку, превратился в живое, мягкое и дружелюбное существо. Я уже тогда понял, что таким меня знают немногие.

Потом, когда я потянулся вперед, чтобы провести рукой по зеркалу, эта картина опять уступила место облику настороженного зверька. Металл был холодным, гладким и свеженачищенным. Кто бы ни повесил его – а это наверняка был тот же самый человек, который оставил ковшик у источника, – он покинул это место совсем недавно или даже все еще живет здесь и в любой момент может вернуться и застать меня в пещере.

Я не слишком боялся, так как мне рано пришлось научиться постоять за себя, да и времена, в которые я рос, были довольно мирными – по крайней мере, в наших краях. Но конечно, всегда существует возможность столкнуться с дикарями, разбойниками, изгоями или еще какими-нибудь лихими людьми, так что любой мальчишка, предпочитавший, как я, бродить в одиночестве, должен уметь защищать свою шкуру. Я был жилистым и довольно сильным для своего возраста, у меня имелся кинжал, и даже в голову не приходило, что мне едва исполнилось семь лет; я ведь Мерлин, внук короля – не важно, что незаконный. Я снова занялся изучением пещеры.

Следующей моей находкой оказался стоявший шагом дальше сундук, на крышке которого я нащупал какие-то предметы, в которых узнал кремень, кресало, трутницу и большую, грубо слепленную свечу, неприятно пахнущую овечьим салом. Рядом с ними лежал череп барана. Я недоверчиво ощупал сундук дюйм за дюймом. Между вбитыми в крышку сундука гвоздями были натянуты клочки кожи. Но когда я осторожно прикоснулся к ним, то обнаружил под иссохшей кожей крохотные скелеты – это оказались дохлые летучие мыши, распяленные на досках.

Настоящая пещера сокровищ! Ни золото, ни оружие не взволновали бы меня сильнее. Преисполнившись любопытства, я потянулся за трутницей.

И тут я услышал, что он возвращается.

Первой моей мыслью было, что этот человек наверняка увидит моего пони, но потом понял, что хозяин пещеры идет не с той стороны холма, по которой приехал я. Было слышно, как шуршат, скатываясь, камни осыпи, по которой он спускался. Один из них с плеском упал в источник – бежать было поздно. Я услышал, как человек спрыгнул на полянку рядом с родником.

Сокол был забыт; снова настало время вяхиря. Когда человек отодвинул ветви, заслонявшие вход, ворвавшегося на мгновение света оказалось достаточно, чтобы указать мне путь. На задней стене пещеры обнаружился пологий выступ на высоте примерно вдвое выше моего роста. Отраженный зеркалом краткий промельк солнечного света выхватил нависшую над карнизом тень, достаточную для того, чтобы укрыть меня. Беззвучно ступая в своих потрепанных сандалиях, я вскарабкался на этот выступ и забился в тень. Там оказалась щель в скале, ведущая, видимо, в другую пещеру, поменьше. Я проскользнул в расщелину, как выдра, скатывающаяся с речного берега.

Казалось, хозяин пещеры ничего не услышал. Ветви сомкнулись за его спиной – в пещере снова потемнело, – и он вошел. Это были мужские шаги, размеренные и неспешные.

Если бы я поразмыслил, то наверняка решил бы, что в пещере никого не бывает по крайней мере до захода солнца, что хозяин пещеры, кем бы он ни был, должен уходить на охоту или еще по каким-нибудь делам и возвращаться только с наступлением ночи. Не было никакого смысла зажигать свечу, когда снаружи ярко светило солнце. Вероятно, он зашел лишь затем,

чтобы занести домой добычу, и теперь уйдет снова, а у меня появится возможность выбраться отсюда.

Но потом я услышал, как он, двигаясь с уверенностью человека, который, не глядя, знает, что где находится, прошел туда, где лежали свеча и трутница.

Меня беспокоила лишь одна мысль или ощущение – в пещерке, в которую я заполз, было на редкость неудобно. Она была очень маленькой, размером примерно с чан для окрашивания тканей и почти такой же формы. Пол, стены и потолок окружали меня одной непрерывной линией. Похоже было, что я оказался внутри большого шара – более того, этот шар был усеян изнутри мелкими острыми камушками. Казалось, в моей берлоге не было ни одного дюйма, который не щетинился бы острыми осколками, и, думаю, только мой невеликий вес сохранил меня от порезов, когда я ощупью искал место, где можно было бы улечься. Я нашел более-менее ровное местечко, свернулся на нем и принялся напряженно вглядываться в едва видневшийся вход, осторожно извлекая из ножен свой кинжал.

Я услышал удары кремня о кресало, потом искра упала на трут и вспыхнул свет, после темноты казавшийся очень ярким. Потом неспешно, мягко принялась разгораться зажженная этим человеком свеча.

Или, точнее, я должен был увидеть медленно разгорающийся огонек свечи. Но вместо этого на меня обрушилась вспышка, сверкание, пожар, словно взревело пламя пропитанного смолой сигнального огня. В моей пещерке разлился и запылал золотой, белый, красный, совершенно нестерпимый свет. Испугавшись наконец, я отшатнулся от этого света и, не обращая внимания ни на боль, ни на порезы, прижался к колючей стене. Казалось, весь шар, в котором я лежал, наполнился пламенем.

Это в самом деле была круглая пещерка, пол, стены и потолок которой состояли из кристаллов хрусталя, острых и гладких, как стекло, но прозрачнее любого стекла, какое мне доводилось видеть, сверкающих, как алмазы. По малолетству я поначалу за алмазы их и принял. Я сидел в шаре, усеянном тысячами пылающих алмазов: грань каждого из камней вспыхивала светом, разбрасывая его во все стороны, от алмаза к алмазу; радуги, реки, полыхающие звезды и красный дракон, ползущий по стене, а под ним слабо вырисовывается девичье лицо с закрытыми глазами – и свет вливался в мое тело, грозя взорвать меня изнутри.

Я зажмурился. Когда снова открыл глаза, золотой свет угас и собрался на стене пятном размером с мою голову, и в этом пятне не было видений – лишь сверкающие лучи били из него.

В нижней пещере было тихо, человек не шевелился. Я не слышал даже шороха одежд.

Потом пятно света переместилось. Полыхающий диск медленно пополз по стене, усеянной кристаллами. Я задрожал и теснее прижался к острым камням, пытаясь укрыться от света. Но деваться было некуда. Он медленно продвигался вдоль изгиба стены, коснулся моего плеча, головы. Я пригнулся и съехал. От моего движения по шару разбежались тени, как круги по воде.

Свет остановился, вернулся на прежнее место, застыл. Потом исчез.

Но свеча, как ни странно, продолжала гореть – ровный, желтый, обычный отсвет виднелся в проеме в стене моего убежища.

– Выходи.

Мужской голос, негромкий, не охрипший, как у моего деда, привыкшего командовать отрядами, звучал отчетливо и кратко, со всей таинственной силой приказа. Мне и в голову не пришло послушаться. Я прополз по острым кристаллам и протиснулся в отверстие. Потом встал на ноги на уступе, медленно выпрямился, прижавшись спиной к стене внешней пещеры, и, держа наготове кинжал, посмотрел вниз.

Глава 6

Он стоял, загораживая собой свечу, – ужасно высокий (по крайней мере, так мне показалось тогда), в длинном одеянии из некрашеной домотканины. Его волосы, освещенные сзади свечой, стояли вокруг головы, словно нимб. Похоже, они были седые. У него была борода. Лица его я не видел, а правая рука спряталась в складках одежды.

Я настороженно выжидал.

– Убери кинжал и иди сюда, – произнес он тем же тоном.

– Сперва покажи правую руку, – потребовал я.

Человек поднял руку ладонью вперед. Ладонь была пустая.

– При мне нет оружия, – сказал он серьезно.

– Тогда отойди с дороги! – крикнул я и прыгнул.

Пещера была широкая, а незнакомец стоял сбоку. Я прыгнул шага на четыре, пробежал мимо него и оказался у выхода прежде, чем он успел сделать хотя бы шаг. Впрочем, он и не шевельнулся. Когда я подбежал к выходу и раздвинул ветки, собираясь выскочить наружу, то услышал, что он смеется.

Этот смех остановил меня. Я обернулся.

Теперь в пещере стало светло, и отсюда я хорошо его видел. Он был стар; его седые волосы редели на макушке и жидкими прядями свисали на уши. Лицо обросло неровно подстриженной седой бородой. Руки – мозолистые, в грязи, но изящные, с длинными пальцами. Старческие, узловатые руки, покрытые набухшими жилами, похожими на червей. Но прежде всего меня привлекло его лицо. Худое, с запавшими щеками, напоминающее череп, высокий куполообразный лоб, лохматые седые брови, сросшиеся над глазами... А вот глаза у него были вовсе не старческие. Близко посаженные, большие, лучисто-серые, удивительно ясные. Нос – тонкий, крючковатый; рот, растянутый в смехе, открывал на удивление крепкие зубы.

– Возвращайся! Тебе нечего бояться.

– Я и не боюсь!

Я отпустил ветки и не без вызова направился к нему. Остановился в нескольких шагах.

– Почему это я должен тебя бояться? Ты знаешь, кто я такой?

Он пригляделся, вроде как поразмыслил...

– Ну-ка, поглядим... Черные волосы, черные глаза, тело танцовщика, повадки волчонка... или, быть может, молодого сокола?

Я уронил руку с кинжалом.

– Так ты меня знаешь?

– Ну, скажем так: я знал, что в один прекрасный день ты приедешь ко мне, а сегодня я понял, что здесь кто-то есть. Как ты думаешь, почему я вернулся так рано?

– А откуда ты узнал, что тут кто-то есть? Ах да, конечно! Летучие мыши!

– Быть может...

– Они каждый раз так вылетают?

– Нет, только когда приходит кто-то чужой. Убери кинжал, господин.

Я сунул кинжал за пояс.

– Меня так никто не зовет. Я бастард. Это значит, что я не принадлежу никому – только самому себе. Меня зовут Мерлин, но это ты уже знаешь.

– А меня – Галапас. Есть хочешь?

– Х-хочу, – сказал я неуверенно: мне вспомнился череп и мертвые летучие мыши.

К моему смущению, он догадался. Серые глаза насмешливо вспыхнули.

– Как насчет яблок и медовых лепешек? И свежей воды из источника? Лучшего не найдешь и в королевском дворце!

– В это время в королевском дворце меня кормить бы не стали, – честно ответил я. – Благодарю тебя, господин. Я буду рад отобедать с тобой.

Он улыбнулся:

– Меня так никто не зовет. И я тоже никому не принадлежу. Иди сядь на солнышке, а я вынесу поесть.

Яблоки оказались на вид и на вкус точь-в-точь такие же, как в саду моего деда, так что я украдкой косился на моего гостеприимного хозяина, разглядывая его при солнечном свете и соображая, мог ли видеть его на берегу или в городе.

– Ты женат? – спросил я. – Кто печет тебе эти лепешки? Они очень вкусные!

– Я не женат. Я же сказал, что не принадлежу никому, ни мужчине, ни женщине. Вот увидишь, Мерлин: люди – и мужчины, и женщины – всю жизнь будут пытаться упрятать тебя в клетку, но ты будешь ускользать от них, или сминать решетку, или плавить ее – как тебе угодно, – пока наконец не дашь добровольно запереть себя в клетке и не уснешь в ее тени... А лепешки мне печет жена пастуха. Она делает их столько, что хватает на троих, и по доброте душевной уделяет часть мне.

– Так ты отшельник, да? Святой человек?

– Я что, похож на святого человека?

– Не-ет!

Это была правда. Насколько я помню, единственные, кого я боялся в то время, были одинокие святые люди, которые временами забредали в наш город, проповедовали и просили милостыню; странные, надменные, шумные, с сумасшедшинкой в глазах, а пахло от них точь-в-точь как от отбросов, сваленных возле боен. Временами трудно было определить, какому богу они служат. Поговаривали, что среди них есть друиды, которые официально находились вне закона, но по деревням Уэльса они отправляли свои обряды по-прежнему, и никто их особенно не беспокоил. Немало было приверженцев местных божеств; и поскольку популярность этих богов менялась в зависимости от времени года, жрецы тоже меняли своих покровителей в зависимости от того, какому имени подавали больше. Даже христианские священники иногда так поступали, но настоящих христиан отличить бывало нетрудно: они выглядели самыми грязными. Римские боги и их служители спокойно сидели в своих рушащихся храмах, но ничего не имели против приношений. Церковь косилась на них, но ничего поделать не могла.

– Там, у источника, бог... – осторожно сказал я.

– Да, Мирддин. Он делится со мной водой, и полым холмом, и небом, наполненным переливами света, а я за это воздаю ему должное. Не подобает пренебрегать местными богами, кем бы они ни были. В конце концов, все они – одно.

– Но если ты не отшельник, тогда кто же ты?

– Ну, сейчас, например, я учитель.

– У меня тоже есть наставник. Он прибыл из Массилии, но родился он в Риме. А кого ты учишь?

– До сих пор я никого не учил, потому что стар и устал от жизни. Я поселился тут в одиночестве и занимаюсь науками.

– А зачем тебе дохлые мыши там, на сундуке?

– Я их изучаю.

Я изумленно уставился на него.

– Изучаешь? Как можно изучать мышей?

– Я изучаю, как они устроены, как летают, как спариваются, как питаются, как они живут. И не только мышей, но и других животных, рыб, растения, птиц – все, что я вижу вокруг.

– Какая же это наука! – Я смотрел на него с изумлением. – Деметрий – это мой наставник – говорит, что смотреть на ящериц и птиц – только мечтания и пустая трата времени. Хотя Кердик, мой друг, советовал мне учиться у вяхирей.

– Чему же?

– Быть проворным, тихим и уметь скрываться из виду. Потому что, хотя вяхирь откладывает всего два яйца и все на него охотятся – и люди, и звери, и коршуны, – вяхирей все равно больше, чем всех прочих птиц. И еще, их не держат в клетках.

Он отхлебнул воды и взглянул на меня.

– Так у тебя есть наставник. Значит, ты умеешь читать?

– Конечно!

– А по-гречески читаешь?

– Немного.

– Тогда пошли.

Он встал и направился в пещеру. Я последовал за ним. Старик снова зажег свечу – перед тем он погасил ее, чтобы не горела зря, – и откинул крышку сундука. В нем лежали книги-свитки – я думал, что столько и на всем свете нет. Он выбрал одну из них, аккуратно опустил крышку и развернул книгу.

– Смотри.

Я с восхищением увидел, что в книге нарисован скелет летучей мыши.

Рисунок был тонкий, но очень отчетливый. А рядом – мелкие, непонятные греческие буквы. Я тут же принялся разбирать их, читая вслух, забыв даже о присутствии Галапаса.

Через пару минут на плечо мне легла его рука.

– Пошли на улицу.

Он выдернул гвозди, которыми было прикреплено к доске высохшее кожистое тельце, и бережно положил его на ладонь.

– Задуй свечу. Давай поглядим вместе.

Так, без долгих разговоров и церемоний, начался мой первый урок с Галапасом.

* * *

Лишь когда заходящее солнце коснулось гребня холма и по склону поползли длинные тени, я вспомнил об иной жизни, что ждала меня дома, и о том, как далеко мне возвращаться. Я вскочил.

– Мне ехать надо! Деметрий, конечно, ничего не скажет, но если я опоздаю к ужину, меня спросят, где я был.

– А ты им говорить не собираешься?

– Нет. А то мне не разрешат приехать снова.

Он улыбнулся, но ничего не сказал. Наверно, тогда я даже не замечал, что вся наша беседа была построена на некоем молчаливом соглашении: он не спросил ни как я сюда попал, ни зачем. Я был еще ребенком и потому принимал это как нечто само собой разумеющееся. Но все же спросил из вежливости:

– Можно, я еще приеду?

– Конечно.

– Я... я не знаю, когда это будет, когда мне удастся удрать, в смысле, когда я буду свободен.

– Не беспокойся. Я буду знать, когда ты приедешь, и буду ждать тебя.

– Как это?

Он сворачивал свиток длинными, тонкими пальцами.

– Так же, как сегодня.

– А! Ты имеешь в виду, что я зайду в пещеру и испугну мышей?

– Если угодно, да.

Я рассмеялся от радости.

– Я никогда еще не встречал таких людей, как ты! Подавать сигналы летучими мышами! Если я им расскажу, никто не поверит! Даже Кердик.

– Ты не скажешь даже Кердику.

Я кивнул:

– Ладно. Я никому не скажу. А теперь мне пора. До свидания, Галапас!

– До свидания.

* * *

Так оно и пошло дальше – много дней и месяцев. При любой возможности, раз в неделю, а иногда и чаще, я приезжал в долину, к пещере. Он, похоже, действительно знал, когда я появлюсь, потому что довольно часто случалось, что он уже ожидал меня, разложив книги-свитки; но когда его не бывало на месте, я делал, как мы договорились: выгонял из пещеры мышей вместо дымового сигнала. Через несколько недель они привыкли ко мне, и требовалось несколько метко пущенных камней, чтобы они вылетели наружу, но через некоторое время нужда в этом отпала: во дворце привыкли к моим отлучкам и перестали задавать вопросы, так что я мог заранее договариваться с Галапасом.

Моравик все больше предоставляла меня самому себе с тех пор, как в конце мая у Ольвен родился ребенок; а когда в сентябре появился на свет сын Камлаха, она окончательно утвердилась в королевской детской в качестве главной няньки и оставила меня так же внезапно, как птица оставляет гнездо. С матерью я виделся все меньше и меньше: она, похоже, предпочитала общество своих женщин; так что я оказался на попечении Деметрия и Кердика. Деметрий не возражал, чтобы я время от времени исчезал на целый день – у него имелись на то свои причины, – а Кердик был моим другом. Он расседывал моего грязного, вспотевшего пони, не задавая вопросов, либо подмигивал и отпускал непристойные шуточки по поводу того, где меня могло носить; это говорилось в шутку и воспринималось как должное. Я теперь жил в своей комнате один, не считая волкодава – он ночевал у меня по старой привычке; понятия не имею, был ли он надежной охраной. Наверное, нет; впрочем, я и без того находился в безопасности. В стране было мирно, если не считать ежегодных слухов о грядущем нашествии из Малой Британии; Камлах и его отец жили душа в душу; я, по всей видимости, добровольно стремился к монастырскому заточению, и потому, когда мои уроки с Деметрием завершались, я был волен отправляться на все четыре стороны.

Я никогда не встречал в долине никого, кроме Галапаса. Пастух жил там только летом, в убогой хижине под лесистым склоном. Другого жилья поблизости не было, а по тропе, что уходила за пещеру Галапаса, ходили лишь овцы да олени. Она никуда не вела.

Он был хорошим учителем, а я схватывал все на лету, но на самом деле я никогда не считал свои занятия с Галапасом уроками. Языки и геометрию мы оставили Деметрию, религию – священникам моей матери, а заниматься с Галапасом поначалу было все равно что слушать сказки. В юности ему случалось путешествовать аж на другой край света: он побывал в Эфиопии, Греции, Германии, объехал все побережье Средиземного моря, повидал и узнал много странного и удивительного. Он учил меня и многим полезным вещам: собирать травы и сушить их впрок, изготавливать из них лекарства и препараты, в том числе даже яды. Он заставлял меня изучать животных и птиц. На мертвых птицах и овцах, которых мы находили на холмах, а однажды – на мертвом олене я изучал внутренние органы, скелет и строение тела. Он научил меня останавливать кровь, вправлять сломанные кости, срезать загнившее мясо и очищать рану так, чтобы она заживала как следует, и даже – но это позднее – сшивать порванные мышцы и жилы, пока животное одурманено дымом. Помнится, первое заклинание, которому он меня научил, был заговор от бородавок; оно такое простое, что его могут применять даже женщины.

Однажды он достал из сундука свиток и развернул его.

– Как ты думаешь, что это такое?

Я уже привык к чертежам и рисункам, но никак не мог понять, что нарисовано здесь. Надписи были на латыни; я увидел слова: «Эфиопия», «Блаженные острова» и в самом углу – «Британия». Какие-то непонятные линии, и через весь лист тянутся цепочки холмиков, словно на поле, где потрудились кроты.

– Это горы, да?

– Да.

– Это что, картина мира?

– Карта.

Мне никогда прежде не доводилось видеть карту. Поначалу я не мог разобраться, как ею пользоваться, но через некоторое время с помощью пояснений Галапаса я понял, что на карте мир изображен так, как видит его птица с высоты.

Дороги и реки подобны нитям паутины или путеводным нитям, по которым пчела находит цветок. Как человек, найдя знакомую реку, идет вслед за ней через дикие болота, так, пользуясь картой, можно доехать от Рима до Массилии или от Лондона до Каэрлеона, ни разу не спросив дороги и не глядя на мильные столбы.

Это искусство изобрел грек Анаксимандр, хотя некоторые говорят, что египтяне владели им до Анаксимандра.

Карта, что показал мне Галапас, была срисована с книги Птолемея из Александрии. Когда Галапас объяснил мне все это и мы рассмотрели карту, он велел мне взять табличку и сделать для себя карту моей страны.

Когда я управился с этим, Галапас посмотрел на табличку.

– Что это такое, вот здесь, посередине?

– Маридунум, – удивленно ответил я. – Смотри, вот мост, вот река, вот дорога к рынку, вот здесь ворота казарм...

– Понятно. Нет, Мерлин. Я же сказал не «твоего города», а «твоей страны».

– Что, всего Уэльса? Но откуда мне знать, что лежит на севере, за горами? Я там никогда не был!

– Я тебе покажу.

Он отложил табличку, взял острую палочку и принялся чертить в пыли, попутно делая пояснения. То, что нарисовал Галапас, было похоже на большой треугольник – не один только Уэльс, но вся Британия, даже необжитые земли за Валом, где живут дикари.

Он показал мне горы, реки, дороги, города, и Лондон, и Каллеву, и многочисленные поселения на юге, города и крепости на другом краю сети дорог: Сегонтиум, Каэрлеон, Эборак, города вдоль самого Адрианова вала. Он говорил обо всем этом как о единой стране, хотя я мог бы назвать ему имена королей десятка мест, которые он упомянул.

Я запомнил это только из-за того, что произошло после.

Когда наступила зима и звезды стали появляться рано, он рассказал мне об их именах и их силе и о том, как можно составить карту звездного неба, подобную карте дорог и городов.

Галапас говорил, что, кружась в небе, звезды поют. Он сам не умел играть, но когда он узнал, что Ольвен немного учила меня, помог мне сделать арфу. Наверно, арфа вышла довольно грубая: маленькая, выточенная из граба, с шейкой и передней колонкой из красной ивы с берегов Тиви, со струнами из хвоста моего пони, хотя Галапас говорил, что принцу подобает играть на арфе с золотыми и серебряными струнами.

Но я сделал подставки для струн из продырявленных медных монеток, выточил из кости ключ и колки, вырезал на корпусе мерлина и решил, что она будет лучше арфы Ольвен.

Она и в самом деле была такая же верная, как у Ольвен. У моей арфы был нежный шепчущий звук; казалось, она улавливает звуки из воздуха.

Я хранил ее в пещере: Диниас давно оставил меня в покое, поскольку он был воин, а я всего-навсего слюнявый монах, и все же я не решился бы хранить во дворце ценную для меня вещь, если ее нельзя запереть в сундуке с одеждой, а арфа для этого была слишком велика. Ничего, дома у меня были птицы, гнездящиеся на груше, и Ольвен еще пела иногда. А когда птицы умолкали и ночное небо усеивали морозные звезды, я вслушивался в музыку звезд. Но никогда не слышал ее.

А потом, в один прекрасный день, когда мне исполнилось двенадцать, Галапас заговорил о хрустальном гроте.

Глава 7

Всем известно, что дети часто молчат о том, что для них важнее всего. Как будто бы ребенок инстинктивно чувствует, что о таких вещах ему говорить еще рано, и потому держит их при себе, питая своим воображением, пока они не разрастутся, и не приобретут гротескных пропорций, и не начнут казаться либо волшебством, либо кошмаром.

Так было и с хрустальным гротом. Я никогда не говорил Галапасу о том, что видел там в первый раз, и даже себе самому не решался признаваться в том, что приходило ко мне иногда в свете и пламени: сны, забытые воспоминания, странные порождения воображения, вроде того голоса, что подсказал мне имя Горлана, или когда увидел яд в абрикосе. И когда я обнаружил, что Галапас ни словом не упоминает о внутреннем гроте и что во время моего присутствия зеркало всегда бывает занавешено, я ничего не сказал.

Однажды зимой я приехал к нему. Земля блестела от инея и звенела от мороза, и мой пони выдыхал клубы пара, словно дракон. Он бежал быстро, встряхивая головой и грызя удила, и, как только мы выехали из леса и направились вверх по долине, пустился в галоп. Я наконец сделался слишком большим для кроткого солового пони, на котором ездил в детстве, и теперь очень гордился своим маленьким серым валлийским пони, которого я назвал Астером. В горах Уэльса живут дикие пони, выносливые, резвые и очень красивые, с тонко очерченной узкой головой, маленькими ушами и крепкой выгнутой шеей. Они вольно бродят в холмах. В былые времена они скрестились с конями, которых римляне привезли с Востока. Астера поймали и объездили для моего кузена Диниаса. Диниас гонял его пару лет, пока не сменил на настоящего боевого коня. Мне Астер достался непослушным, с порванным ртом и дурными повадками, но шаг у него был шелковый, после той тряски, к которой я привык, и, когда он наконец перестал бояться меня, мы с ним очень подружились.

Я давно соорудил убежище для своего пони, чтобы ставить его там зимой. Пониже пещеры кусты боярышника подходили вплотную к утесу, и в глубине зарослей мы с Галапасом натаскали камней и соорудили загончик, одной из стен которому служил сам утес. Когда мы навалили сухих веток вокруг стен и на крышу, а потом еще покрыли все это папоротником, получилось прочное, теплое укрытие, незаметное вдобавок для посторонних глаз. О том, что все нужно держать в тайне, мы тоже никогда не говорили, я и сам догадывался, что Галапас некоторым образом помогает мне избежать судьбы, уготованной мне Камлахом. И потому даже со временем, когда меня почти полностью предоставили самому себе, я всячески старался, чтобы никто ни о чем не знал. Я нашел с полдюжины разных путей, ведущих к долине, и выдумал пару десятков историй на случай, если меня спросят, где я был.

Я отвел Астера в укрытие, снял с него седло и уздечку, повесил их на стену, потом насыпал из выюка корму, перегородил выход большим суком и быстро пошел к пещере.

Галапаса не было, но ушел он недавно: угли в жаровне, стоявшей внутри у входа, еще тлели. Я разворошил их, чтобы пламя разгорелось, и устроился рядом, с книгой. Галапас не знал, что я приеду сегодня, но времени у меня было предостаточно, так что я не стал тревожить мышей, а спокойно сел читать.

Я не в первый раз был в пещере один. Не знаю, что заставило меня именно в тот день внезапно встать, отложить книгу, пройти мимо занавешенного зеркала и заглянуть в отверстие, где я спрятался пять лет тому назад. Я сказал себе, что мне всего-навсего хочется посмотреть, в самом ли деле там все так, как мне запомнилось, или эти кристаллы, подобно видениям, были лишь плодом моего воображения. Но как бы то ни было, я быстро вскарабкался на уступ, опустился на колени и заглянул внутрь.

Грот был темен и мертв; свет пламени снаружи сюда не проникал. Я медленно пополз вперед и напоролся ладонями на кристаллы. Они были более чем реальные. Все еще не желая признаваться себе, почему я так тороплюсь, поглядывая в сторону выхода и прислушиваясь, не идет ли Галапас, я соскользнул с уступа, взял кожаную куртку для верховой езды, которую снял с себя в пещере, поспешно вернулся к уступу и сунул ее в отверстие. А потом заполз внутрь.

Лежать на кожаной куртке было сравнительно удобно. Я не шевелился. Была полная тишина. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел слабое-слабое свечение кристаллов, но магии, порожденной светом, здесь не было и следа.

Должно быть, в стенах грота была какая-то расселина, потому что, хотя я находился в закрытом пространстве, откуда-то тоненько тянуло сквозняком. И поток воздуха принес звук, которого я ожидал: скрип иная под ногами. Кто-то приближался к пещере...

Когда через несколько минут в пещеру вошел Галапас, я уже сидел у огня, моя куртка, аккуратно скатанная, лежала рядом, а я сосредоточенно читал книгу.

Примерно за полчаса до наступления темноты мы отложили книги. Но я не спешил уходить. Огонь ярко пылал, наполняя пещеру теплом и мерцающим светом. Некоторое время мы сидели молча.

– Галапас... Я хочу спросить у тебя об одной вещи.

– Да?

– Помнишь тот первый день, когда я приехал сюда?

– Еще бы!

– Ты знал, что я приеду. Ты меня ждал.

– Разве? Я это говорил?

– Ты же знаешь, что ждал! Откуда ты знал, что я приеду?

– Я увидел тебя в хрустальном гроте.

– Ах это! Ну да. Ты повернул зеркало так, что я попал в луч света от свечи, и увидел мою тень. Нет, я не об этом. Я хотел спросить, откуда ты вообще узнал, что я в этот день приеду в долину?

– Я об этом и говорил, Мерлин. Я знал, что ты приедешь в долину в тот день, потому что еще до твоего приезда видел тебя в хрустальном гроте.

Мы молча смотрели друг на друга. Между нами мигало и трепыхалось пламя, пригибаемое сквозняком, который уносил из пещеры дым. Поначалу я, кажется, ничего не сказал, только кивнул. Я это уже знал раньше. Через некоторое время я задал простой вопрос:

– Ты мне покажешь?

Он смотрел на меня еще некоторое время, потом встал.

– Да, пора. Зажги свечу.

Я повиновался. Золотистый огонек разгорелся, разгоняя тени, отбрасываемые пламенем жаровни.

– Сними тряпку с зеркала.

Я потянул ее, и она упала мне на руки ворохом шерсти. Я бросил ее на постель Галапаса у стены.

– Теперь залезай на уступ и ложись.

– На уступ?

– Да. Ложись на живот, головой внутрь.

– А в отверстие забираться не надо?

– Вместе с курткой?

Я уже был на полпути к уступу. При последних словах я резко обернулся – и увидел, что Галапас улыбается.

– Это бесполезно, Галапас! От тебя ничего не скроешь.

– Когда-нибудь ты отправишься туда, где я не смогу разыскать тебя даже с помощью моего дара видения. А теперь лежи спокойно и смотри.

Я лег на уступ. Он был широкий, плоский, и я довольно удобно улегся на нем на животе, положив голову на сложенные руки и глядя в отверстие.

Галапас тихо сказал снизу:

– Не думай ни о чем. Я сам все сделаю – тебе пока рано. Только смотри.

Я услышал, как он прошел к зеркалу.

Пещера оказалась больше, чем я думал. Она уходила ввысь так далеко, что я не мог разглядеть потолка. Пол был ровный. Кристаллы мне, должно быть, померещились: это лужи на полу блестели в свете факелов, да еще по стене стекала струйка воды, выдавая присутствие источника где-то наверху.

Факелы, воткнутые в трещины в стенах пещеры, были дешевые – из тряпья, набитого в треснувшие рога, отбросы из мастерских. Они сильно чадили в спертом воздухе. В пещере было холодно, но люди работали обнаженными, в одних набедренных повязках, и все же пот бежал по их спинам, когда они врубались кирками в скалу непрерывными монотонными ударами. Звук ударов не было слышно, но зато я видел, как напрягаются мускулы, покрытые блестящим в свете факелов потом. Под выступом стены, на уровне колена на спине, прямо в луже натекающей со стен воды, лежали двое мужчин и тоже рубили скалу короткими, болезненными ударами на расстоянии нескольких дюймов от своего лица. На запястье одного из них я увидел блестящую морщинку старого клейма.

Один из рабочих согнулся вдвое, закашлялся, потом оглянулся через плечо, поборол приступ кашля и снова взялся за работу. В пещере стало светлее – свет шел из квадратного отверстия, похожего на дверь, за которым виднелся извилистый проход. В проходе показался еще один факел – хороший.

Появились четверо мальчишек, испачканных пылью, обнаженных, как и все прочие. Они тащили глубокие корзины. За ними шел человек в коричневой тунике с сырыми пятнами. В одной руке он нес факел, в другой – таблички, которые некоторое время хмуро разглядывал. Мальчишки тем временем подбежали к стене и принялись нагребать в корзины обломки камня. Немного погодя надсмотрщик подошел к скале и принялся разглядывать ее, поднимая факел повыше. Люди отошли назад, похоже благодарные за передышку, а один из них заговорил с надсмотрщиком, показывая то на скалу, то на струйку воды на дальней стене пещеры.

Мальчишки насыпали корзины доверху и уволокли их обратно.

Надсмотрщик пожал плечами, усмехнулся, достал из кармана серебряную монетку и движением опытного игрока подкинул ее вверх. Рабочие вытянули шеи, чтобы посмотреть. Потом тот, что говорил с надсмотрщиком, обернулся к стене и ударил по ней киркой. Трещина расширилась, полетела пыль, закрывая свет. А вслед за пылью хлынула вода...

* * *

– Выпей, – сказал Галапас.

– Что это?

– Это мой отвар, а не твой, так что не бойся, не отравишься. Пей.

– Спасибо... Галапас, а грот по-прежнему хрустальный! Я... Мне снилось, что он был другой...

– Обожди с этим. Как ты себя чувствуешь?

– Странно... не могу объяснить. Вроде все нормально, только голова болит, но... я весь какой-то пустой, словно ракушка, из которой выковырнули улитку. Или нет – как тростник с выдолбленной сердцевиной.

– Свирель ветров. Да. Иди к жаровне.

Когда я уселся на место, держа в ладонях чашу подогретого вина с пряностями, он спросил:

– Где ты был?

Я рассказал ему все, что видел, но когда я принялся расспрашивать его, что это значит и что он об этом знает, Галапас покачал головой.

– Наверно, это уже выше моих сил. Я не знаю. А тебе надо быстро допивать вино и ехать домой. Знаешь, сколько времени прошло, пока ты там лежал и грезил? Луна уже встала.

Я вскочил.

– Как? Должно быть, я уже опоздал к ужину. Если меня ищут...

– Не ищут они тебя. Там сейчас творятся важные вещи. Ступай и разузнай, что происходит, – и непременно постарайся в этом участвовать.

– Ты что имеешь в виду?

– То, что говорю. Во что бы то ни стало постарайся поехать с королем. На, не забудь.

Он сунул мне в руки куртку. Я машинально принял ее, уставившись ему в лицо.

– Он уезжает из Маридунума?

– Да. Ненадолго. На сколько – я не знаю.

– Он меня ни за что не возьмет!

– Это решать тебе. Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу, Мирддин Эмрис. А это требует мужества. Оденься, на улице холодно.

Я сунул руки в рукава, задумчиво хмурясь.

– Вот, ты видел все это – то, что происходит на самом деле, а я... смотрел в кристаллы при огне, и теперь голова болит жутко, и все зря... Какой-то дурацкий сон – рабы в старой штольне... Галапас, а когда ты научишь меня видеть так, как ты?

– Для начала я предвижу, что вас с Астером сожрут волки, если ты немедленно не отправишься домой. – И рассмеялся себе под нос, словно отпустил на редкость удачную шутку.

Я выбежал из пещеры и помчался седлать пони.

Глава 8

Луна была в первой четверти и света давала ровно столько, чтобы разглядеть дорогу. Пони гарцевал, пытаясь согреться, и бежал быстрее, чем обычно, насторожив уши и торопясь домой ужинать. Мне все время приходилось сдерживать его, потому что дорога была скользкая и я боялся упасть, но нужно признаться, что я все же мчался вниз быстрее, чем следовало бы, – последнее замечание Галапаса меня несколько обеспокоило. Наконец мы выехали к мельнице и выбрались на дорогу, идущую вдоль берега.

Там было светлее. Я ткнул пони пятками в бока и остаток пути проскакал галопом.

Как только впереди показался город, я сразу понял, что там и в самом деле что-то происходит. На тропе было пусто – ворота давным-давно закрыли, – но город был полон огней. За стенами повсюду мелькали факелы, слышались крики, топот. Я соскочил с седла у ворот скотного двора, будучи готовым к тому, что внутрь меня не пустят, но как только я постучал, ворота отворились и Кердик, прикрывая рукой фонарь, поманил меня внутрь.

– Я слышал, как ты подъехал. Весь вечер тебя ждал. Где ж тебя носило, потаскун ты этакий? Что, нынче вечером она была особенно ласкова?

– Ага. Слушай, меня искали? Еще не хватились?

– Насколько я знаю, нет. Им нынче не до тебя. Давай сюда пони. Поставим его пока в амбаре. В главной конюшне чересчур много толкотни.

– А что случилось-то? Шум такой, что за милю слышно. Война, что ли?

– Увы, нет. Хотя дело может тем кончиться. После обеда пришла весть, что верховный король приезжает в Сегонтиум и пробудет там пару недель. Твой дед завтра отправляется туда. Так что теперь весь дворец стоит на ушах.

– Понятно.

Я прошел вслед за ним в амбар и стоял рядом, глядя, как он расседлывает пони, и машинально скручивая жгут из пучка соломы. Когда Кердик закончил, я передал ему жгут через холку пони.

– Король Вортигерн в Сегонтиуме? А зачем?

– Головы считает, говорят, – фыркнул Кердик, принимаясь чистить пони.

– В смысле, собирает союзников? Так что, говорят о войне?

– Да о войне всегда будут говорить, пока этот Амброзий сидит в Малой Британии при короле Будеке и люди помнят вещи, о которых лучше не упоминать.

Я кивнул. Не помню, когда мне это рассказали – вслух об этом в самом деле никто не говорил, – но историю о том, как воссел на трон нынешний верховный король, знали все. Он был регентом при молодом короле Констанции, который внезапно скончался, а юные братья короля не стали дожидаться, чтобы проверить, вправду ли то было убийство, или это пустые слухи; они бежали в Малую Британию к своему кузену Будеку, оставив королевство Волку и его сыновьям. Каждый год по стране расходились все новые слухи: что король Будек вооружает молодых принцев; что Амброзий уехал в Рим; что Утер служит наемником у императора Восточной Империи или что он женился на дочери персидского короля; что братья набрали армию в четыреста тысяч человек и собираются захватить и выжечь всю Великую Британию от моря до моря; что они, наоборот, явятся с миром, подобно архангелам, и прогонят саксов с восточных берегов без единого удара меча. Но прошло уже больше двадцати лет, и ничего не случилось. О приходе Амброзия теперь говорили так, словно это уже свершилось и стало легендой, как говорят о приплытии Брута с троянцами через четыре поколения после падения Трои или о путешествии Иосифа на Терновый холм близ Авалона. Или о втором пришествии Христа – хотя когда я упомянул об этом при матери, она так рассердилась, что я больше так не шутил.

– Ах это! – сказал я. – Что, снова высадка Амброзия? Нет, Кердик, серьезно? Зачем верховный король приезжает в Северный Уэльс?

– Я же тебе сказал. Объезжает страну и набирает подмогу. Должно быть, весной ему понадобится поддержка – ему и его саксонской королеве.

Кердик сплюнул на пол.

– Что это ты? Ты ведь сам сакс!

– Так это когда было! Теперь я живу здесь. Разве не эта белобрысая сука заставила Вортигерна продаться саксам? По крайней мере, ты не хуже меня знаешь, что с тех пор, как она улеглась в постель к верховному королю, эти северяне расползлись по всей стране, словно пожар по вересковой пустоши, и теперь он не может ни выгнать их, ни откупиться. А если она и впрямь такова, как говорят люди, так можешь быть уверен: ни один из законных сыновей короля до престола не доживет.

Он говорил вполголоса, но тут оглянулся через плечо, снова сплюнул и сделал знак от сглаза.

– Да ты ведь все это знаешь или, по крайней мере, знал бы, если бы слушал тех, кто поумней тебя, вместо того чтобы день-деньской сидеть за книгами и прочей ерундой или шлаться в глуши с народцем из полых холмов.

– Так ты думаешь, я к ним езжу?

– Люди так говорят. Я что, я не спрашиваю. Мне это знать ни к чему. Да стой ты! – Это было сказано пони. Кердик закончил чистить один бок и перешел к другому. – Поговаривают, что саксы снова высадились к северу от Рутупий и на этот раз требуют больше, чем Вортигерн согласен дать. Так что весной ему придется драться.

– И мой дед будет с ним?

– Ну, могу поручиться, что Вортигерн на это рассчитывает. А теперь тебе лучше идти, если ты хочешь поужинать. Тебя никто не заметит. Когда я час назад зашел на кухню перекусить, там творился суший ад.

– А где мой дед?

– А мне откуда знать? – Он взглянул на меня из-за крупы пони. – Тебе-то что до этого?

– Я хочу поехать с ним.

– Ха! – сказал он и насыпал пони сечки.

Голос его звучал обескураживающе.

– Мне хочется увидеть Сегонтиум, – упрямо сказал я.

– А кому не хочется? Мне тоже много чего хочется. Но если ты собираешься просить короля... – Он не договорил. – Нет, конечно, тебе и впрямь не помешало бы выбраться в люди и повидать мир, малость встряхнуться и все такое. Но не могу сказать, что мне в это верится. Не пойдешь же ты к королю!

– А почему бы и нет? Ну, на худой конец, он мне откажет.

– Клянусь яйцами Юпитера! Вы только посмотрите на этого мальчишку! Послушайся моего совета, парень: поужинай и ложись спать. И к Камлаху тоже не суйся. Он только что поцапался со своей бабой и сейчас злющий, как горностаи с больным зубом. Слушай, ты ведь пошутил, а?

– Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу, Кердик.

– Это конечно. Но только кое у кого из них здоровенные копыта: растопчут и не заметят. Ты рассчитываешь на христианское погребение?

– Ничего не имею против. Наверно, я довольно скоро приму-таки крещение, если епископ добьется своего, но пока что я не принадлежу никому.

Кердик рассмеялся:

– Ну, я надеюсь, что, когда придет мой черед, меня спалят на костре. Так оно чище. Ладно, не хочешь меня послушаться – не надо, дело твое, но только не суйся к нему на пустой желудок.

– Это я тебе обещаю, – ответил я и отправился добывать себе ужин.

Поев и переодевшись в приличную тунику, я пошел к деду и с облегчением увидел, что Камлах у него нет. Король сидел у себя в спальне перед очагом, в котором пылали целые бревна, и у ног его спали два пса. Поначалу я подумал, что женщина, сидевшая в высоком кресле по другую сторону очага, – королева Ольвен, но потом увидел, что это моя мать. Она, должно быть, шила, но сейчас сидела, уронив руки на колени, и белая ткань лежала на коричневом платье. Она обернулась ко мне и улыбнулась, явно удивившись. Один из волкодавов застучал хвостом по полу, другой приоткрыл глаз, взглянул на меня и снова зажмурился. Дед сурово посмотрел на меня из-под бровей, но сказал достаточно дружелюбно:

– Проходи, парень, не стой на пороге. Закрой дверь. Оттуда страшно дует.

Я повиновался и подошел к очагу.

– Могу ли я видеть тебя, государь?

– Ты меня уже видишь. Чего тебе надо? Бери табурет, садись.

Рядом с креслом матери стоял один табурет. Я отодвинул его так, чтобы показать, что я не пытаюсь спрятаться за ее юбку, и сел между матерью и дедом.

– Ну? Давненько мы с тобой не виделись. Все за книгами сидишь?

– Да, государь, – ответил я и, придерживаясь принципа, что нападение – лучшая защита, сразу взял быка за рога. – Я... уехал после обеда, и меня не было дома, так что я...

– Куда это ты ездил?

– По тропе, вдоль реки. Особенно никуда, просто так, поупражняться в верховой езде, чтобы...

– Ладно. И что?

– Да, государь. И я не знал о приезде гонца. Но мне сказали, что ты завтра уезжаешь, государь.

– А тебе какое дело?

– Просто хотел бы поехать с тобой.

– Ты хотел бы? Поехать со мной? С чего это вдруг?

В голове у меня крутилась добрая дюжина подходящих ответов. Мне показалось, что мать смотрит на меня с жалостью. Я видел, что деду все равно и он ждет с безразличием и пренебрежением, приправленным лишь малой толикой любопытства. И я сказал правду.

– Потому что мне уже больше двенадцати лет, а я еще никогда не выезжал за пределы Маридунума. Потому что я знаю, что, если мой дядя добьется своего, меня скоро запрут в монастыре, в этой долине или где-нибудь еще, и заставят учиться на священника, и я хочу до того...

Его страшные брови сдвинулись.

– Уж не собираешься ли ты сказать, что не хочешь учиться?

– Нет. Я хочу учиться больше всего на свете. Но учение больше пойдет впровод тому, кто успел хоть чуть-чуть повидать свет. В самом деле, государь! Если ты позволишь мне поехать с тобой...

– Тебе сказали, что я еду в Сегонтиум? Это не праздничная прогулка! Путь будет далекий и трудный, и мы не станем дожидаться неумелых всадников!

Я не отводил взгляда от яростных голубых глаз. Это было тяжело, все равно что поднимать огромный камень.

– Я же учился ездить, государь. У меня теперь хороший пони...

– Ну да, этот, которого Диниас загонял. Это показывает, чего ты стоишь. Нет, Мерлин. Я детей не беру.

– Значит, ты и Диниаса тоже оставишь?

Я услышал, как мать ахнула. Дед резко обернулся в мою сторону. Я увидел, как его кулаки сжались на подлокотниках кресла, но он меня не ударил.

– Диниас – мужчина.

– Но ведь Маэл и Дуах тоже едут с тобой, государь?

Это были пажи, мальчишки моложе меня, которые повсюду ездили с ним.

Мать что-то начала говорить мне беззвучным торопливым шепотом, но дед поднял руку, заставляя ее замолчать. В грозных глазах под нахмуренными бровями появился интерес.

– Маэл и Дуах мне нужны. А чем можешь пригодиться ты?

Я ответил ему спокойным взглядом.

– Пока что ничем. Но разве тебе не говорили, что я владею языком саксов не хуже валлийского, что я читаю по-гречески и знаю латынь лучше, чем ты?

– Мерлин... – начала было мать.

Но я перебил ее:

– Я мог бы добавить сюда бретонский и корнуэльский, однако не думаю, что они пригодятся тебе в Сегонтиуме.

– А можешь ли ты назвать мне хотя бы одну причину, – сухо поинтересовался дед, – почему я должен говорить с королем Вортигерном на каком-то другом языке, кроме валлийского, если учесть, что он родом из Гвента?

И по его тону я понял, что победил. Я отвел взгляд – это было все равно что с честью отступить с поля брани, – перевел дух и кротно ответил:

– Нет, государь...

Он рассмеялся громким лающим смехом, вытянул ногу и перекатил одного из псов на спину.

– Что ж, быть может, в тебе все же есть что-то семейное, хоть по внешности и не скажешь! По крайней мере, у тебя хватило духу подергать за хвост старого пса в его конуре, когда это понадобилось. Ладно, поезжай. Кто тебе прислуживает?

– Кердик.

– Сакс? Скажи ему, пусть соберет тебя. Мы выезжаем на рассвете. Ну и чего ты ждешь?

– Я хочу пожелать матушке спокойной ночи.

Я встал с табурета и подошел, чтобы поцеловать ее. Со мной такое бывало нечасто, и мать удивилась.

– Не на войну едешь, – резко сказал дед у меня за спиной. – Через три недели вернешься. Ступай!

– Да, государь. Благодарю тебя. Спокойной ночи.

За дверью я добрых полминуты стоял, прислонившись к стене и выжидая, пока уляжется сердцебиение и пройдет тошнота, подступившая к горлу. «Боги следуют за тобой лишь тогда, когда ты сам встанешь на их тропу. А это требует мужества».

Я слотнул стоявший в горле ком, вытер о тунику вспотевшие ладони и побежал искать Кердика.

Глава 9

Так я впервые выехал из Маридунума. Тогда это казалось величайшим приключением в мире: выехать морозным утром, на рассвете, когда в небе еще горели звезды, в тесной компании людей, сопровождавших Камлаха и короля. Поначалу большинство моих спутников были угрюмыми и полусонными, и ехали мы по большей части молча. Дыхание курилось в холодном воздухе, подковы коней высекали искры из каменистой дороги. Даже звон упряжи казался ледяным. Я так замерз, что еле чувствовал в пальцах поводья, и думал только об одном: как бы не свалиться с взбудораженного пони. А не то я с позором отправился бы домой, не успев проехать и мили.

Поездка в Сегонтиум заняла восемнадцать дней. Там я впервые увидел короля Вортигерна, который к тому времени уже более двадцати лет был верховным королем Британии. Можете не сомневаться, я о нем наслушался всякого – и правды, и сплетен. Он был человек суровый и жестокий, как любой, кто взошел на трон через убийство и держится на крови; но он умел проявлять силу, когда это требовалось, и совсем не его вина, что выбор саксов в качестве наемников обернулся против него, словно неверный меч, разрубивший до кости руку хозяина. Он платил и платил снова, потом начал сражаться; и теперь он большую часть года проводил, грызясь, как волк, пытаясь сдержать бродячие орды, скопившиеся на Саксонском берегу. Люди говорили о нем – почтительно – как о жестоком и кровожадном тиране, а о его королеве-саксонке – с ненавистью, как о ведьме. Но хотя я вырос на байках кухонных рабов, я ожидал встречи с королем скорее с любопытством, чем со страхом.

Во всяком случае, бояться мне было нечего: я видел верховного короля только издали. Снисходительности деда хватило лишь на то, чтобы взять меня в свою свиту; в свите я значил не больше – а на самом деле куда меньше, – чем его пажи Маэл и Дуах. Я затерялся в толпе безымянных мальчишек и слуг и, поскольку из-за своих странностей не сумел обзавестись друзьями среди ровесников, был предоставлен самому себе. Позднее я благодарил богов за то,

что в те несколько раз, когда я оказывался в толпе, окружавшей обоих королей, Вортигерн не заметил меня и ни дед, ни Камлах не вспомнили о моем существовании.

Мы провели неделю в Сегонтиуме, который валлийцы зовут Каэр-ин-ар-Вон, потому что через пролив от него лежит Мона – остров друидов. Город этот, как и Маридунум, расположен на берегах устья, там, где впадает в море река Сейнт. Там прекрасная гавань, а над нею, примерно в полумиле, на возвышенности стоит крепость. Она была выстроена римлянами для защиты гавани и города, но около ста лет стояла заброшенной, пока наконец Вортигерн частично не отстроил ее заново. Чуть ниже по склону холма стояло еще одно, менее древнее укрепление. Насколько я знаю, его возвел Максен, дед убитого Констанция, для отражения набегов ирландцев.

Места там более гористые, чем в Южном Уэльсе, но мне они показались не столько красивыми, сколько угрожающими. Быть может, летом земли вдоль устья становятся зелеными и приветливыми, но зимой, когда я был там впервые, горы вздымались над городом, подобно грозовым тучам, и склоны были серыми, покрытыми голыми, шумящими на ветру лесами, а каменистые вершины синели, увенчанные снежными шапками. И дальше, и выше всех вершин вздымалась огромная туманная громада Моэл-и-Виддфы, которую саксы зовут теперь Снежной горой, или Сноудоном, – высочайшей горы Британии, дома богов.

Вортигерн, не боясь призраков, поселился в Максеновой башне. Его армия – в те дни при нем всегда было не меньше тысячи воинов – стояла в крепости. Знатные люди из отряда моего деда тоже жили в башне, а прочая свита (в которой находился и я) была расквартирована в удобном, хотя и несколько холодном, помещении близ западных ворот крепости. Нас принимали с почетом: помимо того, что Вортигерн был дальним родичем деда, похоже было, что верховный король и впрямь, по выражению Кердика, «набирал подмогу». Это был крупный смуглый человек с широким мясистым лицом и черными волосами, жесткими и колючими, как щетина вепря, в которых уже пробивалась седина. Тыльная сторона его ладоней тоже была покрыта черными волосами, и даже из ноздрей торчали черные волоски. Королевы при нем не было; Кердик шепнул мне, что Вортигерн не осмелился привезти ее сюда, потому что саксов тут не любят. Я ответил, что его-то тут принимают неплохо, но это оттого, что он давно забыл саксонский и сделался добрым валлийцем. Кердик рассмеялся и дал мне легкую затрещину. Думаю, не моя вина в том, что я никогда не умел держаться по-королевски...

Дни проходили просто. По большей части день все проводили на охоте, а к сумеркам возвращались к огню, ели, пили, потом короли и их советники принимались беседовать, а их свиты играть в карты и кости, лапать девок, ссориться – короче, развлекаться.

Я никогда прежде не бывал на охоте; подобные развлечения мне от природы чужды, к тому же приходилось целый день скакать в шумной толпе, а мне это не нравилось. Кроме того, это было опасно: в предгорьях водилось множество дичи, и охотники гонялись за ней сломя голову. Но я не видел другого способа посмотреть эти места, и к тому же мне нужно было понять, зачем Галапас настаивал, чтобы я поехал в Сегонтиум. Поэтому я ездил на охоту каждый день. Несколько раз я падал, но отделывался синяками, и мне удалось не привлечь к себе внимания сколько-нибудь важных лиц. Но я не нашел того, что искал: я ничего не видел и ничего особенного не случилось – разве что я лучше стал ездить верхом и Астер сделался послушнее.

На восьмой день мы отправились в обратный путь, и сам верховный король с эскортом в сотню человек выехал нас проводить.

Поначалу дорога шла лесистым ущельем, на дне которого текла глубокая и быстрая река, и всадникам приходилось ехать поодиночке или по двое по узкой тропе меж утесом и рекой. Такому большому отряду ничто не угрожало, поэтому мы ехали спокойно. Ущелье звенело от цокота копыт, звона удил и людских голосов. Временами сверху доносилось карканье: над утесами кружили следящие за нами вороны. Некоторые говорят, что эти птицы слетаются на

шум битвы, но это неправда: я видел, как они на протяжении миль следуют за вооруженными отрядами в ожидании боя.

Но в тот день мы ехали спокойно и к полудню прибыли на место, где король должен был расстаться с нами и повернуть назад. Здесь сливались две реки и ущелье выходило в более широкую долину. По обе стороны долины высились угрюмые заснеженные утесы, и большая река текла на юг, бурая и разбухшая от талой воды. Возле устья был брод, и на юг от него шла хорошая, сухая дорога, которая ведет напрямик через горы к Томен-и-Муру.

Мы остановились к северу от брода. Предводители свернули в укромную ложбину, окруженную с трех сторон склонами, густо поросшими лесом. Голые заросли ольхи и густые тростники показывали, что летом эта ложбина, должно быть, превращается в болото; но в тот декабрьский день земля замерзла, а ложбина была защищена от ветра и солнце пригревало. Отряд остановился поесть и отдохнуть. Короли уселись поодаль, беседуя. Рядом с ними расположилась часть свиты. Я заметил, что Диниас там тоже был. Я же, как обычно, не оказался ни среди избранных, ни в числе воинов, ни даже слуг. Я отдал Астера Кердику и ушел в сторону, поднявшись меж деревьями к заросшей лошине, где можно было посидеть одному, так чтобы никто тебя не видел. Я прислонился спиной к нагретой солнцем скале. Из-за нее приглушенно доносились позвякивание уздечек пасущихся коней, голоса людей, временами – взрыв хохота, потом паузы, перемежающиеся бормотанием, – это люди вытащили кости, чтобы скоротать время, пока короли прощаются. В холодном небе надо мной кружил коршун, его крылья отливали медью на солнце. Мне вспомнился Галапас, вспышка света в бронзовом зеркале... Зачем я все-таки сюда поехал?

Голос короля Вортигерна внезапно произнес прямо у меня за спиной:

– Сюда. Скажи мне, что ты думаешь...

Я испуганно обернулся, не сразу поняв, что король и тот, с кем он говорит, находятся по другую сторону скалы, за которой я укрылся.

– Говорят, на пять миль во все стороны...

Голос верховного короля сделался глуше – он отвернулся. Я услышал хруст инея и шорох сухой листвы под ногами, потом скрежет подбитых гвоздями сапог по камню. Они удалялись. Я осторожно встал и выглянул из-за скалы. Вортигерн и мой дед уходили в лес вдвоем, погруженные в беседу.

Помнится, я заколебался. Ну что такого они могут сказать, что уже не было сказано в уединении Максеновой башни? Я не мог поверить, что Галапас отправил меня сюда лишь затем, чтобы подслушивать их беседы. Но зачем же еще? Быть может, бог, на чью тропу я встал, именно за этим послал меня сюда сегодня одного... Я неохотно повернулся, собираясь последовать за ними.

Однако не успел я сделать и шага, как меня схватили за локоть – не сказать чтобы очень бережно.

– Куда это тебя несет, а? – вполголоса осведомился Кердик.

Я яростно стряхнул его руку.

– Чтоб тебе провалиться, Кердик! У меня душа в пятки ушла! Какое твое дело, куда меня несет?

– Я здесь затем, чтобы присматривать за тобой, не забывай!

– Ты здесь только потому, что я взял тебя с собой! И никто тебя за мной присматривать не просит. Или все-таки просит? А? – Я пристально посмотрел на него. – Ты следил за мной?

Он усмехнулся:

– Делать мне нечего! А что, надо было?

Но я настаивал:

– Тебе велели следить за мной?

– Нет. Но ты что, не видел, кто туда пошел? Это были Вортигерн и твой дед. Ты собирался увязаться за ними? Я бы на твоём месте хорошенько подумал.

– Не собирался я за ними следить! – ответил я. – Просто хотел осмотреться.

– А не мог бы ты спуститься куда-нибудь в другое место? Они нарочно сказали, что эскорт должен ждать их здесь. Вот я и пришел сообщить тебе об этом на случай, если ты не слышал. Короли очень заботились о том, чтобы за ними никто не ходил.

Я снова сел.

– Ну ладно, ты мне сказал. А теперь, пожалуйста, оставь меня. Можешь прийти и сказать мне, когда они соберутся трогаться дальше.

– Это чтобы ты рванул за ними, как только я отвернусь?

Я почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо.

– Кердик! Уйди, я прошу!

– Слушай, – упрямо сказал он, – я знаю, что бывает, когда у тебя вот такой вид. Не знаю, что у тебя на уме, но когда ты вот так смотришь, это значит, что кому-то светят неприятности и обычно этим кем-то оказываешься ты. В чем дело?

– На этот раз неприятности будут у тебя, если меня не послушаешься! – яростно воскликнул я.

– Не надо изображать коронованную особу, – сказал Кердик. – Я всего-навсего хочу избавиться тебя от лишних шишек.

– Я знаю. Извини. Я просто... ну есть у меня одно дело...

– Может, объяснишь, что за дело? Я ведь видел, что все эти дни тебя что-то грызло. Что случилось-то?

– Не знаю я, что случилось, – честно признался я. – Ты тут ничем не поможешь. Забудь. Слушай, короли не сказали, куда идут? Неужто не успели наговориться в Сегонтиуме или по дороге сюда?

– Они пошли на вершину утеса, где на конце хребта есть место, откуда долина видна сверху донизу, во все стороны. Там, говорят, старая башня была. Это место называется Динас-Бренин.

– Королевская Башня? А сама башня большая?

– Да там ничего не осталось, кроме груды камней. А что?

– Я... так, ничего. Интересно, когда же мы домой-то поедем?

– Да говорят, где-то через час. Слушай, пошли вниз, а? Я тебя в кости играть посажу...

Я усмехнулся:

– Спасибо, хоть и не за что. Ты что, из-за меня из игры вышел? Извини...

– А, ерунда! Я все равно проигрывал. Ладно, я тебя оставляю, только не делай глупостей, хорошо? Не подставляй шею без нужды. Вспомни, что я говорил тебе о вяхирях.

И как раз в этот миг мимо нас с хлопанием и свистом крыльев, в искрах инея, стрелой пронесся вяхирь. А за ним, чуть выше, готовый ударить мерлин.

Вяхирь чуть изменил направление, огибая склон, чиркнул грудью по земле, как чайка по встающей волне, и метнулся к кустам на краю лощины. Он летел в каком-нибудь футах над землей, и соколу было опасно нападать на него, но хищник, наверно, был голоден, потому что, когда голубь оказался уже у самых кустов, сокол ударил.

Писк, яростный крик сокола, взметнулись сломанные сучки – и все.

Несколько перышек лениво опускались на землю, кружась, как снежинки.

Я бросился вперед и взбежал на склон.

Поймал!

Происшедшее было очевидно: сокол впился в голубя, они влетели в кусты и упали на землю. Судя по тишине, оба лежали там, оглушенные падением.

Крутой склон густо зарос почти непроходимым кустарником. Я раздвинул ветки и принялся проламываться через кусты. Светлые перышки указывали мне дорогу. И я нашел то, что искал. Вяхирь лежал мертвый, с распростертыми крыльями, так как он налетел грудью на камни. На радужных перьях шейки ярко алела кровь. Мерлин лежал сверху. Стальные когти глубоко вонзились в спинку голубя, жестокий загнутый клюв тоже наполовину воткнулся в голубя при падении. Мерлин был еще жив. Когда я склонился над ними, он шевельнул крыльями и голубоватое веко опустилось, открыв злобный темный глаз.

У меня за плечом появился запыхавшийся Кердик.

– Не трогай. Он тебе руки порвет. Давай я!

Я выпрямился.

– Вот он, твой вяхирь, Кердик. Пора о нем забыть, не так ли? Не надо, оставь их. Они никуда не денутся до того времени, когда мы вернемся.

– Вернемся? Откуда это?

Я молча указал вперед. Над нами, за кустарником, в том направлении, куда летели птицы, в крутом склоне виднелся квадратный черный проход, похожий на дверь. Он был скрыт от посторонних глаз; найти его мог лишь тот, кто зачем-либо пробрался сквозь чашу сплетенных ветвей.

– Ну и что? – сказал Кердик. – Старая штольня, судя по всему...

– Да. Вот за этим я сюда и приехал. Сделай факел и ступай за мной.

Он было запротестовал, но я перебил его.

– Можешь не ходить, если не хочешь. Только сделай мне факел. И побыстрее, у нас мало времени.

Я полез вверх, к устью штольни, и слышал, как Кердик, все еще ворча, ломает сухие ветки.

У самого входа валялась груда мусора и обрушившихся камней – деревянные подпорки сгнили и проломились. Но дальше обнаружился довольно ровный проход, более или менее горизонтально ведущий в сердце холма. Я мог идти почти прямо; невысокий Кердик только чуть пригибал голову. Пламя сделанного на скорую руку факела отбрасывало впереди нас гротескные тени. В полу виднелись борозды – следы от тяжестей, которые волочили здесь когда-то, на стенах и потолке были отметины от кирки и кайла, которыми вырубали этот проход.

– Куда тебя, к черту, несет? – Голос шедшего позади Кердика был напряжен до предела. – Слушай, пошли обратно, а? Тут опасно. Потолок того гляди обвалится.

– Не обвалится. Смотри, чтобы факел не потух, – бросил я на ходу.

Ход свернул направо и пошел вниз. Под землей всегда теряешь чувство направления: там нет даже легкого движения воздуха, которое помогает определять, куда двигаться самой темной ночью, но я догадывался, что мы спускаемся в самое сердце холма, на котором некогда стояла старая королевская башня. Временами от хода ответвлялись меньшие проходы, но заблудиться я не боялся: мы шли главной штольней и скала выглядела вполне прочной. Иногда нам попадались следы небольших обвалов, а один раз путь нам преградила большая осыпь, почти полностью перекрывшая проход, но я все же пролез в оставшуюся щель, а дальше ход был открыт.

Кердик остановился перед грудой камней. Он просунул факел в щель и заглянул в нее.

– Мерлин, слушай, пошли обратно, ради всего святого! Это уже полное безумие. Я тебе говорю, тут опасно! Мы ведь лезем в самую скалу! И одни боги ведают, что там спрятано! Слушай, парень, вылезай обратно!

– Не трусь, Кердик! Ты пролезешь. Иди сюда. Быстрее!

– Не лезу! Если ты сию же минуту не вылезешь обратно, я пойду и расскажу все королю.

– Послушай, – сказал я, – это важно! Не спрашивай почему. Но клянусь тебе, нам ничто не угрожает! А если боишься, давай факел и возвращайся обратно.

– Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

– Знаю. Ты ведь не посмеешь вернуться и все ему рассказать? А если оставишь тут одного, а со мной что-то случится, тебе такое будет...

– Верно говорят, что ты чертово отродье, – отозвался Кердик.

Я рассмеялся:

– Когда выберемся на свет, можешь говорить мне что хочешь. А сейчас поторопись, Кердик, пожалуйста. С тобой ничего не случится, честное слово. Я это нюхом чую. И ты же сам видел, как мерлин указал нам путь!

Конечно, он полез. А что ему оставалось? Бедный Кердик! Но когда он очутился рядом со мной, держа в руке факел, я увидел, что он смотрит на меня косо. И левой рукой он сделал знак от дурного глаза.

– Только недолго, ладно? – сказал он.

Еще двадцать шагов, один поворот, и проход вывел нас в пещеру.

Я знаком приказал Кердику поднять факел повыше. Говорить я не мог.

Это огромное пространство в самом сердце горы, эта тьма, еле затронутая светом факела, мертвая тишина и неподвижность воздуха, в которой я слышал и ощущал биение собственного сердца, – это было то самое место. Я помнил каждый след кайла на скале, изрубленной железом и потом расколотой водой. Тот самый сводчатый потолок, уходящий во тьму; а вон в углу какие-то ржавые железки – там стоял насос. И блестящая влага на стене – уже не тонкая лента, а целая занавесь сверкающей воды. А на месте луж на полу и под нависшим выступом – широкое, спокойное озеро. Почти треть пола заливала вода.

У воздуха был особый, пещерный запах: дыхание воды и дикого камня.

Где-то наверху капала вода, и каждая капля звенела, как удар маленького молоточка по металлу. Я взял у Кердика пучок пылающих веток и подошел к краю озера. Поднял факел как можно выше, вытянул руку вперед и заглянул в озеро. Ничего не было видно. Свет отразился от поверхности, непроницаемой, как сталь. Я ждал. Лучи света разбегались, мерцали и тонули во мраке. В озере не было ничего, кроме моего собственного отражения, похожего на призрак в зеркале Галапаса.

Я снова отдал факел Кердику. Он все это время молчал и смотрел на меня косым, испуганным взглядом.

Я коснулся его руки:

– Мы можем идти назад. Все равно эта штука уже почти догорела.

– Пошли.

Мы молча пробрались назад по извилистой галерее, прошли мимо кучи мусора и вышли наружу, в морозный зимний день. Небо было бледного, молочно-голубого цвета. На его фоне выделялись хрупкие, неподвижные веточки зимних деревьев. Березы стояли белые, словно костяные. Снизу раздался призывный клич рога, отчетливо прозвеневший в неподвижном металлическом воздухе.

– Уезжают!

Кердик ткнул факелом в замерзшую землю, чтобы затушить его. Я пробрался вниз сквозь кусты. Голубь лежал на прежнем месте, холодный, уже окоченевший. Мерлин тоже был здесь; он слез со своей добычи и, нахохлившись, сидел рядом, на камне. Когда я подошел, он даже не шелохнулся. Я подобрал вяхиря и бросил его Кердику.

– Сунь к себе во выюк. Да, тебе, разумеется, не надо говорить, чтобы ты помалкивал обо всем этом?

– Нет, конечно. Что ты делаешь?

– Он оглушен. Если оставить его здесь, он через час замерзнет насмерть. Я возьму его с собой.

– Осторожнее! Это взрослый сокол...

– Он мне ничего не сделает.

Я взял сокола; он распушился от холода и был на ощупь мягкий, как совенок. Я натянул на левое запястье кожаный рукав куртки, и сокол крепко вцепился в него. Он теперь совсем опустил веки и смотрел на меня дикими темными глазами. Но сидел смирно, сложив крылья. Я услышал, как Кердик бормочет что-то себе под нос, собирая мои вещи с того места, где я обедал. Потом он сказал такое, чего я никогда прежде от него не слышал:

– Что ж, идем, молодой хозяин!

Когда я догнал отряд деда, направлявшийся домой, в Маридунум, мерлин послушно сидел у меня на запястье.

Глава 10

Не пытался он оставить меня и тогда, когда мы добрались домой.

Осмотрев его, я обнаружил, что при падении он повредил себе маховые перья. Я вправил их, как учил меня Галапас, и после этого сокол сидел на груше у меня за окном, принимал пищу, которую я ему давал, и улететь не пытался.

Когда я в следующий раз отправился к Галапасу, я взял его с собой.

Это был первый день февраля. Накануне ночью мороз сменился дождем. Серый, свинцовый день, по небу ползут низкие тучи, порывы ветра швыряют в лицо пригоршни дождя. По дворцу гуляли сквозняки, все двери были плотно занавешены, люди кутались в шерстяные плащи и жались к жаровням. Мне казалось, что над дворцом тоже висит серое, свинцовое молчание; дед я с тех пор, как мы вернулись в Маридунум, почти не видел. Он со своими вассалами часами просиживал на советах, и говорили, что когда они с Камлахом запираются вдвоем, то частенько кричат и ссорятся. Однажды я пошел к матери, но мне сказали, что она молится и не может меня принять. Я видел ее мельком через полуоткрытую дверь; она стояла на коленях перед святым образом, и я мог бы поклясться, что она плачет.

Но в долине, в холмах ничто не изменилось. Галапас взял мерлина, высказался по поводу моей работы, потом усадил его на укрытый от ветра уступ у входа в пещеру и позвал меня к огню, греться. Он положил мне тушеного мяса из кипящего над огнем горшка и велел поесть, прежде чем рассказывать. Насытившись, я рассказал ему обо всем, вплоть до того, что дед с Камлахом ссорятся, а мать плакала.

– Клянусь, Галапас, это была та самая пещера! Но зачем? Там ничего не было! И ничего больше не случилось. Совершенно ничего. Я расспрашивал всех, кого мог, и Кердик поспрашивал среди рабов, но никто не знает, о чем говорили короли и почему дед с Камлахом разошлись. Но Кердик сказал мне одну вещь: за мной следят. Люди Камлаха. А то бы я к тебе раньше приехал. Сегодня они уехали, и Камлах, и Алун, и все остальные, и я сказал, что поеду на луга погонять сокола, и приехал сюда.

Галапас молчал. Я был слишком озабочен, чтобы ждать, и потому повторил:

– Что происходит, Галапас? Что все это значит?

– Что касается твоего видения и той пещеры, об этом я ничего не знаю. А что до неприятностей во дворце – догадываюсь. Ты ведь знаешь, что у верховного короля были сыновья от первой жены – Вортимер, Катигерн и юный Пасценций?

Я кивнул.

– Был ли кто-нибудь из них в Сегонтиуме?

– Нет.

– Мне говорили, что они порвали с отцом, – сказал Галапас, – и Вортимер собирает свои войска и мечтает стать верховным королем. Так что Вортигерну, скорее всего, грозит восстание, и как раз тогда, когда он совершенно не может себе этого позволить. Королеву сильно ненавидят, это ты знаешь; а мать Вортимера была добрая британка, и к тому же молодые люди хотят молодого короля.

– Значит, Камлах за Вортимера? – быстро спросил я.

Галапас улыбнулся:

– Похоже на то.

Я немного поразмыслил.

– Что ж, говорят ведь, что, когда волки грызутся, добыча достается воронам?

Я родился в сентябре, под знаком Меркурия, и ворон был моей птицей.

– Быть может, – сказал Галапас. – Но вероятнее всего, тебя запрут в клетку быстрее, чем ты думал.

Сказал он это так, между прочим, словно мысли его были заняты другим. И я вернулся к тому, что сейчас заботило меня больше всего.

– Галапас! Ты сказал, что ничего не знаешь о видении и о пещере. Но ведь это... это, должно быть, была рука бога...

Я взглянул на уступ, где терпеливо сидел нахохлившийся мерлин, наполовину прикрывший веки так, что глаза его казались узкими огненными щелочками.

– Да, похоже, что это так.

Я робко спросил:

– А нельзя ли узнать, что он... что это значило?

– Ты хочешь снова побывать в хрустальном гроте?

– Н-нет, не хочу. Но, наверно, надо... Это-то ты мне можешь сказать?

Он немного помолчал, потом как бы нехотя произнес:

– Да, я думаю, тебе надо там побывать. Но сперва мне нужно тебя еще кое-чему научить. На этот раз ты должен сам зажечь огонь. Нет, не так! – улыбнулся он, когда я потянулся за веткой, чтобы разворошить угли. – Положи. Ты ведь перед отъездом просил, чтобы я показал тебе что-нибудь настоящее? Вот, это все, что мне осталось тебе показать. Я не думал... Ладно, оставим это. Пора. Нет, сиди. Книги нам больше не понадобятся, дитя мое. Смотри.

* * *

О том, что было дальше, я писать не буду. Это все, чему он меня научил, если не считать кое-каких целительских штук. Но как я уже говорил, это была первая магия, которой я научился, и забуду я ее последней. Это оказалось легко – создавать огонь, холодный как лед, или бушующее пламя, или вспышку, что рассекает мрак, подобно бичу; мне повезло, потому что я был слишком молод, чтобы учиться таким вещам, а это искусство может ослепить, если ты слишком слаб или не подготовлен.

* * *

Когда мы закончили, на улице было уже темно. Галапас встал.

– Через час я вернусь и разбужу тебя.

Он взял свой плащ, которым было занавешено зеркало, закутался в него и вышел.

Треск пламени был похож на топот копыт. В жаровне стрельнуло, длинный язык пламени взметнулся, как бич. Полено упало с шипением, похожим на женский вздох, и мелкие сучки затрещали, словно сотня кумушек, болтающих, перешептывающихся, смакующих новости...

А потом все утихло, и взметнулось яркое, но бесшумное пламя. Его сияние отразилось в зеркале. Я взял свой плащ – он успел высохнуть – и забрался в хрустальный грот. Постелил его на дно пещерки, а сам не отрывал глаз от купола, усеянного кристаллами. Свет очага ворвался вслед за мной, наполнил пещеру, и вот уже я лежал в огненном шаре, словно внутри звезды; с каждым мгновением свет разгорался все ярче и внезапно потух, вокруг стало темно...

* * *

Подковы коня выбивали искры из камня старой римской дороги. Бич всадника шелка снова и снова, но конь и так уже несея галопом – ноздри его раздувались и сделались алыми, дыхание лошади вырывалось клубами пара в холодном воздухе. Всадником был Камлах. Далеко позади, отстав почти на милю, скакали его спутники, а еще дальше, ведя под уздцы загнанного, взмыленного коня, плелся гонец, доставивший весть королевскому сыну.

Город был наводнен факелами. Люди бросились навстречу всаднику, но Камлах не обращал на них внимания. Он вонзил острые шпоры в бока лошади, пронесся через весь город вниз по крутой улочке и влетел в ворота дворца. Здесь тоже было полно факелов. Его рыжие волосы вспыхнули в их свете. Камлах спрыгнул с коня и бросил поводья подбежавшему рабу. Он взбежал по лестнице – мягкие сапоги ступали бесшумно – и прошел колоннадой, которая вела в покои его отца. На миг стремительная фигура в черном исчезла в темноте под аркой, потом она распахнула дверь и появилась в комнате.

Гонец был прав. Смерть наступила мгновенно. Старик лежал на резной римской кровати. Кто-то укрыл его покрывалом алого шелка. Ему как-то ухитрились подвязать челюсть, потому что седая борода смотрела в потолок, а под голову подложили маленькое глиняное изголовье, так что голова лежала прямо и тело начинало костенеть. Так было не видно, что шея у него сломана. Старческое лицо уже успело осунуться – нос заострился и был точно вылеплен из холодного белого воска. Золотые монеты, лежавшие на губах и на сомкнутых веках, блестели в свете факелов, что горели по углам кровати.

В изножье кровати, меж двух горящих факелов, стояла Ниниана. Она держалась очень прямо и неподвижно. На ней было белое платье, руки сложены перед грудью, и в них зажато распятие, голова опущена. Она не подняла головы, когда отворилась дверь, и по-прежнему смотрела на алое покрывало. Непохоже было, что она скорбит, – скорее, мысли ее витали слишком далеко.

Брат стремительно подошел и встал рядом с нею – тонкий и стройный в своих черных одеждах, сверкающий какой-то яростной грацией, которая, казалось, распирала стены комнаты.

Он подошел к кровати и навис над ней. Некоторое время он смотрел на отца, затем коснулся мертвых рук, сложенных на алом покрывале. Постоял так, потом убрал руку. Взглянул на Ниниану. У нее за спиной, в тени, расположилась небольшая группа мужчин, женщин, слуг. Они переминались с ноги на ногу и перешептывались. В толпе стояли Маэл и Дуах – оба безмолвные, с сухими глазами. Был там и Диниас. Он поедал глазами Камлаха.

– Мне сказали, что это был несчастный случай, – произнес Камлах очень тихо, обращаясь к Ниниане. – Это правда?

Она не шелохнулась и ничего не ответила. Камлах подождал, потом раздраженно махнул рукой и обратился к тем, кто стоял у нее за спиной:

– Кто-нибудь, отвечайте! Это был несчастный случай?

Вперед выступил один из слуг короля, Мабон.

– Да, господин. Это правда.

Он облизнул губы, видимо, в нерешительности.

Камлах ощерился:

– Клянусь всеми дьяволами ада! Что с вами такое?

Тут он увидел, что все уставились на его правое бедро. Он опустил глаза. Там болтался его короткий кинжал без ножен. Лезвие было в крови по самую рукоятку. Камлах нетерпеливо и с отвращением фыркнул, выхватил кинжал и отшвырнул его. Тот пролетел по полу и со звоном ударился о стену. В наступившей тишине звук показался очень громким.

– Чья это кровь, по-вашему? – спросил он, все еще щерясь. – Всего-навсего оленья! Когда приехал гонец, мы как раз затравили оленя и находились в двенадцати милях отсюда – я и все мои люди.

Он уставился на них, словно ожидая, кто осмелится ему возразить.

Никто не шелохнулся.

– Ну же, Мабон! Гонец сказал, что он поскользнулся и упал. Как это вышло?

Мабон прокашлялся.

– По-глупому, сударь. Чистая случайность. Даже рядом никого не было. Это было в малом дворике, через который ходят в комнаты слуг. Там еще ступеньки все стерлись. Один из слуг, разнося масло и наливая его в лампы, пролил немного на ступеньки и пошел за тряпкой, чтобы подтереть, а тут как раз король вышел. Он очень торопился. Никто не думал, что он... окажется там в это время. Ну вот, господин, он, значит, поскользнулся, упал на спину и ударился головой о камень. Вот как оно вышло, господин. Люди это видели. Есть свидетели, которые могут подтвердить это под присягой.

– А тот, по чьей вине это случилось?

– Раб, господин мой.

– С ним разобрались?

– Он мертв, господин.

Пока они говорили, в колоннаде раздался шум – это прибыли спутники Камлаха. Они тоже направлялись в комнату короля. Теперь они ввалились туда, и, когда Мабон умолк, Алун бесшумно приблизился к Камлаху и коснулся его руки.

– Камлах, новость уже разнеслась по всему городу. У ворот собирается толпа. Слухи ходят самые невероятные, и скоро могут начаться беспорядки. Тебе придется выйти и поговорить с народом.

Камлах метнул взгляд в его сторону и кивнул:

– Пойди займись этим, ладно? Бран, ступай с ним. И Руан тоже. Закройте ворота. Скажите народу, что я скоро выйду. Остальные – вон!

Комната опустела. Диниас задержался в дверях, но Камлах даже не глянул в его сторону, и он тоже вышел. Дверь закрылась.

– Ну что, Ниниана?

Она за все это время ни разу не взглянула на него. Теперь она подняла глаза:

– Что тебе нужно от меня? Мабон рассказал все, как было. Он только не сказал, что король дурачился с одной из служанок и что был пьян. Но это несчастный случай, и теперь король мертв... а ты и все твои дружки были в двенадцати милях отсюда. Так что теперь ты король, Камлах, и никто не сможет бросить тебе в лицо: «Он хотел смерти своего отца!»

– Никто. Даже ты, Ниниана!

– Я этого не говорила. Я просто хочу сказать, что споры окончены. Королевство – твое, и теперь, как правильно сказал Алун, тебе лучше пойти и поговорить с народом.

– Сперва я поговорю с тобой. Почему ты стоишь тут с таким видом, словно тебе все равно? Словно ты уже не здесь?

– Быть может, потому, что это так и есть. Меня не касается, кто ты и чего ты хочешь. Я прошу тебя лишь об одном.

– О чем же?

– Отпусти меня. Он не отпускал, но ты, я думаю, согласишься.

– В монастырь Святого Петра?

Она опустила голову:

– Я говорю тебе, ничто мирское меня больше не трогает. Уже давно и тем более теперь. Все эти разговоры о вторжении, весенней войне, смене власти, смерти королей... Да не смотри на меня так! Я не дура, и отец разговаривал со мной. Но тебе незачем меня бояться. Ничто из того, что я знаю и могу сделать, не повредит твоим планам, братец. Говорю тебе, я не хочу от жизни ничего, кроме того, чтобы меня отпустили с миром и позволили жить в мире – мне и моему сыну.

– Ты сказала, что просишь лишь об одном. А это уже вторая просьба...

В ее глазах в первый раз вспыхнуло что-то живое – возможно, это был страх.

– Но ведь вы же всегда собирались отправить его в монастырь! Это была твоя идея, а не отца. Ведь после того, как я отказала Горлану, ты понял, что, даже если отец Мерлина явится сюда с мечом в руке и с тремя тысячами всадников, я не выйду за него! Мерлин тебе ничего не сделает, Камлах. Он навсегда останется не более чем безымянным бастардом. Ты ведь знаешь, что он не воин. Видят боги, он не причинит тебе вреда!

– Тем более если он будет сидеть в монастыре? – спросил Камлах шелковым голосом.

– Тем более если он будет сидеть в монастыре. Камлах, ты играешь со мной? Что у тебя на уме?

– Раб, что пролил масло, – сказал Камлах. – Кто это был?

Глаза Нинианы снова вспыхнули. Потом она опустила веки.

– Сакс. Кердик.

Камлах не шевельнулся, но изумруд на его груди внезапно сверкнул на фоне черных одежд, словно сердце у него подпрыгнуло.

– Не пытайся сделать вид, что ты догадывался об этом! – яростно воскликнула Ниниана. – Откуда ты мог знать?

– Да нет, не догадывался. Но когда я приехал, весь замок гудел, как разбитая арфа. Ну что ты стоишь, сложив руки на брюхе, словно прячешь от меня еще одного ублюдка? – воскликнул он с внезапным раздражением.

Как ни странно, она улыбнулась:

– Прячу, конечно!

Изумруд снова блеснул.

– Не будь дураком, Камлах. Ну откуда мне взять еще одного? Я просто не могу уйти, пока не буду уверена, что ему ничто не угрожает. Что нам обоим ничто не угрожает, что бы ты ни собирался сделать.

– А что я могу сделать тебе? Я могу поклясться, что...

– Что бы ты ни собирался сделать с королевством моего отца. Ладно, оставим это. Я повторяю: я забочусь лишь об одном – чтобы монастырь оставили в покое... А это так и будет.

– Ты видела это в кристалле?

– Не к лицу христианам заниматься предсказаниями! – отрезала Ниниана.

Но голос ее звучал слишком сурово, чтобы быть искренним. Камлах взглянул на нее, внезапно засуетился; отступил на пару шагов в тень, потом снова вышел на свет.

– Скажи мне, – отрывисто бросил он, – что будет с Вортимером?

– Он умрет, – сказала Ниниана с безразличным видом.

– Все мы когда-нибудь умрем. Но я связан с ним, ты же знаешь. Можешь ли ты сказать мне, что будет весной?

– Я ничего не видела и ничего тебе сказать не могу. Но каковы бы ни были твои планы, тебе не пойдет на пользу, если поползут слухи о том, что это было убийство. Так что ты глуп, если думаешь, что смерть короля не была случайной. Двое конюхов видели это, и служанка, с которой он забавлялся, тоже.

– Тот человек успел сказать что-нибудь перед тем, как умер?

– Кердик? Нет. Только что это вышло случайно. Похоже, он больше заботился о моем сыне, чем о себе самом. Больше он ничего не сказал.

– Мне тоже так говорили, – сказал Камлах.

В комнате снова воцарилось молчание. Они смотрели друг другу в глаза.

– Ты не сделаешь этого, – сказала Ниниана.

Он не ответил. Они стояли глаза в глаза. По комнате пронесся сквозняк, пламя факелов дрогнуло.

Камлах улыбнулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась, по комнате пронесся порыв ветра, огонь взметнулся, погас, свет и тени смешались...

* * *

Пламя угасало, и кристаллы померкли. Я выбрался из пещерки, потянул за собой плащ, и он порвался. Угли в жаровне тускло тлели. Снаружи было уже совсем темно. Я, спотыкаясь, спустился вниз и бросился к выходу.

– Галапас! – крикнул я. – Галапас!

Его высокая, ссутулившаяся фигура возникла из тьмы. Он вошел в пещеру. Его ноги, полуголые, в старых сандалиях, посинели от холода.

Я остановился в ярде от него, но вышло так, словно я бросился к нему в объятия. Он закутал меня плащом.

– Галапас, они убили Кердика!

Он ничего не сказал, но его молчание утешало лучше любых слов.

Я сглотнул, чтобы избавиться от болезненного кома в горле.

– Если бы я не приехал сюда сегодня... Я ведь обманывал его, как и остальных. А мог бы довериться ему – рассказать даже про тебя... Галапас, если бы я был там, быть может, я смог бы что-нибудь сделать!

– Нет, не смог бы. И ты это знаешь.

– Теперь я меньше чем никто.

Я прижал руку к виску: голова раскалывалась, перед глазами все плыло, я почти ничего не видел. Галапас мягко взял меня за руку и усадил у огня.

– Почему, Мерлин? Не спеши, расскажи мне все по порядку.

– А ты не знаешь? – удивился я. – Он наполнял лампы на колоннаде и пролил масло на ступеньки, а король поскользнулся, упал и сломал себе шею. Кердик был не виноват, Галапас! Он просто пролил масло, вот и все, и он уже возвращался, чтобы подтереть, он правда возвращался! А они взяли и убили его! И теперь королем стал Камлах.

По-моему, некоторое время я тупо смотрел на него. Глаза мои были еще полны видений, и в мозгу помещался лишь один-единственный факт.

– А что твоя мать? – спросил Галапас, мягко, но настойчиво. – Что с ней?

– Чего? Что ты говоришь?

В руку мне сунули кубок с чем-то теплым. Судя по запаху, это был тот же напиток, что Галапас давал мне перед тем, как я полез в грот.

– Выпей. Тебе надо было поспать до тех пор, пока я не вернулся, – тогда тебе не было бы так плохо.

Я выпил. Острая боль в висках сменилась тупым пульсированием, и я вновь обрел четкость зрения. И мысли тоже.

– Извини. Теперь все в порядке. Я снова могу соображать, я пришел в себя... Сейчас расскажу остальное. Мать уйдет в монастырь. Она пыталась уговорить Камлаха, чтобы он отпустил и меня тоже, но он не согласился. Я думаю...

– Что?

Я наконец сообразил, что к чему, и медленно произнес:

– Я сперва не понял. Я думал о Кердике. Но похоже, он собирается убить меня. Наверно, он воспользуется смертью деда: он скажет, что это дело рук моего раба... Нет, конечно, никто не поверит, что я могу быть соперником Камлаху, но если он запрет меня в монастырь и через некоторое время, когда слухи уже улягутся, я тихо умру, никто ничего не скажет. А моя мать к тому времени будет уже не королевской дочерью, а всего-навсего одной из святых женщин, и она тоже ничего не сможет сделать.

Я сжал кубок в ладонях и поднял глаза на Галапаса.

– Галапас, почему меня так боятся?

Он ничего не ответил, лишь кивнул на кубок.

– Допивай. А потом тебе надо будет уехать.

– Уехать? Но если я вернусь, они убьют меня или запрут в монастыре... Разве нет?

– Если найдут – попытаются.

– Если я останусь тут, с тобой... – горячо сказал я. – Никто ведь не знает, что я здесь! Даже если они узнают и приедут за мной, тебе ничего не будет! А потом мы увидим их за несколько миль, когда они въедут в долину... Они меня не найдут! Я спрячусь в хрустальном гроте...

Галапас покачал головой:

– Еще не время, Мерлин. Когда-нибудь, но не теперь. Сейчас ты не можешь спрятаться – все равно как твой мерлин не может вернуться в яйцо.

Я оглянулся через плечо, туда, где, нахохлившись, сидел на жердочке мой мерлин, неподвижный, как сова Афины. Его не было. Я протер глаза рукавом и поморгал, не веря своим глазам. В самом деле! Угол, озаренный пламенем, был пуст.

– Галапас! Сокол улетел!

– Да.

– Ты видел?

– Он пролетел мимо, когда ты позвал меня.

– Я... Куда?

– На юг.

Я осушил кубок и перевернул его, отдавая последние капли богу. Потом поставил кубок и потянулся за плащом.

– Я еще увижу тебя, да?

– Увидишь. Я обещаю.

– Значит, я вернусь?

– Я ведь обещал тебе. Когда-нибудь эта пещера будет твоей и все, что в ней, – тоже.

Снаружи влетел холодный ночной ветер, шевельнул полу моего плаща и взметнул волосы. По спине у меня поползли мурашки. Я встал, набросил плащ на плечи, застегнул фибулу.

– Стало быть, ты едешь? – Галапас улыбался. – Ты так веришь мне? И куда же ты собираешься?

– Не знаю. Для начала, наверно, домой. По дороге успею подумать – если это нужно. Но я все еще на тропе бога. Я чувствую, как ветер несет меня. Чему ты улыбаешься, Галапас?

Галапас не ответил. Он встал, притянул меня к себе, наклонился и поцеловал меня в лоб. Сухой и легкий старческий поцелуй, словно падающий лист, коснулся моего лба. Потом он подтолкнул меня к выходу.

– Ступай. Я уже оседлал твоего пони.

Когда я ехал вниз по долине, дождь все еще шел. Мелкий, морозящий дождь. Капли липли к плащу, пробирались под одежду и смешивались со слезами, что текли у меня из глаз. Я плакал второй раз в жизни.

Глава 11

Ворота скотного двора были заперты. Впрочем, я ждал этого. Днем я, не таясь, выехал через главные ворота с мерлином на руке. В другое время я рискнул бы сунуться с той стороны, отговорившись тем, что потерял сокола и весь день его искал. Но не сегодня. Некому ждать меня, чтобы впустить через скотный двор...

Несмотря на то что надо было спешить, я заставил застоявшегося пони идти шагом и потихоньку проехал вдоль стены в сторону моста. Он и дорога, ведущая к нему, кишели народом. Там было светло и шумно, и за несколько минут, что я смотрел на мост, по нему дважды проносился всадник, спешащий на юг.

Над дорожкой, ведущей вдоль реки, нависали сырые и голые деревья сада. У стены был неглубокий ров, и из-за нее высывались ветви, с которых капало. Я слез с пони, подвел его к наклонившейся яблоне и привязал. Потом снова взобрался в седло, неловко встал на ноги, постоял, пытаюсь утвердиться, подпрыгнул и ухватился за сук.

Сук был мокрый, скользкий, одна рука сорвалась, но вторая удержалась. Я подтянулся, забросил ноги на сук и через несколько мгновений перебрался через стену и спрыгнул в траву.

Слева была высокая стена, за ней – личный сад деда, справа – голубятня и терраса, где, бывало, сидела Моравик со своим веретеном. Прямо передо мной были помещения для слуг. Я с облегчением увидел, что там темно. Светло и шумно было слева, за стеной, в самом дворце. Еще дальше, приглушенный шелестом дождя, шумел город.

В моем окне света не было. Я бросился туда.

На что я не рассчитывал – это на то, что они принесут его сюда, в комнату, где он жил. Его тюфяк лежал не у двери, как обычно, а там, где раньше, – в углу, рядом с моей кроватью. Здесь не было ни пурпура, ни факелов; он лежал так, как его приволокли и швырнули. В полутьме я видел лишь силуэт неуклюже распростертого тела. Одна рука была откинута в сторону. Было слишком темно, чтобы разглядеть, как он умер.

Я наклонился и взял его за руку. Рука была холодной, тело уже начинало коченеть. Я бережно уложил его руку вдоль тела, потом подбежал к кровати, сорвал с нее покрывало – хорошее, шерстяное – и укрыл им Кердика. Потом насторожился: вдалеке раздался мужской голос, который что-то спрашивал, в конце колоннады послышались шаги. Другой голос ответил:

– Нет, не проходил! Я следил за дверью. А пони на месте?

– Нет, нету! – И в ответ на еще какой-то вопрос: – Да нет, далеко уехать не мог. Он часто возвращается поздно. Чего? Да, ладно!

Быстрые удаляющиеся шаги. Тишина.

Где-то в колоннаде висела лампа. Сквозь дверь проникало достаточно света. Я бесшумно поднял крышку своего сундука, достал оттуда свою одежду – все, что у меня было, – свой лучший плащ и пару запасных сандалий. Я запихал все это в мешок, вместе с прочими своими драгоценностями – костяным гребнем, парой фибул и сердоликовой пряжкой. Это можно будет продать. Я влез на кровать и выбросил мешок в окно. Потом подбежал к Кердику, откинул покрывало и, встав на колени, пошарил у бедра. Они оставили ему его кинжал. Я потянул пряжку – пальцы не слушались, и не только потому, что было темно, – и отстегнул кинжал вместе с поясом. Длинный мужской кинжал, в два раза длиннее моего собственного, и остро заточенный. Свой кинжал я положил на тюфяк рядом с Кердиком. Он мог понадобиться ему там, куда он отправился. Впрочем, вряд ли – Кердик всегда отлично справлялся голыми руками.

Теперь я был готов. Я постоял над ним, но вместо темной комнаты видел, словно в сверкающем кристалле, покои моего деда. Факелы, стража, пурпур... А здесь – лишь тьма. Собачья смерть. Рабская смерть...

– Кердик!

Я произнес это вслух. Я уже не плакал. С этим было кончено.

– Покойся в мире, Кердик. Я провожу тебя, как ты хотел. По-королевски!

Я подбежал к двери, прислушался и выскользнул в колоннаду. Там никого не было. Я снял с крюка лампу. Она была тяжелая, и масло выплеснулось через край. Ну да, конечно; он ведь только сегодня наполнил ее.

Вернувшись в комнату, я поднес лампу к тюфяку. Теперь я увидел, как он умер. Этого я не предвидел. Ему перерезали горло.

Даже если бы я и не собирался этого делать, это вышло бы само собой. Рука у меня дрогнула, и горячее масло выплеснулось на покрывало. Кусок фитиля отвалился, упал в масло, зашипел, огонь занялся... Я опрокинул лампу над телом, и пять секунд – пять долгих секунд – смотрел, как огонь разбегался по покрывалу и взметнулся ярким пламенем.

– Отправляйся к своим богам, Кердик! – сказал я и бросился к окну.

Я приземлился на свой мешок и растянулся в мокрой траве. Потом подхватил вещи и побежал к стене.

Чтобы не напугать пони, я выбрал место в нескольких ярдах от яблони и перебросил мешок через стену в ров. Потом взобрался на яблоню и перебрался с нее на стену.

Усевшись на стену верхом, я оглянулся. Пожар разгорался. В моем окне полыхало пламя. Пока что еще никто не поднял тревогу, но вскоре пламя заметят или кто-нибудь почует запах дыма. Я повисел на руках, потом спрыгнул в траву. Когда я вставал, из темноты на меня набросилась какая-то тень.

Тяжелый мужчина придавил меня к грязной траве своим весом. Я хотел было закричать, но мне зажали рот ладонью. Рядом послышались быстрые шаги, звук обнажаемой стали. Повелительный мужской голос, на бретонском:

– Погоди. Надо сперва расспросить его.

Я лежал тихо. Это было нетрудно – не только потому, что нападающий едва не раздавил меня, но и потому, что я чувствовал у горла острое ножа. Когда второй заговорил, тот, что схватил меня, удивленно заворчал, но приподнялся и отвел лезвие – всего на пару дюймов.

– Это всего-навсего мальчишка! – сказал он. Его тон был чем-то средним между удивлением и пренебрежением. – Помалкивай, ты, – это уже мне, по-валлийски, – а не то я тебе вмиг глотку перережу! Понял?

Я кивнул. Он отвел руку от моего рта, встал, поднял меня на ноги и прислонил к стене, уткнув нож мне под ключицу.

– Что все это значит? Почему ты сигаешь через стену, словно крыса, за которой гонятся собаки? Воровал, а? Выкладывай, ты, крысеныш, пока я тебя не придушил!

Он тряс меня так, словно я и в самом деле был крысой.

– Ничего! – выдохнул я. – Я не сделал ничего плохого! Отпустите меня!

– Вот мешок, который он перебросил через стену, – тихо сказал из темноты второй. – Тут полно всякого добра.

– Что там? – поинтересовался тот, что держал меня. – Тихо, ты! – Это уже мне.

Я не нуждался в его предупреждениях. Из-за стены тянуло дымом. Я уже видел отблески пожара. Похоже, занялся потолок. Я старался поглубже вжаться в стену.

Другой изучал мой мешок.

– Одежда... сандалии... похоже, какие-то драгоценности...

Он вышел на дорожку. Теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я смог разглядеть его. Щуплый человечек, похожий на хорька, сутулые плечи, узкое, острое лицо, взлохмаченные волосы... Я его никогда не встречал.

Я вздохнул с облегчением:

– Так вы не из дворца! Но тогда кто же вы? И что вам здесь надо?

Похожий на хорька перестал рыться в моем мешке и поднял голову.

– Не твое дело! – буркнул державший меня здоровяк. – Вопросы будем задавать мы. А почему это ты так боишься людей короля? Ты их что, всех знаешь?

– Конечно! Я ведь живу во дворце. Я... я раб.

– Маррик, – выпалил Хорек, – глянь, там пожар! Дворец гудит, как осиное гнездо. Нечего тратить время на этого беглого крысеныша. Перережь ему глотку, и давай смываться, пока можно.

– погоди, – сказал здоровяк. – Может, он что-нибудь знает. Слушай, ты...

– Зачем мне что-то вам рассказывать, если вы все равно перережете мне глотку? – сказал я. – Кто вы такие?

Он внезапно опустил голову и заглянул мне в лицо.

– С чего это ты вдруг расхрабрился, а? Кто мы такие – не твое дело. Раб, значит? Сбежать решил?

– Да.

– Воровал?

– Нет.

– Нет? А драгоценности? А это? Это не похоже на плащ раба. – И он сильнее ткнул меня кинжалом.

Я еще теснее прижался к стене.

– А пони? Давай выкладывай!

– Ну ладно... – Я отчаянно надеялся, что теперь мой голос звучит угрюмо и испуганно, как подобает рабу. – Я в самом деле кое-что прихватил. А пони – принца, Мирддина. Я... я его нашел. Он бродил тут неподалеку. Правда, сударь! Принц уехал днем и до сих пор не вернулся. Пони, наверно, сбросил его. Всадник он хреновый. Я... мне повезло. Его еще долго не хватятся, а я к тому времени буду уже далеко. – Я умоляюще схватил его за рукав. – Пожалуйста, сударь, отпустите меня! Пожалуйста! Ну что я вам сделал?..

– Маррик, ради всего святого! Времени же нет!

Пожар уже разгорелся вовсю, пламя вздымалось над крышей. Из дворца слышались крики. Хорек потянул того, что держал меня, за руку.

– Отлив уже начался. Кто его знает, может, он и вообще не пришел, по такой-то погоде. Слышь, шум какой – они в любую минуту могут появиться здесь!

– Не могут, – сказал я. – Не до того им будет. Они пожар будут тушить. Огонь уже здорово разгорелся, когда я уходил.

– Когда ты уходил? – Маррик не двинулся с места. Он уставился на меня и чуть ослабил хватку. – Так это ты поджег дворец?

– Да.

Теперь оба они, даже Хорек, смотрели на меня.

– Зачем?

– Потому что я их ненавижу. Они убили моего друга.

– Кто – они?

– Камлах и его люди. Новый король.

Наступила короткая пауза. Теперь я мог лучше разглядеть Маррика.

Высокий, дородный мужчина, с лохматыми темными волосами и черными глазами, которые блестели в свете пожара.

– Если бы я остался, они бы убили и меня тоже, – добавил я. – Поэтому я поджег дворец и сбежал. А теперь, пожалуйста, отпустите меня!

– Зачем это им убивать тебя? То есть теперь-то, конечно, понятно зачем – вон как полыхает, – а до того зачем? Что ты такого сделал?

– Ничего. Но я прислуживал старому королю, и... думаю, я слишком много знаю. Рабы ведь все слышат. И Камлах может решить, что я слишком опасен. У него есть свои планы, и я знаю о них. Поверьте мне, сударь, – сказал я с самым честным видом, – я служил бы ему так же верно, как старому королю, но теперь, когда они убили моего друга...

– Какого друга? Почему?

– Другого раба, сакса. Его звали Кердик. Он пролил масло на лестнице, а старый король поскользнулся и упал. Это случайно вышло, а они перерезали ему глотку!

Маррик обернулся к другому:

– Слыхал, Ханно? Это похоже на правду! Я сам слышал об этом в городе. Ладно, – обратился он ко мне, – рассказывай. Ты знаешь о планах Камлаха?

Но тут снова вмешался Ханно, на этот раз уже в полном отчаянии:

– Маррик! Ради всего святого! Если ты думаешь, что ему есть что рассказать, давай возьмем его с собой! Он может говорить и в лодке, так? Я тебе говорю, если мы проторчим тут еще немного, мы прозеваем отлив и он уйдет! Я нюхом чую, что идет скверная погода, и наверняка знаю, что они ждать не станут! – И добавил по-бретонски: – А утопить его мы всегда успеем.

– В лодке? – переспросил я. – Вы что, по реке поплывете?

– А куда же нам, по-твоему, еще деваться? Не по дороге же! Ты глянь, что на мосту делается! – Маррик мотнул головой в ту сторону. – Ладно, Ханно. Собирайся. Пошли.

И он потащил меня по дорожке. Я уперся.

– Куда вы меня ведете?

– Это наше дело. Плавать умеешь?

– Нет.

Он рассмеялся себе под нос. Нельзя сказать, чтобы это добавило мне спокойствия.

– Ну, тогда тебе без разницы, куда мы поплывем. Пошли!

Он снова зажал мне рот ладонью, перекинул меня через плечо, словно я был не тяжелее своего собственного мешка, и зашагал вниз, к маслянисто-черной глади реки.

Лодка оказалась маленьким кожаным челноком, припрятанным под обрывом. Ханно уже спихнул ее в воду. Маррик тяжело спустился вниз, несколько раз поскользнувшись, бросил меня в утлое суденышко и сам забрался следом. Когда лодка отчалила от берега, Маррик снова приставил мне к шее нож.

– Чуешь? Ну вот. Так что попридержи язык, пока не минует мост.

Ханно оттолкнулся веслом и направил лодку на стремнину. В нескольких футах от берега река подхватила нас, и мы понеслись вниз по течению. Ханно пригнулся к веслу, правя в южную арку моста.

Маррик не выпускал меня. Я сидел, глядя вперед. В тот момент, когда поток понес нас к югу, я услышал, как наверху, почуяв дым, отчаянно заржал Астер. В свете разгулявшегося пожара я увидел, как пони, волоча оборванный повод, вынырнул из тени стены и пронесся по тропе, словно призрак. Несмотря на пожар, он бежал к воротам, к конюшне. Интересно, что они подумают и где станут искать меня? Кердик, наверно, уже сгорел. И моя комната с расписным сундуком, и покрывало, подобающее принцу... Может, они решат, что я нашел тело Кердика и в ужасе уронил лампу? И что мое собственное тело лежит там, сгоревшее без остатка, в развалинах крыла, где жили слуги? Впрочем, все это было уже не важно. Кердик ушел к своим богам, а я, похоже, отправлялся к своему.

Глава 12

Черная арка моста накрыла лодку и осталась позади. Мы летели вниз по течению. Отлив почти кончался, но нас несло довольно быстро. В воздухе посвежело, и лодку начало болтать.

Маррик убрал нож от моей шеи и сказал:

– Ладно, пока все в порядке. Этот пожар нам здорово подсобил. На реку никто и не смотрел. Так что нас точно не заметили. А теперь, парень, давай выкладывай все, что знаешь. Как тебя звать?

– Мирддин Эмрис.

– И ты говоришь, что ты... эй, погоди-ка! Как ты сказал? Мирддин? Не бастард, случаем?

– Да.

Он со свистом выпустил воздух сквозь зубы, и Ханно на миг перестал грести. Лодка тут же завертелась, и он поспешно снова погрузил весло в воду.

– Слыхал, Ханно? Это бастард! Клянусь подземными духами! Что ж ты тогда сказал нам, что ты раб?

– Я же не знал, кто вы такие. Вы меня не узнали, и я подумал, что, если вы просто воры или люди Вортимера, вы меня отпустите.

– Мешок, пони и все прочее... Ты что, в самом деле собрался бежать? Хм, – задумчиво добавил он, – впрочем, если все то, что рассказывают, правда, в этом нет ничего удивительного. Но зачем же ты дворец-то поджег?

– Тут я вам тоже сказал правду. Камлах убил моего друга, Кердика-сакса, хотя он не сделал ничего, что заслуживало бы смерти. Я думаю, они убили его только потому, что Кердик был мой, и рассчитывали воспользоваться этим против меня. Они положили его тело в моей комнате, так чтобы я нашел. И я поджег комнату. Его народ считает, что уходить к богам нужно в огне.

– А всех остальных, кто был во дворце, надо отправить к черту?

– В крыле слуг никого не было, – безразлично ответил я. – Они все либо ужинали, либо искали меня или прислуживали Камлаху. Удивительно – а может, и нет, – как быстро люди привыкают к новым хозяевам! Я думаю, пожар потушат прежде, чем он доберется до королевских покоев.

С минуту Маррик молча смотрел на меня. Отлив все еще нес нас в море, мы были уже в самом устье. Ханно почему-то даже не пытался отгрести к противоположному берегу. Я плотнее закутался в плащ. Мне стало холодно.

– И к кому же ты собирался бежать? – спросил Маррик.

– Ни к кому.

– Слушай, парень, я хочу знать правду! Не то живо отправишься за борт, будь ты хоть трижды принцем! Понял? Ты бы и недели не протянул, если бы не пристроился к кому-нибудь на службу. Кто был у тебя на уме? Вортигерн?

– Это было бы более чем разумно. Поскольку Камлах решил переметнуться к Вортимеру...

– Что-о? – резко переспросил он. – Ты уверен?

– Совершенно уверен. Он давно носился с этой идеей и ссорился из-за этого со старым королем. Я думаю, он со своими приспешниками все равно бы уехал. Ну а теперь он может взять с собой все королевство, так что Вортигерну туда ходу уже не будет.

– А кому будет?

– Про это я ничего не знаю. А кто у нас есть? Сами понимаете, он не очень-то распространялся об этом до сегодняшнего вечера, когда его отец, старый король, умер.

– Хм.

Маррик поразмыслил.

– Но ведь у старого короля вроде бы есть еще один сын. Так что если знать не захочет союза с Вортимером...

– Это младенец-то? Ты, должно быть, малость рехнулся. У Камлаха есть хороший пример: Вортимер не был бы тем, что он сейчас, если бы его отец в свое время сделал то, что делает Камлах.

– И что же он сделает?

– А то сам не знаешь? Послушай, а почему я вообще должен вам что-то рассказывать? Сперва скажите, кто вы такие! По-моему, сейчас самое время.

Маррик не обратил на это внимания. Он задумался.

– Похоже, ты довольно много знаешь. Сколько тебе лет?

– Двенадцать. В сентябре будет тринадцать. Но для того чтобы знать о планах Камлаха насчет Вортимера, много ума не надо. Я сам слышал, как он говорил об этом.

– Клянусь Быком! В самом деле? А что еще ты слышал?

– Много чего. Я всегда путался под ногами. На меня никто не обращал внимания. Но теперь моя мать уходит в обитель, и моя жизнь не будет стоять и сушеной фиги, так что я решил сбежать.

– К Вортигерну?

– Понятия не имею, – честно ответил я. – Я... у меня не было никаких особых планов. Может, в конце концов я и впрямь попал бы к Вортигерну. Другого ведь выбора не было – либо он, либо саксонские волки, которые держат нас за глотку и норовят растерзать и сожрать всю Британию. Кто у нас есть еще?

– Ну а Амброзий? – спросил Маррик.

Я рассмеялся:

– О, конечно, Амброзий! Я думал, ты серьезно. Я знаю, что вы из Малой Британии – это по выговору заметно, – но...

– Ты спрашивал, кто мы такие. Мы люди Амброзия.

Наступило молчание. Я только теперь обнаружил, что берегов не видно. Далеко на севере во тьме горел огонек – маяк. Дождь перестал незадолго до того. Теперь сделалось холодно, ветер дул с берега, и море было беспокойно. Лодочка ныряла и взлетала на волнах. Я ощутил первый приступ морской болезни. Я схватился за живот, пытаюсь защититься от холода и спазмов, и резко спросил:

– Люди Амброзия? Значит, вы его шпионы?

– Скажем так, преданные люди.

– Значит, это правда, что он сидит в Малой Британии и ждет своего часа?

– Да, это правда.

– Вы едете туда? – в ужасе спросил я. – Неужто вы собираетесь доплыть туда в этой лодчонке?

Маррик расхохотался. Ханно кисло заметил:

– Похоже, придется, если корабль ушел.

– Какой же корабль зимой? – удивился я. – В такую погоду корабли не ходят!

– Корабли ходят в любую погоду, если морякам хорошо заплатят, – сухо ответил Маррик. – Амброзий платит. Так что корабль должен быть на месте.

Его тяжелая рука опустилась на мое плечо – впрочем, довольно мягко.

– Ладно, речь не об этом. Есть еще кое-что, что я хочу знать.

Я скрючился, держась за живот и жадно хватая ртом холодный воздух.

– Мне, конечно, есть о чем рассказать. Но если вы выкинете меня за борт, я ничего не потеряю, если ничего не скажу, не правда ли? Так что я лучше придержу свои сведения при себе. Или посмотрю, не согласится ли Амброзий заплатить за них. А ваш корабль – вон он. Смотрите! Вы, должно быть, ослепли, если его не видите. А теперь отвяжитесь от меня. Мне плохо.

Я услышал, как Маррик тихо рассмеялся себе под нос.

– А у тебя трезвая голова, малый! Да, вон корабль. Теперь я его тоже вижу. Ладно, принимая во внимание, кто ты такой, мы, пожалуй, возьмем тебя с собой. И не только поэтому. Хочешь знать, почему еще? Мне понравилось то, что ты говорил о своем друге. Это было

похоже на правду. Стало быть, ты умеешь хранить верность? И у тебя, судя по всему, нет причин хранить верность Камлаху или Вортигерну. Будешь ли ты верен Амброзию?

– Я узнаю это, когда увижу его.

Он дал мне тумак, так что я растянулся на дне лодки.

– Слушай, ты! Принц ты или нет, а об Амброзии изволь говорить с уважением! Многие сотни людей считают его своим законным королем!

Я снова поднялся. Меня тошнило. Нас тихо окликнули, и в следующий миг над нами выросла черная тень корабля.

– Если он мужчина, этого довольно, – сказал я.

* * *

Кораблик был маленький и низко сидел в воде. Света на нем не было, и он казался тенью посреди черного моря. Я видел лишь силуэт раскачивающейся мачты (это зрелище вызвало у меня новый приступ тошноты) на фоне низких рваных облаков, которые были лишь немногим светлее черного ночного неба. Корабль был похож на те торговые суда, что приходили в Маридунум летом, но мне показалось, что он выстроен более тщательно и прочно.

Маррик ответил тем, кто окликнул нас с корабля. С борта упала веревка. Ханно поймал ее и привязал к носу лодки.

– Давай лезь. Ты ведь умеешь лазить по канату?

Мне кое-как удалось подняться на ноги. Челнок раскачивался. Вербка была мокрая и дергалась. Сверху нетерпеливо окликнули:

– Вы, там! Поторпливайтесь! Нам повезет, если мы благополучно вернемся домой. Идет непогода!

– Лезь, черт бы тебя побрал! – сказал Маррик и ткнул меня в спину.

Большого мне не потребовалось. Мои руки обмякли, соскользнули с веревки, и я рухнул на борт лодчонки, да так и остался висеть над водой. Я задыхался, меня выворачивало, и сейчас меня меньше всего волновала как судьба Британии, так и моя собственная. Если бы меня пырнули ножом или выкинули за борт, я, пожалуй, и не заметил бы – разве что приветствовал бы смерть как избавление. Я висел на борту, как мешок с тряпьем, и блевал.

Что было потом – я почти не помню. Мои похитители ругались на чем свет стоит, и Ханно, помнится, советовал Маррику бросить это дело и швырнуть меня за борт. Но меня все же подняли и каким-то образом передали наверх, а там меня подхватили и вытащили на палубу. Потом кто-то то ли отвел, то ли отволок меня в трюм и швырнул на кучу тряпок рядом с ведром, там, где воздух из открытой отдушины обвеивал мое потное лицо.

По-моему, путешествие заняло четыре дня. Непогода действительно была, но мы наконец оставили ее позади и пошли на хорошей скорости. Я все это время валялся внизу, под отдушиной, кутаясь в одеяла и боясь поднять голову. Через некоторое время мне малость полегчало, но, наверно, двигаться я бы все равно не смог. По счастью, никто и не пытался меня заставить.

Один раз Маррик спустился вниз. Я видел это смутно, как во сне. Он переступил через кучу старых якорных цепей, подошел и встал надо мной. Его огромная фигура наклонилась. Он всмотрелся в меня, потом покачал головой:

– Подумать только, а я-то решил, что нам повезло, что мы тебя подцепили! Надо было сразу выкинуть тебя за борт – от скольких хлопот бы избавились! А ведь тебе на самом деле и рассказать-то больше особенно нечего, а?

Я не ответил.

Он издал ворчание, смахивающее на смех, и вышел. Я уснул, совершенно обессиленный. Когда я проснулся, то обнаружил, что с меня стащили мокрый плащ, тунику и сандалии, вытерли и закутали в сухие одеяла. У изголовья стоял кувшин с водой, заткнутый тряпкой,

и лежала краюха ячменного хлеба. Я не мог ни есть, ни пить, но счел это за добрый знак. И уснул снова.

А потом в один прекрасный день, уже в сумерках, впереди показался Дикий берег, и корабль бросил якорь в спокойных водах Морбигана, который люди зовут еще Малым морем.

Часть вторая

Сокол

Глава 1

Я узнал о том, что мы пристали к берегу, только когда пробудился от тяжелого сна от голосов у меня над головой.

– Если он говорит правду, тогда ладно. Но ты действительно веришь, что принц, пусть даже бастард, может ходить в таком тряпье? Все драное, грязное, даже пряжка на поясе простая, не позолоченная, а сандалии! Ты посмотри на эти сандалии! Плащ, конечно, приличный, но он же рваный! Нет, я все-таки больше верю той истории, что он рассказал сначала. Это всего-навсего раб, который решил сбежать и прихватил с собой вещи хозяина.

Голос принадлежал Ханно, и говорил он по-бретонски. По счастью, я лежал к ним спиной, свернувшись клубком под одеялом. Так что мне не составило труда сделать вид, что я сплю. Я лежал неподвижно и старался дышать ровно.

– Нет, это точно бастард – я встречал его в городе. Я бы его и раньше признал, если бы там было посветлее.

Другой голос, более низкий, – это Маррик:

– В любом случае не важно, кто он такой, раб или принц-бастард, – главное, что он многое знает о том, что происходит во дворце, и Амброзий наверняка захочет его выслушать. А парень, похоже, толковый. Нет, он и в самом деле тот, за кого себя выдает. Таким манерам и разговору на кухне не выучишься.

– Да, но...

Ханно произнес это таким тоном, что у меня по спине поползли мурашки. Я лежал тихо как мышь.

– Но что?

Хорек еще больше понизил голос:

– Может быть, если нам удастся заставить его говорить... Нет, взгляни на дело так: все, что он рассказал нам про короля Камлаха и прочее, – если мы сделаем вид, что добыли эти сведения сами, нам бы за них неплохо заплатили, а? Как ты думаешь?

– Ну да, а потом он выберется на берег и расскажет, откуда он? – проворчал Маррик. – Дойдет еще до Амброзия... А до него непременно дойдет. Он все знает.

– Дурачком прикидываешься? – прошипел Хорек.

Все, что я мог сделать, – это лежать тихо. Спина между лопатками похолодела, словно я уже ощущал прикосновение ножа.

– Да нет, я тебя понял. Но мне кажется, что...

– В Маридунуме никто не знает, куда он делся, – убеждал его Ханно горячим, торопливым шепотом. – А те, кто видел, как поднимали его на борт, решат, что мы увели его сейчас с собой. На самом деле мы так и сделаем. Возьмем его с собой. Дорога до города длинная... – Я услышал, как он сглотнул. – Я тебе с самого начала говорил: не стоило тратить деньги на то, чтобы тащить его с собой...

– Если мы собираемся избавиться от него прямо сейчас, – резко ответил Маррик, – тогда и в самом деле глупо было тратить на него деньги. Но пораскинь мозгами. Мы можем вернуть свои денежки – еще и с прибытком.

– И как же это?

– Ну, если парень действительно что-то знает, Амброзий нам деньги вернет, можешь быть уверен. А если он и в самом деле бастард – а я в этом уверен, – то мы окажемся с прибылью. Сыновья и внуки королей – добыча выгодная. Кому это знать, как не Амброзию?

– Амброзий поймет, что мальчишка не годится в заложники, – мрачно возразил Ханно.

– Откуда ты знаешь? А если он не понадобится Амброзию, тогда мы оставим мальчишку себе, продадим, а деньги поделим пополам. Так что оставь его. Живой, он хоть чего-то да стоит. Мертвый не будет стоить ни гроша, и выйдет, что мы только зря потратились.

Ханно потыкал меня ногой – нельзя сказать чтобы особенно бережно.

– Сейчас он, похоже, и так многого не стоит. Ты когда-нибудь видел такого дохляка? Брюхо нежное, как у девчонки. Как ты думаешь, он сможет идти?

– Сейчас узнаем, – сказал Маррик и встряхнул меня. – Эй, парень, вставай!

Я застонал, медленно повернулся и показал им свое лицо – достаточно зеленое, как я надеялся.

– В чем дело? Уже приехали? – спросил я по-валлийски.

– Приехали. Давай поднимайся. Мы идем на берег.

Я застонал снова, еще жалостнее, и схватился за живот.

– О господи! Нет! Оставьте меня в покое!

– Ведро воды на голову, – предложил Ханно.

Маррик выпрямился.

– Некогда. – Он снова говорил по-бретонски. – Похоже, его придется тащить. Не стоит с ним возиться. Нам надо попасть к графу. Не забывай, сегодня ночь собрания. Он уже знает, что корабль в гавани, и захочет видеть нас перед тем, как уходить. Лучше доложить ему, а то могут быть неприятности. Оставим мальчишку пока что здесь. Можно его запереть и сказать часовому, чтобы присматривал за ним. Мы вернемся еще до полуночи.

– То есть ты вернешься, – кисло заметил Ханно. – У меня-то ведь дело, которое ждать не будет, ты же знаешь.

– Амброзий тоже ждать не будет. Так что если хочешь получить свои денежки, тебе стоит поторопиться. Разгрузка уже наполовину закончилась. Кто там на страже?

Ханно что-то ответил, но скрип тяжелой двери, закрывавшейся за ними, и грохот задвигаемого засова заглушили его слова. Я услышал, как засов закрепили клиньями, потом их шаги и голоса потерялись в шуме разгрузки, от которой трясся весь корабль: визг лебедок, крики людей над головой и в нескольких ярдах в стороне, на берегу, шипение и скрип канатов, грохот туюков и ящичков, швыряемых на причал.

Я отбросил одеяла и сел. Теперь, когда эта ужасная болтанка прекратилась и я снова мог твердо стоять на ногах, я чувствовал себя вполне прилично. Я ощущал себя каким-то пустым, легким и очищенным изнутри, и это давало мне странное чувство удовлетворения – непривычное, слегка нереальное ощущение, какое испытываешь, когда летаешь во сне. Я сел на корточки и огляделся.

На причале висели фонари, при свете которых работали грузчики, и свет фонарей вливался через маленькую квадратную отдушину. Я увидел рядом с собой все тот же широкогорлый кувшин и новую краюху ячменного хлеба. Я вытащил из кувшина затычку и осторожно попробовал воду. Она пахла плесенью и тряпкой, но пить ее было можно; с ее помощью я избавился от металлического привкуса во рту. Хлеб оказался твердым как камень, но я размочил его в воде, и наконец мне удалось отломить кусочек. Потом я встал, чтобы выглянуть в отдушину.

Для этого мне пришлось уцепиться за подоконник и подтянуться на руках. Ногой я уперся в одну из распорок, шедших вдоль переборки. Судя по форме моей тюрьмы, я догадывался, что она расположена на носу.

Теперь я убедился, что так оно и есть. Корабль был причален бортом к каменной пристани, где стояло два столба с фонарями, и при свете этих фонарей человек двадцать солдат разгружали с корабля тюки и тяжелые ящики. За пристанью виднелись ряды прочных на вид строений – видимо, склады. Но похоже, сегодня груз собирались везти куда-то еще. За столбами стояли телеги, запряженные терпеливыми мулами. Люди на телегах были в форме, при оружии, и за разгрузкой надзирал командир. Корабль находился ближе всего к пристани, посередине, там, где был трап.

Передний причальный канат шел у меня над головой от перил к пристани, и нос отстоял от земли довольно далеко, так что между мною и берегом было футов пятнадцать воды. С этой стороны фонарей не было; канат уходил в спасительную темноту, за которой виднелись лишь еще более темные очертания построек. Но я решил, что надо подождать, пока не закончится разгрузка и телеги не уедут вместе с солдатами. Когда на корабле останется лишь часовой и, возможно, даже фонари погасят, тогда-то я и сбегу отсюда.

А выбраться с корабля надо непременно. Если я останусь здесь, мне придется надеяться лишь на добрую волю Маррика, а она, в свою очередь, зависит от исхода их беседы с Амброзием. А если Маррик по какой-то причине не сможет вернуться и придет один только Ханно...

К тому же я был голоден. Вода и каменная горбушка хлеба, размоченная в воде, пробудили во мне зверский аппетит, и мысль, что придется ждать еще несколько часов, прежде чем кто-нибудь вернется за мной, была просто невыносима, даже если забыть о том, чем могло мне грозить возвращение моих похитителей. И даже в лучшем случае, если Амброзий действительно придет за мной, на что я могу рассчитывать после того, как он вытянет из меня все, что хочет знать? Мне, конечно, удалось пустить пыль в глаза его шпионам, но ведь на самом-то деле сведения мои были весьма скудными. А как заложник я бесполезен. Даже Ханно об этом догадался, а уж Амброзий будет знать это наверняка. Мое полукоролевское происхождение могло произвести впечатление на Ханно с Марриком, но вряд ли внук союзника Вортигерна и племянник союзника Вортимера может пробудить симпатию у Амброзия. В лучшем случае мне светит рабство, а в худшем – бесславная смерть.

И я не собирался дожидаться ни того ни другого. Ведь отдушина была открыта, а над моей головой к причальной тумбе на берегу тянулся слегка провисший канат. Видимо, шпионам не приходилось прежде иметь дела с пленниками такого роста, как я, потому что они даже не подумали об отдушине. Ни один взрослый мужчина, даже тощий Ханно, в нее бы не протиснулся. Но мальчишка пролезть мог. К тому же, даже если это и пришло им в голову, они подумали, что берег довольно далеко, а плавать я не умею. А про канат забыли. Но я осмотрел его, осторожно высунувшись из отдушины, и решил, что канат меня выдержит. Если по нему ползают крысы – один здоровенный крысук, разжиревший на объедках, пробежал по канату у меня на глазах, – то и я проползу.

Но надо подождать. А пока... Снаружи холодно, а я голый. Я опустил на пол и принялся разыскивать свои вещи.

Свет от фонарей был слабым, но этого хватило. Я хорошо видел свою маленькую темницу: в углу – одеяла на куче старых мешков, служивших мне постелью; у переборки – покоробленный и растрескавшийся матросский сундук; куча ржавых цепей, таких тяжелых, что я не смог бы даже приподнять их; кувшин с водой, и в дальнем углу, то есть в двух шагах, вонючее ведро, до половины наполненное блевотиной. И больше ничего. Возможно, Маррик стащил с меня мокрую одежду по доброте душевной, но забыл ее вернуть, или они нарочно спрятали ее, именно затем, чтобы я не сбежал.

На то, чтобы обыскать сундук, хватило пяти секунд. Там не было ничего, кроме табличек для письма, бронзовой чашки и кожаных ремешков от сандалий. «Ну что ж, – подумал я, аккуратно опуская крышку, – по крайней мере, сандалии они мне оставили». Не то чтобы я не

привык ходить босиком, но зимой, по дороге... Так или иначе, надо было бежать. Предосторожности Маррика убедили меня в этом еще больше.

Что мне делать, куда деваться – я не имел ни малейшего понятия. Но Бог вырвал меня из рук Камлаха и переправил через Узкое море, и я верил своей судьбе. Я рассчитывал подобраться к Амброзию и разузнать, что он за человек, а вот тогда, если решу, что у него можно найти покровительство или хотя бы милосердие, я приду к нему, расскажу о себе и предложу свои услуги. Мне даже не пришло в голову, что несколько нелепо ожидать, что принц возьмет к себе в свиту двенадцатилетнего мальчишку. Ну а если с Амброзием ничего не выйдет... Помнится, у меня были туманные идеи насчет того, чтобы попробовать пробраться в деревню к северу от Керрека, откуда была родом Моравик, и разыскать ее родичей.

Мешки, на которых я лежал, были старые и полугнилые. И я легко разорвал один из них по швам, так, чтобы просунуть руки и голову. Одевание вышло неопишемое, но оно все же хоть как-то защищало от холода. Я разодрал второй мешок и накинул его на голову. Третий был бы уже лишним. Я с тоской ощупал одеяла, но одеяла были добротные, новые, слишком толстые, чтобы их разорвать, а выбраться с корабля с одеялом под мышкой нечего было и думать. Поэтому я вздохнул и оставил их. Из пары кожаных шнурков вышел пояс. Я запихнул то, что осталось от краяхи, себе за пазуху, умылся остатками воды, потом снова подошел к отдушине, подтянулся и выглянул наружу.

Одеваясь, я слышал крики и топот, словно люди строились в колонну.

Теперь я увидел, что так оно и было. Солдаты с телегами уходили. Последняя, тяжело нагруженная, как раз со скрипом проезжала мимо строений, и возчик щелкал кнутом над спинами мулов. Слышался топот марширующих ног. Интересно, что они везут? Зерну сейчас не сезон; должно быть, железо или руду. Не зря его разгружали солдаты и в город везут под конвоем. Топот и скрип телег затих вдали. Я осторожно огляделся. Фонари по-прежнему висели на столбах, но причал, насколько я мог видеть, был пуст. Пора выбираться отсюда, а то вдруг часовому придет в голову взглянуть на пленника!

Для шустрого, подвижного мальчишки это было легко. Скоро я уже свисал из отдушины – тело снаружи, ноги изнутри упираются в распорку – и тянулся к канату. Был один неприятный момент, когда я обнаружил, что не достаю до каната, и для того, чтобы дотянуться до него, придется встать и как-то зацепиться за корпус корабля, повиснув над черной бездной между бортом и причалом, в которой плескалась маслянистая вода, облизывая каменную набережную. Но мне все же удалось сделать это. Я цеплялся за обшивку, словно крыса, выбирающаяся на берег, и наконец вытянулся и ухватился за канат. Канат был толстый и сухой, и шел вниз, к причальной тумбе на пристани. Я взялся за него обеими руками, развернувшись лицом к берегу, потом вытащил ноги из отдушины и кинул их на канат.

Я собирался потихоньку спуститься, перебирая руками по канату, и незаметно скрыться в тени. Но я никогда раньше не имел дела с кораблями и не знал, как легко сдвинуть с места такое маленькое суденышко. Когда я повис на веревке, моего малого веса оказалось достаточно, чтобы корабль резко дернулся к причалу. Натяжение ослабло, канат провис под моим весом, и я рухнул вниз. Только что я, как мартышка, висел на горизонтально натянутом канате – и вдруг он сделался вертикальным. Мои ноги соскользнули с веревки, руки мои были слишком слабы, чтобы выдержать мой вес, – и я заскользил вниз вдоль борта, словно бусина по нитке.

Если бы корабль двигался медленнее, меня бы просто-напросто раздавило в лепешку между бортом и набережной либо я ушел бы под воду, достигнув конца веревки. Но корабль рванулся к берегу, словно испуганный конь. Когда он ударился о пристань, я все еще был выше ее. От удара я выпустил из рук веревку и полетел вперед. Я едва не врезался в тумбу и неуклюже плюхнулся на закаменевшую от мороза землю в тени стены склада.

Глава 2

Соображать, цел ли я, было некогда. Я уже слышал шлепанье босых ног по палубе – это часовой выбежал поглядеть, что случилось. Я покатился по земле, тут же вскочил на ноги и бросился бежать, прежде чем над бортом показался прыгающий огонек его фонаря. Я слышал, как часовой что-то крикнул, но я уже свернул за угол и был уверен, что он не заметил меня. Даже если и заметил, все равно мне ничего не грозит. Он сперва спустится вниз, проверить запоры, и даже если обнаружит, что меня нет, вряд ли решится оставить корабль. Поэтому я на несколько секунд остановился и прислонился к стене, зализывая ободранные канатом ладони и выжидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Поскольку в трюме и так было почти темно, много времени это не заняло. Я быстро огляделся, чтобы понять, где я нахожусь.

Строение, за которым я прятался, было последним в ряду, а за ним, на противоположной стороне от пристани, шла дорога, прямая лента, мощенная щебнем, уводившая к россыпи огней вдалеке. Это, несомненно, город. Ближе, там, где дорога скрывалась во тьме, виднелся еще один огонек, тусклый и мечущийся из стороны в сторону. Это, должно быть, фонарь на последней телеге. Вокруг все было тихо.

Если телеги сопровождает такой конвой, значит груз почти наверняка принадлежит Амброзию и едут они к нему. Я понятия не имел, удастся ли мне добраться до него – или хотя бы пробраться в город либо в деревню, или что у них там; но сейчас все, что мне было нужно, – это найти что-нибудь поесть и теплое укрытие, куда можно забраться и переждать до утра. Когда я разберусь, где нахожусь, Бог, наверное, поведет меня и дальше.

Но ему придется позаботиться еще и о моем пропитании. Поначалу я рассчитывал продать одну из своих фибул и на эти деньги жить, но теперь, думал я, вприпрыжку догоняя обоз, мне, видимо, придется воровать. На самый худой конец, у меня пока еще оставалась горбушка ржаного хлеба. Найти бы место, где укрыться до света... Если Амброзий сейчас действительно собирается на какое-то «собрание», как говорил Маррик, было бы крайней глупостью пытаться разыскать его сейчас и требовать встречи с ним. Я, конечно, был преисполнен сознания собственной значимости и все же не питал иллюзий насчет того, как обойдутся со мной солдаты Амброзия, если я заявлюсь туда в его отсутствие в таком виде. Дожить бы до утра, а там видно будет.

Было холодно. Из рта у меня вырывались клубы пара. Луны не было, но звезды горели над головой, словно волчьи глаза. На камнях мостовой блеснул иней; иней похрустывал впереди, под копытами и колесами. Ветра не было, и я согрелся, пока бежал, но к обозу приблизиться я не посмел, а телеги ехали медленно, поэтому время от времени мне приходилось задерживаться и выжидать, и тогда мороз пробирался под рваные мешки, я дрожал и обнимал себя за плечи, пытаясь согреться.

По счастью, там было где укрыться: вдоль дороги рос кустарник. Кусты клонились все в одну сторону, сторбленные под ветром, вечно дующим с моря, словно тянулись за ним замерзшими пальцами. Над кустарниками возвышались огромные стоячие камни, темнеющие на фоне звездного неба. Увидев первый из них, я решил, что это огромный верстовой столб, но потом заметил и другие – целые ряды камней, торчащие из земли, как аллеи деревьев, спаленных молнией. Или как колоннады, где бродили боги – но не те боги, которых я знал. Звездный свет упал на грань камня, рядом с которым я остановился переждать, и мне бросилось в глаза какое-то изображение. Грубо высеченное в граните, в этом холодном свете оно казалось черным, как пятно сажи. Секира. О двух лезвиях. Стоячие камни уходили во тьму, словно ряды великанов. Обломок сухого стебля уколол мою голую ногу. Я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на секиру. Секира исчезла.

Я снова выбежал на дорогу, стиснув зубы, чтобы не дрожать.

Конечно, я дрожал от холода, но не только. Телеги были уже далеко, и я побежал за ними, держась полоски травы на обочине, хотя земля была почти такой же каменной, как щебень. Иней скрипел под моими сандалиями. Позади меня осталось безмолвное воинство камней, уходящих во тьму, а впереди были огни города и теплые дома, двигавшиеся мне навстречу. Наверное, впервые в своей жизни я, Мерлин, бежал к свету и людям, бежал от одиночества, словно оно было полно волчьих глаз, что гонят человека поближе к огню.

Город был обнесен стеной. Ну еще бы, так близко от моря! Высокий земляной вал, а наверху частокол. Перед валом был еще широкий ров, затянутый белым ледком. Лед был разбит, так что он бы меня не выдержал; я видел отражавшиеся в воде звезды и паутину черных трещин по белому стеклу. Трещины тоже начинали затягиваться тоненьким льдом.

Через ров к воротам вел деревянный мост. Перед мостом телеги остановились, и командир выехал вперед поговорить со стражниками. Солдаты стояли, как каменные, а мулы перминались с ноги на ногу, звеня удилами: чуяли впереди теплое стойло.

Если я и надеялся забраться в последнюю телегу и таким образом проехать в город, то эту мысль пришлось оставить. Всю дорогу солдаты шли, растянувшись цепью по обе стороны, а командир ехал рядом, так чтобы видеть весь обоз. Теперь же, отдав приказ двигаться вперед и сбить шаг на мосту, офицер развернул коня и пристроился в хвост колонны, за последней телегой.

Я мельком разглядел его лицо – человек средних лет, в дурном настроении, посиневший от холода. Нет, вряд ли у него хватит терпения меня выслушать. Скорее всего, он вообще не станет слушать.

Безопаснее будет остаться здесь, под звездами, среди шагающих великанов.

Обоз прошел. Ворота захлопнулись. Я услышал, как скрипнул засов.

Вдоль рва на восток вела тонкая, едва приметная тропка. Взглянув в ту сторону, я увидел вдалеке еще огоньки – достаточно далеко, чтобы это могла быть какая-нибудь ферма или же поселение за пределами городской стены.

Я рысцой побежал по тропинке, грызя на бегу свою горбушку.

Огни горели во внушительных размеров доме, выстроенном квадратом, так что двор был внутри. Сам дом, высотой в два этажа, составлял одну из стен двора. Другие три стены состояли из одноэтажных строений: бани, помещения для слуг, конюшни, хлев, пекарня. Все с высокими стенами и узкими окнами, до которых мне было не добраться. Внутрь вели ворота под аркой, и у ворот в стену на высоте человеческого роста была вбита скоба, в которой шипел и чадил отсыревший факел. Во дворе тоже горели огни, но не было слышно ни движения, ни голосов. Ворота, разумеется, были крепко-накрепко заперты.

Впрочем, туда бы я сунуться все равно не решился. Привратник бы меня точно пришиб. Я пошел вдоль стены, надеясь отыскать место, где можно пробраться внутрь. Третье окно принадлежало пекарне. Хлеб пекли давно, много часов назад, но я все равно забрался бы туда ради одного запаха, если бы окно не было узкой щелью, в которую даже мне было не пролезть.

Дальше – конюшня, за ней – хлев... Я чувствовал запахи лошадиного и коровьего навоза, аромат сена... Дальше был дом. В доме вообще не было ни одного окна, выходящего на улицу. В бане тоже. А потом я снова вышел к воротам.

Внезапно зазвенела цепь, и за воротами, всего в нескольких футах от меня, колокольным басом загавкал большой пес. Я, помнится, отскочил назад на добрый шаг и распластался по стене. Я услышал, как где-то рядом отворилась дверь и кто-то вышел. Лай перешел в рычание. Человек прислушался, потом что-то коротко сказал псу, и дверь захлопнулась. Пес поворчал, высунув нос из-под ворот и принюхиваясь, потом, волоча цепь, удалился в конуру и улегся, шурша соломой.

Нет, здесь мне убежища не найти. Я постоял, прижавшись спиной к холодной стене – она казалась все же теплее ледяного воздуха – и пытаюсь сообразить, что делать. Теперь я так трясся от холода, что мне казалось, будто у меня стучат все кости. Я был уверен, что поступил правильно, сбежав с корабля, и потом тоже был прав, не попытавшись довериться солдатам, но теперь я размышлял, не стоит ли рискнуть постучать в ворота и попроситься на ночлег. Конечно, скорее всего меня вытурят как бродягу, но если я останусь на улице на всю ночь, к утру я могу замерзнуть насмерть!

И тут я увидел за пределами круга света, отбрасываемого факелом, темное строение – должно быть, загон для скота. Строение стояло шагах в двадцати, на краю поля, огороженного невысокой насыпью, поросшей колючим кустарником. Я услышал, как ворочается ночующая там скотина. По крайней мере, с коровами будет теплее, а если зубы перестанут стучать, я смогу съесть свой хлеб.

Я оторвался от стены. Я мог поклясться, что двигался совершенно бесшумно, но пес снова вылетел из своей конуры, гремя цепью, и опять поднял адский лай. На этот раз дверь распахнулась тотчас же, и я услышал во дворе шаги. Человек шел к воротам. Я услышал скрежет металла, – видимо, он вынул оружие. Я было бросился бежать, но тут услышал то, что пес услышал раньше меня. В морозном воздухе издалека слышался звонкий стук копыт. Кто-то едет. Галопом. В эту сторону.

Я тенью пронесся к загону. На поле вел проход в насыпи, перегороженный большим суком боярышника. Я протиснулся в проход, потом, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить скотину, подкрался к двери загона и присел так, чтобы меня не было видно от ворот.

Это оказался маленький, выстроенный на скорую руку хлев. Стены были высотой всего лишь в человеческий рост, крыша крыта соломой, и внутри было полно скотины – в основном молодые бычки. Они стояли так тесно, что лечь им было некуда, но, похоже, они вполне довольствовались тем, что здесь тепло, и потихоньку жевали сено. Дверь была загорожена неструганой доской. Снаружи простиралось пустынное поле, освещенное звездным светом, седое от инея, огороженное насыпью, поросшей все тем же жалким корявым кустарником. В центре поля высился стоячий камень.

Я услышал, как человек за воротами приказал псу замолчать. Топот приближался, копыта звенели по тропе, которую мороз превратил в железо, и внезапно всадник вынырнул из темноты и осадил коня у самых ворот. Подковы заскрежетали по камню, взметнулся вихрь земли и щебня, конь с размаху ударил копытами в ворота. Человек внутри что-то крикнул – спросил, – и всадник, спрыгивая наземь, ответил:

– Конечно я! Открывай, что ли!

Я услышал скрип открываемой двери, потом мужчины о чем-то переговорили, но я не мог разобрать ничего, кроме отдельных слов. Судя по тому, что свет переместился, привратник (или кто он там был) снял факел со скобы. Более того, я увидел, что свет движется в мою сторону. Мужчины шли к хлеву, ведя за собой лошадь.

Я услышал, как приехавший нетерпеливо сказал:

– Да, конечно, он может переночевать здесь. К тому же мне это пригодится: быстрее смогу уехать. Корм там есть?

– Да, господин. Я поставил туда бычков, чтобы освободить стойла для лошадей.

– Что, так много народу?

Голос молодой, звонкий, чуть хриловатый, но это, наверно, от мороза и надменности. Голос знатного, уверенного в себе человека, тон такой же небрежный, как его верховая езда, – ведь конь едва не сел под ним сейчас, у ворот!

– Да, немало, – ответил привратник. – Вот сюда, господин, в этот проход. Разрешите, я тебе посвечу...

– И так видно! – с раздражением ответил молодой человек. – Не суй факел мне в лицо! Тише, ты! – Это его конь споткнулся о камень.

– Лучше пусти меня вперед, господин. Тут проход суком загорожен, чтобы бычки не разбежались. Погоди немного, я его сейчас уберу.

Я уже давно отскочил от двери и спрятался в углу, между грубой стеной и насыпью. Здесь была навалена куча торфа, хвороста и сухого папоротника, видимо служившего подстилкой для скота. За ней-то я и притаился.

Я услышал, как привратник поднял сук и отбросил его в сторону.

– Вот, господин. Веди его сюда. Места маловато, но если ты уверен, что непременно нужно оставить его здесь...

– Я же сказал, сойдет! Убери доску и поставь его внутрь. Да побыстрее, ты, я же опаздываю!

– Оставь его, господин. Я его расседлаю.

– Нет нужды. Пару часов обойдется и так. Просто ослабь подпругу. Накрою-ка я его плащом. Боги, как же холодно... Сними с него уздечку, ладно? А я пошел.

Он зашагал прочь, звеня шпорами. Я услышал, как привратник положил на место доску, потом сук и поспешил вслед за молодым человеком. До меня еще донеслось что-то вроде: «Ипусти меня с черного хода, так чтобы отец не увидел».

Ворота закрылись. Снова загремела цепь, но на этот раз пес молчал.

Шаги во дворе, потом дверь дома скрипнула и закрылась за ними.

Глава 3

Я не рискнул перебраться через насыпь и бежать к воротам, бросив вызов свету факела и собаке. Но в этом и не было нужды. Бог сделал свое дело: он послал мне тепло и, как я обнаружил, еду.

Едва ворота успели закрыться, как я бросился в хлев. Шепотом успокаивая коня, я стянул с него плащ. Он не очень вспотел – должно быть, проскакал не больше мили. А здесь, в тесном хлеву, тепло, так что простудиться он не должен. В любом случае своя рубашка ближе к телу, а плащ был мне нужен позарез. Плащ был командирский – толстый, мягкий, добротный. Сняв его с лошади, я, к великой своей радости, обнаружил, что молодой господин оставил мне не только плащ, но и полную седельную сумку. Я поднялся на цыпочки и принялся рыться внутри.

Кожаная фляжка. Я встряхнул ее. Почти полная. Наверняка вино – станет такой человек возить с собой воду! Узелок с печеньем, изюм и несколько полосок сушеного мяса.

Бычки толкались, дышали паром и тыкались в меня слюнявыми мордами.

Край длинного плаща упал в грязь под копыта. Я подобрал его, прижал к себе фляжку и еду и вынырнул из хлева. Сухой папоротник в углу между стеной и насыпью оказался чистым. Впрочем, мне было бы все равно, будь это даже навозная куча. Я зарылся в папоротник, плотнее закутался в теплый плащ и добросовестно съел и выпил все, что послал мне бог.

* * *

Как бы то ни было, спать мне нельзя ни в коем случае. Похоже, молодой человек приехал всего на пару часов, но за это время, да еще поев, я успею как следует согреться, так что спокойно переночую здесь до утра. Я успею услышать, как они выходят из дома, проберусь внутрь и снова накрою коня плащом. Вряд ли молодой господин сразу заметит, что его походный паек исчез.

Я отхлебнул еще вина. Удивительно, насколько вкуснее кажется с вином даже этот черствый ячменный хлеб! Вино было хорошее, крепкое и сладкое, с привкусом изюма. Оно теп-

лом разбежалось по жилам. Застывшее тело размякло, оттаяло и наконец перестало трястись. Я уютно свернулся калачиком в своем темном гнездышке, зарывшись в папоротник, чтобы укрыться от холода.

* * *

Наверно, я все-таки уснул. Понятия не имею, что меня разбудило: я не слышал ни звука. Даже бычки в хлеву стояли тихо.

Ночь, казалось, стала темнее, так что я решил, что, должно быть, уже гаснут звезды и близко рассвет. Но, раздвинув папоротник и высунувшись наружу, я увидел, что звезды по-прежнему горят белыми огоньками в черном небе.

Как ни странно, вроде бы потеплело. Поднявшийся ветер принес с собой рваные облака, и они мчались по небу, временами закрывая звезды, так что по седым от инея полям пробежали волны света и тени и засохший бурьян и травы, казалось, струились, как вода или как пшеничное поле под ветром. Однако шума ветра слышно не было.

А над летящими по небу облаками по-прежнему ярко сияли звезды, усеивавшие черный купол. Тепло и то, как я лежал, свернувшись в темноте, напомнили мне о Галапасе и о хрустальном гроте, где я вот так же лежал калачиком и смотрел на свет. И россыпь ярких звезд над головой была похожа на потолок грота, усеянный кристаллами, отражающими свет; они точно так же вспыхивали и гасли, как кристаллы, играющие в пляшущем пламени. Там были алые и сапфировые искры, а прямо надо мной горела ровным светом одинокая золотая звезда. Потом по небу пронеслась *еще* одна тень, гонимая бесшумным ветром, и снова вспыхнул свет, и ветви боярышника затрепетали на ветру, и я увидел тень стоячего камня.

Должно быть, я слишком глубоко зарылся в хворост, оттого и не слышал шума ветра в траве и ветвях. Не услышал я и шагов молодого человека, ни того, как он отодвинул сук, брошенный на место привратником. Я просто внезапно увидел его перед собой. Он шагал через поле – высокая темная фигура, такая же безмолвная, как ветер.

Я сжался, как улитка в своей раковине. Теперь уже поздно возвращать на место плащ! Вся надежда на то, что молодой господин решит, что вор сбежал, и не станет искать меня. Но он даже не подошел к хлеву, а шагал через поле, удаляясь от меня. И тут я увидел, что посреди поля, полускрытое тенью стоячего камня, пасется белое животное. Должно быть, его конь сорвался с привязи. Одним богам известно, что он там нашел, в этом зимнем поле, но я видел, как белое животное щиплет траву рядом со стоячим камнем. Отсюда конь казался призрачным. Должно быть, порванная узда свалилась с него, и седло тоже исчезло...

Ну вот, по крайней мере, пока молодой человек будет ловить коня, я успею убраться... А то, еще лучше, брошу плащ рядом с хлевом, как будто он упал со спины лошади, снова заруюсь в папоротник и подожду, пока он уедет. Он подумает, что во всем виноват привратник. И правильно: я загородку не трогал. Я осторожно приподнялся, выбирая удобный момент...

Пасущееся животное услышало шаги и подняло голову. По небу, заслоняя звезды, пронеслось еще одно облако. По полю пробежало пятно тени – и снова стало светло. Стоячий камень озарился звездным светом. И я увидел, что ошибся: это был не конь. И не бычок из тех, что стояли в хлеву. Это был бык, массивный белый бык, взрослый, матерый, с царственными рогами и шеей, подобной грозовой туче. Он опустил голову так, что подгрудок коснулся земли, и копнул копытом землю – раз, другой...

Молодой человек остановился. Теперь, когда облако уплыло, я ясно видел его: высокий, крепкий, волосы в звездном свете кажутся совсем седыми. На нем были какие-то иноземные штаны, перевязанные ремнями, а поверх – короткая туника, подпоясанная низко, на бедрах, и высокая шапка. Светлые волосы, видневшиеся под шапкой, окружали его лицо подобно лучам.

В руке он нес небрежно скрученную веревку; конец веревки волочился по заиндевевшей земле. Плащ развевался на ветру – короткий темный плащ, цвета в темноте было не разобрать.

Плащ? Стало быть, это не мой молодой господин. И к тому же зачем бы этому надменному молодому офицеру ловить среди ночи отбившегося от стада быка?

Белый бык вдруг бросился на него, внезапно и беззвучно. Пятна света и тени рванулись вслед за ним, смазывая и размывая сцену. Взлетела и упала веревка с петлей на конце. Человек отскочил в сторону.

Зверь пронесся мимо и остановился – веревка натянулась и удержала его.

Иней искристой пылью взметнулся из-под поскользнувшихся копыт.

Бык развернулся и снова ринулся на человека. Тот ждал его, не двигаясь с места, слегка расставив ноги в небрежной, почти что пренебрежительной позе. Когда бык приблизился к нему, он, казалось, качнулся в сторону – легко, словно танцор. Бык пролетел вплотную к нему – я видел, как он рогом разодрал развевающийся плащ и коснулся плечом бедра человека, словно любовница, ищущая ласки. Человек взмахнул руками. Вербка свернулась кольцом – и новая петля легла на царственные рога. Человек натянул веревку, и зверь снова остановился и развернулся на бегу, подняв в воздух кристаллики инея, – и тогда человек прыгнул!

Нет, не в сторону. Он вспрыгнул на быка, оседлал мощную шею, вонзив колени в загривок, и натянул веревку, точно поводья.

Бык остановился как вкопанный, расставив ноги и опустив голову, натягивая веревку всей своей силой, всем весом. До меня по-прежнему не долетало ни звука: ни топота копыт, ни скрипа веревки, ни рева, ни сопения... Я наполовину вылез из кучи папоротника, вытянулся и застыл, забыв обо всем на свете, кроме этого поединка человека с быком.

Новое облако опять накрыло поле тьмой. Я вскочил на ноги. Кажется, я хотел схватить доску, которой был загорожен вход в хлев, и бежать к нему через поле, чтобы хоть как-то помочь... Но не успел я сделать и шага, как облако ушло и я увидел, что бык стоит на том же месте и человек так же сидит у него на шее. Но теперь голова быка медленно поднималась вверх. Человек бросил веревку, ухватил быка за рога и медленно тянул их назад, назад и вверх... Медленно, словно в некоем обряде укрощения, бык запрокидывал голову, вытягивая и подставляя мощную шею.

В правой руке мужчины что-то блеснуло. Он наклонился вперед и полоснул ножом поперек шеи.

Медленно, безмолвно бык повалился на колени. Черная кровь хлынула на белую кожу, на белую землю, на белое основание камня...

Я выскочил из своего укрытия и бросился к ним через поле, что-то крича на бегу. Что кричал – понятия не имею.

Не знаю, что я собирался сделать. Человек увидел меня и повернул голову, и я понял, что моя помощь ему не нужна. Он улыбался, но лицо его, озаренное лунным светом, казалось удивительно гладким, нечеловечески спокойным и бесстрастным. Я не видел ни следа волнения или напряжения. И глаза его были холодными и темными, без тени улыбки.

Я споткнулся на бегу, попытался остановиться, запутался в длинном плаще и упал, подкатившись ему под ноги беспомощным, нелепым клубком, как раз в тот миг, когда белый бык медленно завалился на бок и рухнул наземь. Я ударился обо что-то головой, услышал пронзительный детский вскрик – мой собственный – и провалился во тьму.

Глава 4

Кто-то еще раз сильно пнул меня в ребра. Я застонал и перекатился на бок, пытаюсь уйти от удара, но плащ мешал. Кто-то сунул мне в самое лицо чадающий факел. Знакомый молодой голос воскликнул:

– Клянусь богом, это же мой плащ! Хватай его, ты! Да поживее! Будь я проклят, если дотронусь до него. Он весь грязный!

Вокруг меня толпились люди, иней скрипел под множеством ног, горели факелы, звучали любопытные, или рассерженные, или безразличные голоса. Кое-кто был верхом – их кони гарцевали за спинами стоящих, фыркая и переминаясь с ноги на ногу: лошадям было холодно.

Я съежился и взглянул вверх. Голова болела, и перед глазами все плыло, казалось нереальным, обрывчатым, словно явь и сон смешались и перепутались нарочно, чтобы сбить меня с толку. Огонь, голоса, качающийся корабль, падающий белый бык...

Кто-то сдернул с меня плащ. Вместе с плащом оторвался кусок гнилой мешковины, и один мой бок обнажился до пояса. Чья-то рука схватила меня за запястье, вздернула и поставила на ноги. Другая рука грубо схватила меня за волосы и заставила поднять голову, так чтобы стоящий передо мной человек мог видеть мое лицо. Он был высок, молод, светло-русые волосы отливали рыжиной в свете факела, и подбородок его был украшен изящной бородкой. Он гневно смотрел на меня своими голубыми глазами. Несмотря на холод, плаща на нем не было. В левой руке он держал кнут.

Он оглядел меня с головы до ног и с отвращением фыркнул:

– Бродяжка! Вонючий попрошайка! Плащ, видно, придется сжечь. Я с тебя за это шкуру спущу, ты, грязный щенок! Уж не собирался ли ты украсть еще и моего коня?

– Нет, господин. Я взял только плащ, клянусь тебе! Я потом положил бы его на место, честное слово!

– И фибулу тоже?

– Какую фибулу?

Тот, что держал меня, сказал:

– Твоя фибула в плаще, господин.

– Я взял его только на время, чтобы согреться! – поспешно сказал я. – Было очень холодно, и я...

– И ты содрал плащ с моего коня, чтобы он простудился? Так?

– Я подумал, что ему ничего не сделается, господин. В хлеву было тепло. А потом я же собирался вернуть его, честное слово!

– Чтобы я носил его после тебя, вонючий крысеныш? Голову бы тебе оторвать!

Кто-то – один из всадников – сказал:

– Да брось ты! Всего-то и горя, что плащ придется отдать прачке!

– Несчастный парень полуголый, а холод такой, что и саламандра замерзнет.

– Отпусти его!

– Ну нет, – процедил сквозь зубы молодой офицер, – по крайней мере, я согреюсь тем, что взгрею его! Куда! Держи его крепче, Кадаль!

Взметнулся кнут. Я попытался вырваться, но человек, державший меня, крепче стиснул руки. Однако, прежде чем кнут успел опуститься, кто-то шагнул в круг света, и его рука мягко коснулась запястья молодого офицера.

– В чем дело? – спросил подошедший.

Все умолкли как по команде. Молодой командир уронил руку с кнутом и обернулся.

Хватка того, кто меня держал, ослабла, и мне удалось вывернуться.

Можно было бы проскользнуть между людьми и конями и броситься наутек – хотя всадник, наверно, догнал бы меня в мгновение ока. Но я не попытался бежать, а смотрел во все глаза.

Пришедший был высок – на полголовы выше моего офицера. Он стоял между мной и факелами, и я не видел его лица. Вокруг еще все плыло, пламя казалось ослепительно-ярким; голова у меня болела, и холод снова вцепился в меня, словно клыкастый зверь. Я видел лишь высокую темную фигуру, взирающую на меня сверху вниз, темные глаза на бесстрастном лице.

Я судорожно вздохнул:

– Так это был ты! Ты видел меня, да? Я бежал, чтобы помочь тебе, но только споткнулся и упал. Скажи ему, господин! Я правда собирался положить плащ на место, прежде чем он вернется. Пожалуйста, расскажи ему, как все было!

– О чем ты? Что я должен рассказать?

Я прищурился от яркого света.

– О том, что сейчас было. Это ведь... это ведь ты убил быка?

– Что-о?!

Вокруг и прежде было тихо, сейчас же наступила полная тишина.

Слышалось лишь дыхание столпившихся людей да пофыркивание лошадей.

– Какого быка? – резко спросил молодой командир.

– Белого быка, – сказал я. – Он перерезал ему глотку, и кровь хлынула потоком. Вот тогда-то я и испачкал твой плащ. Я хотел...

– Какого черта! Откуда ты знаешь про быка? Где ты был? Кто тебе наболтал об этом?

– Никто! – удивился я. – Я сам это видел. А это что, тайна? Наверно, я сначала заснул – я отяжелел от хлеба и вина...

– Клянусь Светом! – воскликнул молодой офицер.

Но теперь к нему присоединились другие: «Убить его, и все дела!..», «Он врет...», «Врет, чтобы спасти свою паршивую шкуру!..», «Должно быть, он подсматривал...».

Высокий человек ничего не сказал. Он не отрываясь смотрел на меня.

Во мне вдруг пробудился гнев, и я горячо выпалил ему в лицо:

– Я не шпион и не вор! Мне это все надоело! Что, по-вашему, я должен был замерзнуть насмерть, чтобы спасти лошадь?

Человек, стоявший у меня за спиной, схватил меня за локоть, но я стряхнул его руку жестом, который сделал бы честь и моему деду.

– И я не бродяга, господин! Я свободный человек и приехал, чтобы проситься на службу к Амброзию, если он захочет взять меня к себе. За этим я и приехал сюда с родины, а одежду... я потерял случайно! Я... быть может, еще молод, но я знаю многое, что может оказаться ему полезным, и говорю на пяти языках...

Мой голос сорвался. Кто-то издал неопределенный звук, похожий на сдавленный смешок. Я стиснул стучащие от холода зубы и продолжал с королевским видом:

– Я всего лишь прошу тебя, господин мой, предоставить мне кров на эту ночь и дать возможность встретиться завтра с Амброзием.

На этот раз молчание было настолько плотным, что его можно было резать ножом. Я услышал, как молодой офицер набрал воздуха, чтобы заговорить, но высокий поднял руку. Судя по тому, что все его слушались, он был здесь главным.

– Подождите. Это не просто дерзость. Взгляните на него! Подними факел повыше, Люций. Как твое имя?

– Мирддин, господин.

– Хорошо, Мирддин. Я выслушаю тебя, но говори внятно и постарайся быть краток. Я хочу, чтобы ты рассказал мне о быке. Начни сначала. Ты увидел, как мой брат ставил коня в тот хлев, и снял с коня плащ, чтобы согреться. Начинай отсюда.

– Хорошо, господин, – сказал я. – Я еще взял из сумки хлеб и вино...

– Из моей сумки?! – воскликнул молодой офицер.

– Да, господин. Я очень виноват, но я четыре дня почти ничего не ел...

– Оставим это! – сказал главный. – Продолжай.

– Я спрятался в куче сухого папоротника в углу за хлевом и, наверное, уснул. Когда я проснулся, то увидел быка – вон там, у стоячего камня. Он пасся совершенно бесшумно. Потом пришел ты с веревкой. Бык бросился на тебя, и ты заарканил его, а потом вскочил на него верхом, запрокинул ему голову и зарезал его. Было очень много крови. Я бросился на помощь.

Не знаю, что бы я мог сделать, но я все же побежал. А потом запутался в плаще и упал. Вот и все.

Я умолк. Одна из лошадей стукнула копытом. Кто-то прокашлялся. Все молчали. Мне показалось, что Кададь, слуга, что держал меня, отодвинулся подальше.

– Возле стоячего камня? – спросил главный очень тихо.

– Да, господин.

Он обернулся. Мы стояли совсем рядом с камнем. Я видел его за плечами всадников. Его озаренная факелами вершина выделялась на фоне ночного неба.

– Расступитесь и покажите ему, – промолвил высокий.

Люди повиновались.

Камень был футах в тридцати от нас. У его подножия виднелась заиндевевшая трава, истоптанная сапогами и копытами, и больше ничего. Там, где рухнул наземь белый бык, заливая все вокруг черной кровью, хлещущей из раны, теперь не было ничего – лишь следы на заиндевевшей земле и тень стоячего камня.

Один из факельщиков поднял факел повыше, чтобы осветить камень.

Свет упал на того, кто расспрашивал меня, и я в первый раз увидел его как следует. Он был вовсе не так молод, как мне показалось: на его лице уже появились морщины, брови были нахмурены. Глаза у него были темные, а не голубые, как у его брата, и он был плотнее, чем мне показалось сначала. На запястьях и на шее у него блестело золото, тяжелый плащ ниспадал до пят.

– Это был не ты! – растерянно пробормотал я. – Прости... Теперь я понял – мне, наверное, приснилось. Никто не решился бы выйти на быка с одной веревкой и коротким ножом... и ни у одного человека не хватило бы сил задрать быку голову и перерезать ему горло... Это было одно из моих... это был сон. Теперь я вижу, что это был не ты. Я... я думал, что это ты, тот человек в шапке. Извини...

Люди снова заговорили, но на этот раз уже не угрожающе. Молодой офицер спросил совсем другим тоном, чем прежде:

– И каков же он был из себя, этот «человек в шапке»?

– Не надо об этом, – быстро сказал его брат. – Не сейчас.

Он взял меня за подбородок и заглянул мне в лицо.

– Ты говоришь, тебя зовут Мирддин? Откуда ты?

– Из Уэльса, господин.

– Ага. Так это ты тот мальчик, которого привезли из Маридунума?

– Да. Ты знаешь обо мне? О-о!

Я, должно быть, слегка одурел от холода и всего прочего и только теперь понял то, о чем должен был догадаться гораздо раньше.

Я трепетал, словно нервный пони, от холода и от странного чувства возбуждения, смешанного со страхом.

– Ты, должно быть, сам граф! Сам Амброзий.

Он не дал себе труда ответить.

– Сколько тебе лет?

– Двенадцать, господин.

– И кто же ты такой, Мирддин, что предлагаешь мне свою службу? Я мог бы зарубить тебя здесь и сейчас и позволить этим благородным господам удалиться с холода. Что можешь ты мне предложить, чтобы я этого не сделал?

– Кто я такой, господин, – это не имеет значения. Я – внук короля Южного Уэльса, но он мертв. Королем теперь стал мой дядя Камлах, но он хочет моей смерти. Так что я даже не гожусь в заложники. Важно не то, кто я такой, а то, что я собой представляю. Мне есть что предложить тебе, господин мой! И ты убедишься в этом, если позволишь мне дожить до утра.

– Ах да, конечно. Ценные сведения, пять языков и сны в придачу.

Эти слова звучали как насмешка, но он не смеялся.

– Внук короля, говоришь ты? И Камлах тебе не отец? И Дивед, похоже, тоже. Я и не знал, что у старика есть внуки – не считая, конечно, младенца, сына Камлаха. Судя по тому, что сказали мне мои шпионы, я думал, что ты побочный сын старого короля.

– Он иногда выдавал меня за своего бастарда – чтобы уберечь от позора мою мать. Но она не считала это позором, а ей лучше знать. Моей матерью была Ниниана, дочь старого короля.

– А! – Пауза. – Была?

– Она жива, – объяснил я, – но теперь ушла в монастырь Святого Петра. Она уже давно жила как монахиня, но только теперь, когда старый король умер, ей разрешили покинуть дворец.

– А твой отец?

– Она никогда не говорила о нем. Ни мне, ни кому другому. Люди говорят, что, возможно, это был сам Князь Тьмы.

Я ожидал обычной реакции: скрещенных пальцев, невольного взгляда через плечо... Амброзий не сделал ни того ни другого. Он рассмеялся:

– Ну, тогда не диво, что ты предлагаешь свои услуги королям и тебе являются боги под звездами!

Он развернулся, взметнув полы тяжелого плаща.

– Возьмите его к себе, кто-нибудь! Утер, отдай ему плащ, пока он не замерз насмерть!

– Неужто ты думал, что я надену этот плащ после него, будь он даже самым Князем Тьмы? – спросил Утер.

Амброзий рассмеялся:

– Если ты будешь гнать своего бедного коня так, как обычно, ты и без плаща не замерзнешь! А если твой плащ запятнан кровью Быка, так он тем более не для тебя, не так ли?

– Ты кощунствуешь!

– Я? – переспросил Амброзий с холодным, непроницаемым видом.

Его брат открыл было рот, передумал, пожал плечами и взлетел в седло своего серого жеребца.

Кто-то бросил мне плащ и, пока я возился непослушными руками, стараясь закутаться в него, подхватил меня на руки, спеленал, как младенца, и перебросил всаднику на гарцующей лошади.

Амброзий вскочил на крупного вороного.

– Вперед, господа!

Вороной рванулся вперед, и плащ Амброзия полетел за ним, словно крылья. Серый поскакал следом. Прочие всадники, растянувшись, помчались за ними по дорожке, ведущей к городу.

Глава 5

Штаб Амброзия был расположен в городе. Потом я узнал, что и сам город вырос вокруг лагеря, где Амброзий с братом года два назад начали собирать и обучать войско, которое столь долго было всего лишь мифической угрозой Вортигерну, а вот теперь, с помощью короля Будека и войск из половины Галлии, становилось реальностью. Будек был королем Малой Британии, кузеном Амброзия и Утера. Это он двадцать лет назад – Амброзию тогда было десять лет, а Утера еще не отняли от груди – принял к себе братьев, которые бежали за море, спасаясь от Вортигерна, убившего короля, их старшего брата. Замок Будека был буквально в нескольких шагах от лагеря, выстроенного Амброзием; вокруг этих двух укреплений и вырос город – пестрая россыпь домов, лавок и хижин, обнесенных валом и рвом в целях безопасности. Будек был

уже стар и назначил Амброзия своим наследником, даровав ему титул комеса, то есть графа, – и предводителя своего войска. Раньше предполагалось, что братья останутся в Малой Британии и удовольствуются тем, что будут править ею после кончины Будека; но теперь, когда Вортигерн мало-помалу выпускал из рук Великую Британию, к Амброзию хлынули деньги и люди, и уже ни для кого здесь не было тайной, что Амброзий намерен прибрать к рукам Южную и Западную Британию, в то время как Утер, в двадцать лет уже блестящий воин и полководец, должен был, как все надеялись, держать Малую Британию. Таким образом два королевства хотя бы на одно поколение должны были образовать кельтско-римский барьер против натиска северных варваров.

Я быстро обнаружил, что по крайней мере в одном Амброзий – чистейший римлянин. Первое, что сделали со мной после того, как меня сгрузили вместе с плащом и со всем остальным в дверях его дома, – это схватили, раздели и, измотанного до того, что у меня уже не было сил сопротивляться, сунули в ванну. Здесь нагревательная система, видимо, работала безупречно: вода была горячая, так что пар шел, и мое замерзшее тело оттаяло в три минуты. Человек, что вез меня сюда, Кададь, один из личных слуг графа, сам вымыл меня. «Приказ Амброзия!» – коротко сообщил он. Он отскреб меня, натер маслом, вытер насухо и стоял надо мной, пока я облачался в белую шерстяную тунику, которая была мне даже не очень велика.

– Это чтоб ты снова не удрал. Он хочет поговорить с тобой. Только не спрашивай почему. Нет, в этих сандалиях ты по дому ходить не будешь. Дия знает, где тебя в них носило! Хотя нет, это-то как раз понятно – в коровнике, что ли? Ходи босиком. Полы теплые. Ладно, по крайней мере, теперь ты чистый. Есть хочешь?

– Издеваешься?

– Ну, тогда пошли. Кухня – туда. Хотя, быть может, ты, как побочный внук короля, или кто ты там, в кухне есть побрезгуешь?

– Так и быть, снизойду, – сказал я. – Но только в этот раз!

Он покосился на меня, нахмурился, потом усмехнулся:

– А ты отчаянный парень, этого у тебя не отнимешь! И здорово держался. Удивительно, как это тебе удалось так быстро выдумать всю эту историю! Ты в два счета обвел их вокруг пальца. А ведь я бы не дал и ломаного гроша за твою шкуру, раз Утер так на тебя разозлился. Но ты все-таки добился, чтобы тебя хотя бы выслушали.

– Это правда!

– Ну да, конечно. Все равно тебе сейчас придется пересказывать ему все сначала. И смотри не сбейся – Амброзий не любит тех, кто заставляет его попусту тратить время.

– Что, прямо сегодня?

– Конечно. Если ты доживешь до утра, то узнаешь, что Амброзий много времени на сон не тратит. Принц Утер тоже, но он-то проводит ночи не за работой. То есть не за письменным столом, а так он трудится немало... Идем.

Еще за несколько ярдов до кухонной двери до меня донесся аромат горячей еды и шкворчание сковородок.

Кухня была просторной; мне она показалась почти такой же большой, как пиршественная зала у нас дома. Пол был выложен гладкой красной плиткой; в каждом конце кухни было расположено по приподнятому над полом очагу, а вдоль стен шли разделочные столы; под столами стояли кувшины с маслом и вином, а над ними висели полки с блюдами. У одного из очагов мальчишка с сонными глазами разогревал в кастрюльке масло. Он подбросил в топку угля, и на одной из конфорок закипал горшок с супом, а на решетке шипели и брызгались колбасы. Я почуял запах жареной курицы. Несмотря на то что Кададь явно не поверил моей истории, еду мне подали на тарелке самианской работы, такой тонкой, что, похоже, это была одна из тех, с которых ел сам граф, а вино мне наливали в стеклянный кубок из блестящего красного кувшина с резной печатью и надписью «Запас». Дали даже тонкую белую салфетку.

Поваренок – его, должно быть, разбудили специально затем, чтобы приготовить мне ужин, – явно не заботился о том, кого он обслуживает; накрыв на стол, он наспех выскреб топки, еще более поспешно вычистил сковородки и, взглядом испросив у Кадаля разрешения, зевая, отправился спать дальше. Кададь прислуживал мне сам; он даже принес из пекарни свежего хлеба – там как раз достали из печи первые хлебы на утро. Суп был вкуснейший, из каких-то моллюсков, – они в Бретани едят такое чуть ли не каждый день. Суп был горячий и ужасно вкусный – я думал, что ничего вкуснее и быть не может, пока не попробовал цыплят, жаренных в масле до хруста, и жареных колбасок, коричневых, начиненных мясом с пряностями и луком. Я насухо вытер тарелку свежим хлебом. Кададь протянул мне блюдо с сушеными финиками, сыром и медовыми лепешками, но я покачал головой:

– Нет, спасибо.

– Наелся?

– О да! – Я отодвинул тарелку. – Это был лучший ужин в моей жизни. Спасибо.

– Ну, – сказал Кададь, – говорят, голод – лучшая приправа. Хотя кормят здесь и впрямь неплохо.

Он принес воду и полотенце. Я вымыл и вытер руки.

– Что ж, пожалуй, теперь я начинаю верить, что ты не все выдумал.

Я поднял на него глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Воспитывали тебя не на кухне, это точно. Ну что, готов? Тогда пошли. Он сказал, чтобы его прервали, даже если он будет занят.

Но Амброзий не был занят, когда мы вошли к нему. Его стол – широкий, мраморный, итальянской работы – действительно был завален свитками, картами и табличками для письма, и граф сидел у стола в своем большом кресле, но сидел он, отвернувшись в сторону, подперев подбородок кулаком и глядя в жаровню, из которой по комнате разливалось приятное тепло и слабый аромат яблоневого дыма.

Он не поднял головы, когда Кададь заговорил с часовым у входа.

Часовой, звеня доспехами, шагнул в сторону и пропустил меня внутрь.

– Мальчик, господин.

С графом Кададь говорил совсем иначе, чем со мной.

– Спасибо. Можешь идти спать, Кададь.

– Да, господин.

Кададь вышел. Кожаная занавесь упала за ним. Тогда Амброзий повернул голову. Несколько минут он молча разглядывал меня. Потом кивнул в сторону табурета:

– Садись.

Я повиновался.

– Я вижу, одежду тебе подыскиали. Тебя накормили?

– Да, господин. Спасибо.

– Ты согрелся? Подвинься ближе к огню, если хочешь.

Он выпрямился в кресле и откинулся на спинку, опустив руки на резные подлокотники в виде львиных голов. На столе между нами стояла лампа, и в ее ярком, ровном свете сходство между графом Амброзием и тем человеком из моего видения исчезло окончательно.

Теперь, после стольких лет, я уже с трудом воскрешаю в памяти, какое впечатление произвел на меня Амброзий тогда, в первый раз. В то время ему было немногим более тридцати, мне лишь двенадцать, и, разумеется, я считал его человеком почтенного возраста. Но думается, что он и в самом деле должен был выглядеть старше своих лет. В этом не было ничего удивительного, при том какую жизнь он вел. Ведь он взвалил на свои плечи тяжкую ответственность, будучи немногим старше меня. У него были мешки под глазами, на лбу пролегли две вертикальные морщины, говорящие о решительности и, быть может, непреклонности. Губы

жесткие, прямые и, как правило, не улыбочивые. Брови у него были черные, как и волосы, и угрожающе нависали над глазами, когда он гневался. От левого уха через скулу шел тонкий белый шрам. Нос у него был римский: большой, с высокой переносицей, но кожа скорее загорелая, чем оливковая, и в глазах его виделось нечто темное, кельтское, а не римское. Суровое лицо, которое, как я узнал позднее, могло затмиться разочарованием, или гневом, или даже усилием, которое требовалось ему, чтобы скрыть эти чувства, – и все же лицо человека, которому можно довериться. Он был не из тех, кого легко полюбить, и уж, конечно, не из тех, кто нравится всем: это был человек, которого можно было либо ненавидеть, либо чтить. Ты мог бороться с ним или идти за ним, но оставаться в стороне было невозможно: каждый, кто стал-кивался с ним, уже не мог жить спокойно.

Все это мне еще предстояло узнать. Теперь я почти забыл, что думал о нем тогда: мне запомнились лишь глубокие глаза, смотревшие на меня из-за лампы, да руки, сжимающие львиные головы. Но зато я помню каждое слово, которое он сказал.

Он смерил меня взглядом:

– Мирддин, сын Нинианы, дочери короля Южного Уэльса... посвященный, как мне говорили, во все тайны дворца в Маридунуме?

– Я... разве я это говорил? Я просто сказал им, что жил там и кое-что слышал.

– Мои люди привезли тебя из-за Узкого моря, потому что ты сказал им, что знаешь тайны, которые могут мне пригодиться. Ты хочешь сказать, что солгал?

– Господин, – сказал я в некоторой растерянности, – не знаю, что может тебе пригодиться. Я говорил с ними на доступном им языке и думал, что они собираются убить меня. Я спасал свою жизнь.

– Понятно. Ну вот, сейчас ты здесь и тебе ничто не угрожает. Почему ты сбежал из дома?

– Потому что теперь, когда мой дед умер, мне было небезопасно оставаться там. Моя мать уходит в монастырь, а Камлах, мой дядя, уже пытался однажды убить меня. А его слуги убили моего друга.

– Друга?

– Моего слугу. Его звали Кердик. Он был рабом.

– Ах да! Мне говорили, что ты поджег дворец. Тебе не кажется, что ты поступил чересчур... решительно?

– Быть может. Но надо же было воздать ему последние почести! Он был моим другом.

Амброзий вскинул брови:

– Это причина или обязательство?

– То есть? – Я поразмыслил над этим, потом медленно ответил: – Я думаю, и то и другое.

Амброзий опустил глаза и посмотрел на свои руки. Он снял их с подлокотников и сцепил на столе перед собой.

– Твоя мать, принцесса... – Он сказал это так, словно мысль о ней вытекала из только что сказанного. – Ей они ничего не сделают?

– Нет, конечно!

Услышав это, он вопросительно посмотрел на меня. Я поспешно объяснил:

– Извини, господин. Я имел в виду только, что, если бы они собирались причинить ей зло, разве бы я ее бросил? Нет, Камлах ей никогда ничего не сделает. Я же говорю, она много лет говорила о том, что хочет уйти в монастырь Святого Петра. Я не помню, были ли такие времена, когда она не привечала каждого христианского священника, который являлся в Маридунум. И сам епископ, когда приезжал из Каэрлеона, всегда останавливался во дворце. Но дед ее не отпускал. Они с епископом всегда ссорились из-за нее и меня. Видишь ли, епископ хотел, чтобы меня окрестили, а дед об этом и слышать не желал. Я... думаю, он пользовался этим как приманкой для моей матери: он все надеялся, что она ему скажет, кто мой отец, или что

она выйдет за человека, которого он ей подыщет. Но она все не соглашалась и ничего ему не говорила.

Я остановился – не слишком ли много я болтаю? Но Амброзий смотрел на меня внимательно и, похоже, слушал с интересом.

– Дед клялся, что нипочем не отпустит ее в монастырь, – продолжал я, – но, как только он умер, она попросила Камлаха, и Камлах ей разрешил. Он и меня бы запер в монастырь. Потому я и сбежал.

Амброзий кивнул:

– И куда же ты собирался?

– Не знаю. Маррик правильно сказал тогда в лодке, что я должен к кому-нибудь прибиться. Мне всего двенадцать, и мне надо найти себе хозяина. Я не хотел идти ни к Вортигерну, ни к Вортимеру, а к кому еще податься – я не знал.

– И ты убедил Маррика и Ханно оставить тебя в живых и отвезти ко мне?

– На самом деле нет, – честно ответил я. – Поначалу я не знал, куда они едут, и просто говорил что попало, чтобы спасти свою жизнь. Я предал себя в руки бога, и он свел меня с ними и привел на корабль. А я уговорил их взять меня с собой.

– Ко мне?

Я кивнул. В жаровне затрещало и взметнулось пламя. Тень скользнула по щеке Амброзия, так что показалось, будто он улыбнулся.

– Почему же ты не дождался, когда они отведут тебя ко мне? Зачем было прыгать с корабля? Ты ведь чуть не замерз там, в поле!

– Я боялся, что они в конце концов решат не водить меня к тебе. Я боялся, что они догадаются, как... как мало пользы я могу тебе принести.

– И ты, значит, удрал с корабля зимней ночью, в чужой стране, и бог привел тебя прямо к моим ногам? Да, Мирддин, ты с твоим богом составляете довольно могущественную пару. Я вижу, у меня нет выбора.

– Что ты хочешь сказать, господин?

– Быть может, ты прав и действительно можешь мне пригодиться.

Он снова опустил глаза, взял со стола перо и принялся внимательно разглядывать его, вертя в руках.

– Но прежде скажи мне, почему тебя зовут Мирддин? Ты говоришь, твоя мать никогда не говорила тебе, кто твой отец? И никогда даже не намекала? Быть может, она назвала тебя в честь него?

– Только не Мирддином, господин! Мирддин – это один из древних богов. У нас есть его святилище, у самых ворот монастыря Святого Петра. Ему посвящен и холм неподалеку от города, а некоторые говорят, что есть и другие места, за пределами Южного Уэльса. Но у меня есть другое имя... – Я замялся. – Раньше я этого никому не говорил, но я уверен, что это имя моего отца.

– Какое же?

– Эмрис. Я однажды слышал, как она говорила с ним, ночью, много лет назад, когда я был еще совсем маленьким. Я не мог этого забыть. В ее голосе было нечто такое... Необычное.

Перо замерло. Он взглянул на меня исподлобья.

– Говорила с ним? Так, значит, это был кто-то из дворца?

– Да нет, не так! Это было не на самом деле.

– Ты хочешь сказать, что это был сон? Видение? Как этот бык сегодня ночью?

– Нет, господин. Это было на самом деле – только по-другому. У меня такое бывает иногда. Но в тот раз, когда я подслушал свою мать... Во дворце была система подземных ходов, заброшенная много лет назад. Потом их засыпали, но когда я был моложе... когда я был

маленьким, я забираюсь туда, чтобы спрятаться от людей. Я хранил там свои сокровища... ну, всякие мелочи, которые дети собирают, а взрослые выкидывают, если находят.

– Я знаю. Продолжай.

– Знаешь? Ну вот, я лазил по этим подземным ходам, и однажды ночью я очутился под ее комнатой и услышал, как она разговаривает вслух, сама с собой, так, как люди иногда молятся. Я услышал, что она говорила «Эмрис», но ничего больше не помню. – Я взглянул на него. – Знаешь, собственное имя всегда слышится, даже когда ничего больше расслышать нельзя. Я тогда подумал, что она, должно быть, молилась за меня, но когда я стал постарше и вспоминал об этом, мне пришло в голову, что «Эмрис» – это, возможно, имя моего отца. В ее голосе было нечто такое... и потом, она меня так никогда не называла. Она звала меня Мерлин.

– Почему?

– В честь сокола. Это латинское название корвальха.

– Тогда и я буду звать тебя Мерлином. Ты отважен, и, похоже, глаза твои видят далеко. Быть может, в один прекрасный день твои глаза мне понадобятся. Но сегодня начнем с чего попроще. Расскажи мне о твоём доме. Ну и в чем дело?

– Если я буду служить тебе... я, конечно, расскажу все, что смогу, но...

Я замялся, и он продолжил за меня:

– Но ты хочешь, чтобы я дал тебе слово, что не причиню зла твоей матери, когда отправлюсь завоевывать Британию? Я обещаю. Ей не причинят вреда, так же как и любому другому человеку, мужчине или женщине, кого ты попросишь пощадить за то, что они были добры к тебе.

У меня, должно быть, глаза на лоб полезли.

– Ты... ты очень великодушен...

– Если я завоюю Британию, я смогу позволить себе быть великодушным. Однако мне придется оговориться. – Он улыбнулся. – Если ты попросишь пощадить твоего дядю Камлаха, могут возникнуть сложности.

– Не возникнут, – сказал я. – Когда ты возьмешь Британию, Камлах уже будет мертв.

Тишина. Амброзий приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но, видимо, передумал.

– Я же говорил, что однажды твои глаза мне пригодятся. Ну ладно, я дал тебе слово. Теперь вернемся к разговору. Рассказывай обо всем, даже о том, что не кажется тебе важным. Судить об этом буду я.

И я принялся рассказывать. Меня вовсе не удивило то, что он говорит со мной, будто с равным, и что он полночи просидел со мной, задавая вопросы, на которые легко могли бы ответить его шпионы. Помнится, за то время, пока мы сидели и разговаривали, два раза бесшумно входил раб и наполнял жаровню углями и один раз я услышал за дверью звон оружия и приказы разводящего – это сменяли стражу. Амброзий расспрашивал, кивал, слушал, временами записывал что-то в своих табличках, временами сидел и смотрел в пространство, подперев подбородок кулаком, но чаще всего пристально смотрел на меня из-под бровей. Когда я колебался, или принимался говорить о каких-то пустяках, или просто умолкал от усталости, он задавал мне новые вопросы, направляя меня к какой-то невидимой цели, как погонщик направляет своего мула.

– Крепость на реке Сейнт, где твой дед встречался с Вортигерном. Далеко она на север от Каэрлеона? По какой дороге? Расскажи о дороге... А каковы подступы к крепости с моря? А та башня, где расположился верховный король, – башня Максимуса, ты ее зовешь Максеновой башней... расскажи о ней. Сколько людей там размещалось? Какова дорога от нее к гавани?

Или:

– Ты говоришь, отряд короля останавливался в долине к югу от Снежной горы и короли уходили в сторону. Твой слуга Кердик говорил, что они ходили смотреть развалины старой

крепости на утесе. Опиши это место... Какова высота утеса? А далеко ли видно с вершины на север? На юг? На восток?

Или:

– А вассалы твоего деда? Как ты думаешь, сколько из них сохраняют верность Камлаху? Их имена? Сколько у них людей? А кто его союзники? Число? Сколько войска?

И вдруг:

– А теперь скажи мне вот что. Откуда ты знаешь, что Камлах решил перейти к Вортимеру?

– Он сказал это моей матери, – стал объяснять я, – у смертного ложа моего деда. Я это слышал. Слухи об этом ходили давно, и я знаю, что он ссорился с дедом, но никто ничего не знал наверняка. Моя мать лишь догадывалась. Но как только умер король, Камлах сказал ей об этом.

– Он объявил об этом во всеуслышание? Тогда как вышло, что Маррик и Ханно не знают об этом ничего, кроме слухов о ссорах?

Усталость и долгие расспросы усыпили мою бдительность, и я, не успев подумать, брякнул:

– Он не объявлял об этом, а сказал только ей. Они были одни.

– Не считая тебя? – Голос Амброзия переменялся так сильно, что я подпрыгнул на своем табурете. Он смотрел на меня из-под бровей. – Ты ведь, помнится, говорил, что подземные ходы засыпали?

Я сидел, молча глядя на него. Я не мог придумать, что сказать.

– Не странно ли, – продолжал Амброзий ровным голосом, – что он сказал об этом твоей матери в твоём присутствии? Ведь он не мог не знать, что ты его враг. Его люди только что убили твоего слугу. И как это тебе, после того как Камлах выложил свои секретные планы, удалось выбраться из дворца и попасть в руки моих людей и «угговорить» их отвезти тебя ко мне?

– Я... – промямлил я. – Господин мой, не думай, что я... господин, я же сказал тебе, что я не шпион. Я... то, что я рассказал тебе, – это правда! Камлах действительно говорил это, клянусь тебе!

– Думай, что говоришь. Для меня важно, правда ли это. Тебе сказала об этом твоя мать?

– Нет.

– Стало быть, это всего лишь болтовня рабов?

– Я слышал это своими ушами! – в отчаянии сказал я.

– Так где же ты был?

Я встретился с ним глазами. И, сам не зная почему, сказал правду:

– Господин, я спал в холмах, в шести милях оттуда.

Наступила тишина. На этот раз она длилась особенно долго. Я слышал, как оседают угли в жаровне, как где-то лает собака. Я сидел, ожидая, что он разразится гневом.

– Мерлин...

Я поднял глаза.

– От кого ты получил дар ясновидения? От матери?

Против всех ожиданий он поверил мне. Я поспешно ответил:

– Да. Но у нее он другой. Она видела только то, что видят женщины: всякие вещи, связанные с любовью. А потом она начала бояться своей силы и отказалась от нее.

– А ты не боишься?

– Я буду мужчиной.

– Мужчина берет власть, кто бы ему ее ни предложил. Да. Ты понял то, что видел сегодня ночью?

– Быка? Нет, господин. Я только понял, что это что-то тайное.

– В свое время ты узнаешь об этом, но не сейчас. Слушай!

Где-то за стенами пропел петух, звонко и серебристо, как боевая труба.

– Вот, – сказал Амброзий, – это положит конец твоим видениям. Тебе давно пора спать. Ты уже выглядишь полумертвым от усталости.

Он поднялся на ноги. Я соскользнул с табурета, и он некоторое время стоял, глядя на меня сверху вниз.

– Когда я приплыл в Малую Британию, мне было десять лет и я промаялся всю дорогу.

– Я тоже, – сказал я.

Он рассмеялся:

– Должно быть, ты так же устал, как и я тогда! Иди спать, а утром мы решим, что с тобой делать.

Он позвонил в колокольчик, раб отворил дверь и отошел в сторону.

– Сегодня ты будешь спать у меня. Проходи.

Спальня тоже была обставлена по римскому образцу. Позднее я узнал, что по сравнению, скажем, со спальней Утера она была достаточно скромной, но мне, мальчишке, привыкшему к провинциальной, часто сколоченной на скорую руку обстановке, как принято в нашем маленьком захолустном краю, эта показалась роскошной: большая кровать, застеленная алыми шерстяными одеялами и меховым ковром, овчины на полу, бронзовый треножник высотой в человеческий рост, с тремя светильниками в форме драконьих голов, изрыгавших пламя... Толстые коричневые занавеси защищали от ночного холода и ледяного ветра, и в спальне было очень тихо.

Проходя вслед за Амброзием и рабом мимо стражников – их было двое, и они стояли навытяжку, совершенно неподвижно, лишь взглянули, подчеркнуто безразлично, сперва на Амброзия, потом на меня, – я в первый раз подумал, не окажется ли Амброзий римлянином также и в других отношениях...

Но он только указал мне на арку, занавешенную такой же коричневой занавесью, – за ней оказалась ниша, где стояла другая кровать. Наверно, там спал раб, чтобы все время быть под рукой.

Слуга отодвинул занавеску и показал мне одеяла, сложенные на тюфяке, и удобные подушки, набитые овечьей шерстью; потом оставил меня и отправился прислуживать Амброзию.

Я снял одолженную мне тунику и аккуратно сложил ее. Одеяла были толстые, новые, и пахло от них кедровым деревом. Амброзий разговаривал с рабом, и их голоса доносились до меня, словно с другого конца большой и тихой пещеры. Как хорошо было снова лежать в настоящей кровати, сытым, в тепле, в доме, где не слышно шума моря... И в безопасности.

Амброзий, кажется, сказал мне «спокойной ночи». Но я уже уходил в глубины сна и не смог вынырнуть, чтобы ответить. Последнее, что я помню, – это как раб бесшумно подошел и погасил лампы.

Глава 6

На следующее утро я пробудился довольно поздно. Занавеси были отдернуты, и в окна лился холодный серый свет зимнего дня. Кровать Амброзия была пуста. За окном я увидел маленький внутренний двор – садик, окруженный колоннадой, и в середине играл фонтан – бесшумно, как показалось мне поначалу; потом я увидел, что вода застыла льдом.

Пол, вымощенный плиткой, был теплым. Я потянулся за белой туникой, которую накануне сложил и повесил на табурет, но вместо нее там оказалась новая, темно-зеленая, цвета тисовой хвои, и она была мне как раз впору. Еще там был хороший кожаный пояс и пара новых сандалий. Нашелся там даже плащ, тоже зеленый, только светлый, цвета буковых листьев, и к

нему – бронзовая фибула: красный эмалевый дракон, такой же, какого я заметил накануне на перстне с печаткой на руке Амброзия.

Я впервые в жизни почувствовал себя настоящим принцем. Странно, ведь казалось бы, я потерял все, что имел. Здесь, в Малой Британии, у меня не было ничего – ни сомнительного титула бастарда, ни родичей, ни одной собственной вещи. Я почти никого здесь не знал, кроме Амброзия, а для него я был всего лишь слугой, человеком зависимым, кого держат лишь постольку, поскольку он полезен.

Кададь принес мне завтрак: хлеб с отрубями, медовые соты и сушеные фиги. Я спросил, где Амброзий.

– На улице, муштрует солдат. Или, скорее, следит за тем, как их обучают. Он проводит там каждое утро.

– Как ты думаешь, чего он от меня хочет?

– Он сказал только, чтобы ты оставался здесь, пока не отдохнешь, и располагался как дома. Я собираюсь послать человека на корабль, так что, если там осталось что из твоего, ты мне скажи, я прикажу, чтобы привезли.

– Да у меня почти ничего и не было. У меня не было времени собраться как следует. Пара туник и сандалии, завернутые в синий плащ, да кое-что по мелочи: фибула, пряжка, что подарила мне мать, и все такое. – Я потрогал полы своей дорогой туники. – Это все куда лучше. Кададь, я надеюсь, что смогу отслужить ему! Он не говорил, чего хочет от меня?

– Ни слова. Ты что думаешь, он делится со мной всеми своими тайными замыслами? Делай пока то, что он тебе говорит: располагайся как дома, держи язык за зубами и старайся не ввязываться в неприятности. Думаю, ты его будешь видеть не часто.

– Я и не предполагал часто видеть его, – сказал я. – А где я буду жить?

– Здесь.

– В этой комнате?

– Нет. Я имел в виду, в этом доме.

Я отодвинул тарелку.

– Кададь, скажи, а господин Утер живет отдельно?

Глаза Кадаля насмешливо блеснули. Это был невысокий, крепко сбитый человек, с квадратным красным лицом, лохматыми черными волосами и черными глазками, маленькими, словно оливки. Я понял, что он догадался, о чем я думаю. Должно быть, весь дом уже знает, что произошло прошлой ночью между мной и принцем.

– Нет. Он тоже живет здесь. Под боком, так сказать.

– Ой!

– Не беспокойся, его ты тоже будешь видеть не часто. Через пару недель он вообще уезжает на север. Там он быстро остынет, по такой-то погоде... Да он небось уже забыл про тебя.

Кададь ухмыльнулся и вышел.

Он оказался прав: в следующие две недели я Утера почти не видел, а потом он ушел с войсками на север, в какой-то поход, замышлявшийся частично как учебный, частично – как вылазка с целью раздобыть припасы. Кададь правильно догадался, что я вздохну с облегчением: я отнюдь не скучал по Утеру. Я знал, что он не слишком приветствовал то, что я поселился в доме его брата, и доброе отношение Амброзия ко мне весьма раздражало его.

Я думал, что не скоро увижу графа снова – ведь тогда, в первую ночь, я рассказал ему все, что знал, – но он присылал за мной почти каждый вечер, когда бывал свободен: иногда расспрашивал меня и слушал мои рассказы о доме, иногда – когда чувствовал себя усталым – просил меня сыграть ему на арфе или предлагал мне партию в шахматы. Я, к своему удивлению, обнаружил, что в этом мы почти равны. Не думаю, чтобы он нарочно поддавался мне. Амброзий говорил, что давно не играл – ему чаще доводилось играть в кости, а играть в кости

с предсказателем, пусть и малолетним, – опасно. А шахматы – дело скорее расчета, чем случая, и менее подвержены действию черной магии.

Он сдержал свое обещание и рассказал мне, что я видел тогда ночью, у стоячего камня. Наверно, я бы просто отбросил это и забыл, как пустой сон, если бы он мне приказал. Со временем воспоминание стерлось, сделалось расплывчатым, я и впрямь начал думать, что это был всего лишь сон, навеянный холодом и смутными воспоминаниями о выцветшей росписи римского сундука, что стоял в моей комнате в Маридунуме: упавший на колени бык и человек с ножом под аркой, усеянной звездами. Но когда Амброзий рассказал мне об этом, я понял, что видел больше, чем было на картинке. Я видел солдатского бога, Слово, Свет, Доброго Пастыря, посредника меж единым Богом и человеком. Я видел Митру, что пришел из Азии тысячу лет тому назад. Амброзий рассказывал мне, что Митра родился в пещере, среди зимы, и пастухи видели это, и в небе сияла звезда; он родился из земли и света и вышел из скалы с факелом в левой руке и с ножом в правой. Он убил быка, чтобы пролитая кровь принесла земле жизнь и плодородие, а потом, вкусив последний раз хлеба и вина, Митра был призван на небеса. Это бог силы и благородства, мужества и сдержанности.

– Солдатский бог, – повторил Амброзий. – Вот почему мы восстановили культ Митры: чтобы здесь, как и в римской армии, у всех предводителей и мелких королей, говорящих на множестве языков и поклоняющихся множеству богов, было нечто общее. О самом культе я тебе рассказывать не могу: это запрещено. Тебе достаточно знать, что в ту ночь мы с моими офицерами собирались на священную церемонию, и твои разговоры о хлебе, вине и убитом быке звучали так, словно ты видел священнодействие, – больше, чем о том дозволено рассказывать. Быть может, ты еще увидишь все это. А пока остерегись и, если кто-то спросит тебя о твоём видении, помни, что это был всего лишь сон. Понял?

Я кивнул. Но в голове у меня из всего, что он сказал, зацепилось одно. Я подумал о матери, о христианских священниках, о Галапасе, об источнике Мирддина, о том, что видится в воде и слышится в шуме ветра...

– Ты хочешь сделать меня посвященным Митры?

– Мужчина берет власть, кто бы ее ему ни предложил, – повторил Амброзий. – Ты говорил, что не знаешь, что за бог наложил на тебя свою руку; быть может, это Митра был тем богом, на чью тропу ты вступил, тем богом, что привел тебя ко мне. Увидим. А пока... Митра – бог воинства, и нам понадобится его помощь. А теперь, если тебе не трудно, принеси арфу и спой мне.

Вот так он беседовал со мной, обращаясь как с принцем. Здесь я чувствовал себя куда более принцем, чем в доме моего деда, где я имел хоть какие-то права на этот титул.

Кадаля сделали моим личным слугой. Сперва я думал, что он возмутится, – после того, как он служил самому Амброзию, это можно было считать понижением в должности. Но Кадаля, похоже, не возражал – на самом деле мне показалось даже, что он доволен. Мы очень скоро сдружились, и, поскольку других мальчиков моих лет в доме не было, он сделался моим постоянным спутником. Обзавелся я и лошадью. Поначалу мне отдали одного из личных коней Амброзия, но через день я со стыдом вынужден был просить, чтобы мне дали кого-нибудь более подходящего по росту, и для меня нашли маленького и крепкого серого конька, которого я в приступе ностальгии назвал Астером.

Так проходили первые дни. Я ездил повсюду в сопровождении Кадаля; здесь еще стояли морозы, а потом они сменились дождями, поля развезло, дороги сделались противными и скользкими; над пустошами день и ночь свистел холодный ветер, взбивая белую пену на серо-стальных волнах Малого моря, и северные стороны стоячих камней почернели от сырости. Однажды я попробовал найти тот камень с секирой, но мне это не удалось. Зато я нашел другой, на котором при определенном освещении был виден кинжал, и неподалеку – еще один большой камень, на котором под лишайниками и потеками птичьего помета виднелись очер-

тания раскрытого глаза. Днем камни не так сильно дышали холодом в затылок, но все же здесь не оставляло чувство, что на тебя кто-то смотрит, и мой пони неохотно ходил в ту сторону.

Разумеется, я осмотрел и город. В центре его, на скалистом утесе, увенчанном высокой стеной, высился замок Будека. К воротам вел каменистый подъем, а сами они были заперты и хорошо охранялись. Я часто наблюдал, как Амброзий или кто-нибудь из его офицеров поднимается к воротам, но сам не подъезжал ближе сторожевого поста у начала подъема. Несколько раз я видел короля Будека, когда он выезжал со своими людьми. Его волосы и длинная борода были почти белыми, но он сидел на своем большом караковом мерине так, словно был лет на тридцать моложе, чем на самом деле. Мне доводилось слышать бесчисленные истории о том, как он отважен и искусен во владении оружием, и о том, как он поклялся отомстить Вортигерну за убийство своего родича, Констанция, даже если на это придется потратить всю жизнь. На самом деле похоже было, что так оно и выйдет, ибо казалось, что такой маленькой стране не по силам собрать войско, которое сможет нанести поражение Вортигерну и саксам и закрепиться в Великой Британии. Ничего, говорили люди, ничего, теперь уже скоро...

Каждый день в любую погоду на пустошах под стенами города проводились учения. Я узнал, что у Амброзия уже сейчас имеется постоянная армия численностью примерно в четыре тысячи человек. Что до Будека – это войско окупало свое содержание десятикратно: не далее чем в тридцати милях лежали владения другого короля, молодого и охочего до чужого добра, и лишь слухи о растущей силе Амброзия и о доблести его солдат удерживали соседа от вторжения. Будек с Амброзием поддерживали мнение, что эта армия – чисто оборонительная, и заботились о том, чтобы Вортигерн ничего не знал наверняка: новости о готовящемся вторжении достигали его ушей исключительно в форме слухов, а шпионы Амброзия следили за тем, чтобы они и оставались не более чем слухами. И Вортигерн считал – чего, собственно, и добивался Будек, – что Амброзий и Утер смирились со своей судьбой изгнанников и заботятся лишь об охране границ королевства, которое в один прекрасный день должно перейти в их руки.

Это впечатление поддерживалось тем, что войско использовали в качестве фуражиров. Не было такой грубой, грязной, тяжелой работы, от которой отказались бы воины Амброзия. Эти закаленные, бывалые солдаты как ни в чем не бывало занимались такими делами, от которых в войске моего деда отвернулись бы даже новобранцы. Они привозили в город дрова и складывали их в поленицы. Они копали и возили торф, жгли уголь. Они строили кузницы и работали в них, причем ковали не только оружие, но и всяческие орудия труда и инструмент: лопаты, лемеха, топоры, серпы... Они умели объезжать лошадей, пасти скот и забивать его; они делали телеги, могли за два часа разбить укрепленный лагерь и свернуть его за час. У Амброзия был отряд механиков; их мастерские занимали половину квадратной мили, и там могли сделать все: от амбарного замка до боевого корабля. Короче говоря, войско готовилось к тому, чтобы высадиться в чужой стране с завязанными глазами и при этом не только выжить, но и сохранить способность действовать в любой обстановке.

– Ведь только для солдат, приученных к хорошей погоде, – говорил однажды Амброзий при мне своим офицерам, – война – это летняя забава. А мне необходимо одержать победу, а после этого еще и сохранить завоеванное. А Британия – огромная страна; по сравнению с ней этот уголок Галлии – не более чем лужок. И потому, господа, мы будем сражаться весной и летом, но мы не отступим при первых октябрьских заморозках, чтобы отдыхать в тепле и точить мечи к следующему лету. Мы будем драться – в снегу, если придется, и в бури, и в морозы, и в зимнюю распутицу. И все это время в любую погоду нам надо есть – пятнадцати тысячам человек надо есть, и есть хорошо.

Вскоре, примерно через месяц после моего приезда в Малую Британию, мои вольные денжки кончились. Амброзий нашел мне наставника.

Белазий был совсем не похож ни на Галапаса, ни на мирного пьяницу Деметрия, что был моим официальным наставником дома. Это был мужчина в расцвете сил, один из «доверенных

людей» Амброзия – я так понял, что он ведаёт счетами и денежной стороной дел Амброзия. По образованию математик и астроном, он был наполовину галлороманец, наполовину сицилиец – высокий мужчина с лицом оливкового цвета, с миндалевидными черными глазами, меланхолическим выражением лица и тонкими, жестокими губами. У него был ядовитый язык и вспыльчивый нрав, но его нельзя было назвать капризным. Я скоро понял, что можно избежать его насмешек и увесистых тумачков, если делать свою работу быстро и хорошо, а поскольку учение давалось мне легко и к тому же нравилось, мы скоро поняли друг друга и неплохо уживались вместе.

Однажды вечером в конце марта мы занимались в моей комнате в доме Амброзия. Белазий жил где-то в городе, но где – никогда не говорил, из чего я сделал вывод, что он живет с какой-нибудь шлюхой и боится, что я ее увижу. Работал он в основном в штабе, но комнаты рядом с сокровищницей были вечно забиты писцами и казначеями, поэтому со мной Белазий занимался в моей комнате, небольшой, но очень уютной: пол, вымощенный красной плиткой местной выделки, резная мебель яблоневого дерева, бронзовое зеркало, жаровня и лампа римской работы.

В тот день лампа горела, несмотря на то что на дворе еще был день: погода стояла пасмурная и небо застилало облака. Белазий был доволен мною; мы занимались математикой, и это был один из тех дней, когда я ничего не забывал и решал все задачи, которые ставил передо мной Белазий, с такой легкостью, словно наука – ровный луг с нахоженными тропинками.

Белазий провел ладонью по табличке, стирая с воска мои записи, отодвинул ее в сторону и встал.

– Ты сегодня неплохо поработал. Это хорошо, потому что мне все равно пришлось бы уйти раньше.

Он протянул руку и позвонил в колокольчик. Дверь отворилась тотчас же – я понял, что слуга ждал прямо за дверью. Мальчик вошел, неся на руке плащ своего господина, поспешно развернул и встряхнул его, чтобы надеть на плечи Белазию. Мальчик даже не взглянул в мою сторону, чтобы испросить дозволения; он поедал глазами Белазия, и видно было, как он его боится. Мальчик был мой ровесник или даже моложе; его русые вьющиеся волосы были коротко острижены, а серые глаза казались чересчур большими.

Белазий не сказал ему ни слова, даже не обратил на него внимания; он повернулся, мальчик набросил плащ ему на плечи и встал на цыпочки, чтобы застегнуть фибулу. Белазий сказал мне через голову мальчика:

– Я сообщу графу, что ты делаешь успехи. Он будет доволен.

Выражение его лица было настолько близко к улыбке, насколько Белазий вообще был способен улыбаться. Осмелев, я повернулся к нему:

– Белазий...

Он остановился на полпути к дверям.

– Да?

– Ты, должно быть, знаешь... Скажи, пожалуйста... Чего он от меня хочет?

– Он хочет, чтобы ты занимался математикой и астрономией и не забывал языки.

Голос его был ровным, механическим, но в глазах поблескивал смех, и потому я снова спросил:

– Зачем? Чтобы стать кем?

– А кем бы ты сам хотел стать?

Я не ответил. Он кивнул так, словно получил ответ.

– Если бы он хотел сделать из тебя воина, ты бы сейчас маршировал на плацу.

– Но... но я живу здесь, в его доме, ты меня учишь, Кададь мне прислуживает... Я не понимаю. Мне следовало бы как-то служить ему, а не просто учиться... и жить в роскоши, словно принц. Я ведь знаю, что до сих пор жив лишь благодаря его милости.

Он некоторое время смотрел на меня из-под своих удлинённых век. Потом улыбнулся:

– Запомни одну вещь. Насколько мне известно, однажды ты сказал ему, что важно не то, кто ты, а то, что ты собой представляешь. Поверь мне, он сумеет использовать тебя, как и всех прочих. Так что перестань размышлять об этом и предоставь все времени. А теперь мне пора идти.

Мальчик отворил ему дверь, и мы увидели на пороге Кадаля, который как раз поднял руку, чтобы постучать.

– Ох, господин, извини! Я только хотел посмотреть, скоро ли вы закончите. И уже оседлал лошадей, господин Мерлин.

– Мы закончили, – сказал Белазий. Он остановился в дверях и оглянулся. – А куда это вы едете?

– На север, наверно. По той дороге, что ведет через лес. Она хорошо вымощена и, должно быть, достаточно сухая.

Белазий колебался, потом сказал – скорее Кадалю, чем мне:

– Тогда не сворачивайте с дороги и возвращайтесь домой до темноты.

Он кивнул и вышел, и мальчик вслед за ним.

– До темноты? – сказал Кадаль. – Да сегодня весь день темно. А теперь еще и дождь пустил. Слушай, Мерлин, – когда мы бывали наедине, мы оставляли формальности, – а почему бы нам не пойти в мастерские? Ты ведь любишь там бывать. А сегодня Треморин собирался испытывать новый подъемник... Что ты скажешь на то, чтобы остаться в городе?

Я покачал головой:

– Извини, Кадаль, но мне надо ехать, даже если идет дождь. Мне что-то не сидится сегодня на месте, и я непременно должен выбраться из города.

– Ну так давай проедем пару миль в сторону гавани, и хватит с тебя. Иди сюда, давай плащ надену. В лесу же тьма кромешная! Будь благоразумен, Мерлин.

– В лес! – упрямо сказал я, повернув голову, чтобы Кадаль мог застегнуть на мне плащ. – И не спорь со мной, Кадаль. Вот Белазий правильно делает, если хочешь знать. Его слуга и рта раскрыть не смеет, не то что спорить с хозяином. Надо бы и мне вести себя с тобой так же. Вот прямо сейчас и начну... Ну чего ты ухмыляешься?

– Ничего. Ладно, я знаю, когда надо уступить. В лес так в лес. Ну а если мы заблудимся и не сможем выбраться оттуда, я, по крайней мере, пропаду вместе с тобой, и мне не придется отвечать за тебя перед графом.

– Можно подумать, он так уж огорчится!

– Не огорчится, конечно, – сказал Кадаль, открывая передо мной дверь. – Это так, к слову пришлось. Он, небось, и не заметит!

Глава 7

Снаружи было вовсе не так темно, как казалось в доме, и довольно тепло: стоял один из тех тяжелых, мрачных дней, когда все затянуто туманом, и моросил мелкий дождь, крошечными каплями оседавший на наших толстых плащах.

Примерно в миле к северу от города плоские пустоши, выметенные соленым ветром, уступали место лесу. Поначалу нам попадались лишь отдельные деревья, разбросанные по равнине. Ключья белого тумана висели в нижних ветвях или лужами расплзались по земле, временами взвихряясь, когда сквозь них пробегал олень.

На север шла старая мощеная дорога. Ее строители вырубали лес и кустарники на сто шагов по обе стороны, но со временем вырубленная полоса заросла утесником, вереском и молодыми деревцами, так что лес подступал к самой дороге и на ней было темно.

Ближе к городу нам встретились один-два крестьянина, везущие хворост на своих осликах, и один раз мимо нас промчался гонец Амброзия. Он мельком глянул в нашу сторону и вроде как поклонился мне. Но в лесу никого не было. Немногочисленные мартовские птицы уже умолкли, а совы еще не вылетели на охоту, и в лесу стояла тишина.

Когда мы въехали в чащу, дождь перестал, и туман немного рассеялся. Вскоре мы выехали на перекресток. Большак пересекался с другой, немощеной дорогой. По этой дороге вывозили из леса бревна, ездили угольщики. Она была с глубокими колеями, но прямая и ровная. Если держаться обочины, можно ехать галопом.

– Кадаль, поехали туда!

– Нам же было сказано не сворачивать!

– Да, Белазий так сказал, но почему? В лесу же спокойно!

Это была правда. То было еще одно достижение Амброзия: люди больше не боялись оказаться в глуши и удаляться от города. По лесам постоянно ездили отряды, которые всегда были начеку и жаждали действий. На самом деле, как однажды признался Амброзий, главная опасность была в том, что войска застоятся и утратят боевой дух. Ну а пока что разбойники и недобровольные укрывались подальше, и народ мог спокойно ездить по своим делам. Даже женщины путешествовали почти без охраны.

– А к тому же, – добавил я, – что мне за дело до слов Белазия? Он всего лишь учит меня, и больше ничего. Мы не заблудимся, если не станем сворачивать с дороги, а если не поехать галопом сейчас, то потом, когда мы вернемся в поля, будет уже поздно, и мы так и не успеем размять лошадей. Ты ведь сам все время жалуешься, что я плохо езжу! А как я могу научиться, если мы только и делаем, что трусим по дороге? Ну пожалуйста, Кадаль!

– Слушай, я ведь тебе тоже не хозяин. Ладно, поехали, только недалеко. Побереги пони: в лесу будет темнее. И вообще, дай-ка я поеду вперед.

Я положил руку на его поводья.

– Нет, Кадаль. Разреши мне поехать вперед, а сам держись чуть поодаль, ладно? Понимаешь, я... здесь почти не бываю один, а я привык к одиночеству. Это одна из причин, почему я решил ехать в лес. – И на всякий случай добавил: – Ты не думай, мне с тобой хорошо, но просто мне иногда нужно... ну... поразмыслить в одиночестве. Не мог бы ты отстать шагов на пятьдесят?

Он тут же осадил лошадь. Откашлялся.

– Я же говорю, я тебе не хозяин! Поезжай вперед. Только будь осторожен.

Я повернул Астера на поперечную дорогу и пустил его в галоп. Он три дня простоял в стойле, и, несмотря на то что мы проехали уже немало, прижал уши и рванул вперед, по обочине дороги, заросшей зеленой травой. Нам повезло: туман уже почти рассеялся. Но местами он еще курился, и ключья его висели почти вровень с седлом, так что кони плыли через него, рассекая его грудью, как воду. Кадаль сильно отстал; топот копыт его кобылы казался лишь гулким эхом подков моего пони. Дождик утих, воздух был свеж и прохладен и напоен смолистым запахом сосен. Над головой с нежным шепчущим криком пролетел вальдшнеп; я задел головой мягкую еловую лапу, и она уронила горсть капель мне на лицо и за шиворот. Я встряхнул головой и рассмеялся; пони припустил еще быстрее, разметав грудью облако тумана. Я пригнулся к шее пони: дорога сузилась, и ветви хлестали нас уже не на шутку. Темнело; небо над вершинами сделалось почти черным, и лес катился мимо темным облаком, напоенным влажными ароматами. Стояла тишина – слышался лишь дробный топот Астера да редкие удары подков кобылы.

Кадаль крикнул, чтобы я остановился. Я послушался не сразу, и топот кобылы участился и приблизился. Астер насторожил уши, потом снова прижал их и попытался прибавить ходу. Я натянул поводья. Остановить его было нетрудно: он уже вспотел и немного устал. Он перешел

на рысь, потом остановился и смирно стоял, ожидая, пока подъедет Кадаль. Гнедая кобыла тоже остановилась. Теперь единственным звуком в лесу было шумное дыхание лошадей.

– Ну, – сказал Кадаль, – получил что хотел?

– Да, – ответил я. – Только ты слишком быстро остановил меня.

– Надо возвращаться, а то к ужину опоздаем. А он шустрый, твой пони. Обрато тоже первым поедешь?

– Да, если можно.

– Я же говорю, это без вопросов, делай что хочешь. Тебя, конечно, не отпускают одного, но ведь это потому, что ты еще мальчик, и я должен следить, чтобы с тобой ничего не случилось, только и всего.

– А что со мной может случиться? Дома я всегда ездил повсюду один.

– Но ты же не дома. Ты еще здесь всех мест не знаешь. Ты можешь заблудиться или упасть с лошади и сломать ногу. Так и будешь валяться где-нибудь в лесу...

– Вряд ли такое может случиться, Кадаль. Тебе просто приказали следить за мной. Так ведь?

– Не следить, а присматривать.

– А, все одно! Я ведь слышал, как тебя зовут: «Сторожевой пес».

– Не надо смягчать! – проворчал Кадаль. – «Черный пес Мерлина» – вот как меня зовут, я сам это слышал. Но я не против, не думай. Я делаю то, что он мне велит, и не задаю вопросов. Но мне жаль, если тебе это досаждает.

– Нет, Кадаль! Что ты... Я не то имел в виду. Все в порядке. Только... только... Кадаль!

– Да?

– Так, значит, я все-таки заложник?

– Не могу сказать, – ответил Кадаль деревянным голосом. – Ну что, проезжай, что ли?

В том месте, где остановились наши лошади, дорога была узкая: посредине разлилась глубокая лужа, и в мутной воде отражалось ночное небо. Кадаль натянул поводья и заставил свою кобылу отступить назад, в кусты, что росли вдоль дороги, а я выслав Астера вперед, мимо кобылы. Мой пони не любил лишний раз мочить ноги. Когда объемистый круп кобылы уперся в сплетение дубовых и каштановых ветвей, в чаще внезапно раздался треск ломаемых сучьев, и какой-то зверь выскочил из подлеска чуть не под самым брюхом кобылы и перебежал дорогу перед носом моего пони.

Обе лошади испугались. Кобыла всхрапнула и рванулась вперед, натягивая повод. Астер дико взбрыкнул, едва не выбросив меня из седла. И тут кобыла толкнула его, пони споткнулся, метнулся в сторону и таки сбросил меня.

Я тяжело приземлился у самой лужи, на мягкую лесную подстилку, но рядом с колючим сосновым пнем: еще бы несколько дюймов, и мне несдобровать. А так я отделался несколькими царапинами и парой синяков, если не считать подвернутой лодыжки. Когда встал на четвереньки и попытался опереться на ногу, меня пронзила такая острая боль, что черный лес вокруг поплыл.

Кобыла еще не перестала брыкаться, а Кадаль уже спрыгнул на землю, забросил поводья на сук и склонился надо мной.

– Мерлин... господин Мерлин... ты не ранен?

Я расцепил сжатые зубы и принялся неуклюже растирать руками лодыжку.

– Нет. Вот только нога...

– Дай гляну... Нет, сиди тихо. Клянусь собакой, Амброзий с меня за это шкуру спустит!

– Кто это был?

– Кабан, похоже. Для оленя мелковат, для лисы слишком велик.

– Да, я так и подумал. По запаху понял. Что там с пони?

– Да он, наверно, уж на полпути к дому. И надо ж тебе было выпустить поводья!

– Извини. Перелом?

Его руки осторожно ощупывали мою лодыжку.

– Да нет, не похоже... Нет, точно нет. Ты сам-то в порядке? Ну-ка попробуй встать... Кобыла довезет нас обоих, а я хочу по возможности вернуться домой прежде, чем твой пони вернется без всадника. Если Амброзий его увидит, меня точно скормят миногам.

– Ты же не виноват! Неужели он так несправедлив?

– Он решит, что я виноват. И будет прав. Ну, вставай.

– Нет, погоди. И не беспокойся насчет Амброзия. Пони не убежал, он остановился и стоит на дороге. Поди и приведи его.

Кададь склонился надо мной. Я видел его смутный силуэт на фоне неба. Он поднял голову и посмотрел в ту сторону, куда я указал. Кобыла стояла смирно, только прядала ушами и нервно косила глазом. В лесу было тихо – лишь где-то ухала сова да вдалеке, на грани слышимости, эхом отозвалась ей другая.

– Да тут в двадцати футах ничего не видно! – сказал Кададь. – Я его не вижу. Ты что, слышал, как он остановился?

– Да.

Я лгал, но сейчас было не время и не место объяснять правду.

– Ступай и приведи его. Пешком. Он не успел убежать далеко.

Он уставился на меня, потом без единого слова поднялся на ноги и пошел по дороге. Я видел его изумленное лицо так же отчетливо, как при дневном свете. Мне вдруг вспомнилось лицо Кердика тогда, в Королевской Башне. Я прислонился к пню. Я чувствовал, как болят мои ушибы, лодыжка ныла, но, несмотря на все это, на меня нахлынули восторг и свобода, которые приносит с собой сила. Ощущение было такое, словно я хлебнул горячего вина. Теперь я знал, что не случайно поехал этой дорогой. Это был час, когда ни тьма, ни расстояние, ни время не имеют значения. У меня над головой через дорогу медленно проплыла сова. Кобыла настоярилась и проводила ее взглядом – но не испугалась. В небе попискивали летучие мыши. Я подумал о хрустальном гроте, о том, как Галапас принял мой рассказ о видении. Он не смутился, даже не удивился. Я внезапно подумал, а что сказал бы об этом Белазий. И понял, что он бы тоже не удивился.

Копыта упруго ступали по мягкому дерну. Сперва я увидел Астера – он приближался ко мне, как серый призрак; Кададь рядом с ним казался черной тенью.

– Он в самом деле остановился, – сказал Кададь, – и не без причины – здорово хромает. Должно быть, растянул ногу.

– Ну, по крайней мере, он не доберется домой раньше нас.

– Неприятности у нас все равно будут, когда бы мы ни вернулись, можешь быть уверен. Давай сюда, я подсажу тебя на Руфу.

Он подал мне руку. Я осторожно поднялся на ноги. Когда я пытался наступить на левую ногу, она по-прежнему отзывалась резкой болью, но я чувствовал, что это не более чем растяжение и скоро пройдет. Кададь усадил меня на кобылу, отвязал поводья от сука и дал их мне. Потом цокнул языком Астеру и медленно повел его вперед.

– Ты чего? – спросил я. – Что, кобыла двоих не выдержит?

– А зачем? Ты же видишь, как он хромает. Его все равно придется вести. Я поведу его впереди, чтобы он задавал шаг. А кобыла пускай идет следом. Ты там как?

– Спасибо, отлично.

Серый пони в самом деле здорово хромал. Он медленно шел рядом с Кададем, опустив голову. В темноте он казался клубом дыма. Кобыла тихо шагала вслед за ним. Я рассчитал, что нам понадобится не меньше двух часов, чтобы добраться домой – даже без того, что ожидало нас впереди.

Это тоже было своего рода одиночество: вокруг стояла тишина – лишь мягкий топот лошадиных копыт, поскрипывание сбруи да лесные шорохи. Кададь был лишь тенью рядом с движущимся туманным силуэтом Астера. Я слегка покачивался, восседая на большой кобыле, и пребывал наедине с тьмой и деревьями.

Мы прошли, наверно, с полмили, когда я увидел справа, в ветвях большого дуба, немигающую белую звезду.

– Кададь, а нет ли более короткой дороги? Помнится, у этого дуба была тропа, ведущая на юг. Туман рассеялся, ночь звездная... Погляди, вон Медведица!

Из темноты послышался голос Кадаля:

– Нет уж, идем лучше к дороге!

Но через несколько шагов он остановился у начала этой тропы и подождал кобылу.

– А что, хорошая тропа! – сказал я. – Прямая, ровная и куда суше этой. Все, что нужно, – это идти так, чтобы Медведица постоянно была за спиной. И через пару миль мы уже почувствуем запах моря. Ты что, здешних троп не знаешь?

– Да знаю! Этой дорогой и впрямь короче будет, если только не собьемся... Ну ладно.

Я услышал, как он выдвинул из ножен свой короткий колющий меч.

– Вряд ли что-то может случиться, но на всякий случай лучше быть начеку. Так что помалкивай и держи наготове нож. И вот что я тебе скажу, маленький Мерлин: если что-то случится, скачи домой и не оглядывайся. Я с этим сам разберусь. Понял?

– Снова приказ Амброзия?

– Если хочешь – да.

– Ну ладно, обещаю, что в случае чего удеру от тебя без оглядки, если тебе так спокойнее. Но только ничего не случится.

– Можно подумать, ты это наверняка знаешь! – проворчал Кададь.

– Знаю, знаю! – рассмеялся я.

Он покосился на меня – его глаза блеснули в звездном свете, а рука дернулась сделать охранительный жест. Потом он молча повернулся и повел Астера по тропе, ведущей на юг.

Глава 8

Несмотря на то что тропа была достаточно широка, чтобы два всадника могли ехать по ней бок о бок, мы шли гуськом. Бурая кобыла принаравливала свой широкий, плавный шаг к мелким шажкам хромающего пони.

Похолодало. Я закутался в свой плащ. Туман рассеялся совершенно, небо очистилось, на нем показались звезды, и дорога стала виднее. Вокруг возвышались огромные деревья – по большей части дубы, огромные древние великаны, стоявшие довольно далеко друг от друга, а между ними густо росли молодые деревца, и омела сплеталась с голыми плетями жимолости и зарослями терна. Тут и там на фоне неба густо чернели сосны. Временами слышалось шлепанье срывающихся с листьев капель. Один раз откуда-то донесся писк мелкого зверька, умирающего в когтях совы. В воздухе пахло сыростью, грибами, палой листвой – густой, сытный запах.

Кададь шагал молча, глядя на тропу, – временами под ноги попадались обломанные сучья. За ним, раскачиваясь в седле кобылы, ехал я, охваченный все той же пьянящей, окрыляющей силой. Впереди нас ожидало нечто, и я знал, что меня ведут к нему так же верно, как когда-то мерлин привел меня к пещере у Королевской Башни.

Руфа насторожила уши, тихонько фыркнула и вскинула голову. Кададь ничего не услышал, а серый пони был слишком поглощен своей хромотой и не подал виду, что чует других лошадей. Но я знал, что они здесь, еще прежде, чем их почуяла Руфа.

Тропа повернула и мягко пошла под уклон. Деревья по обе стороны слегка расступились, так что ветви больше не смыкались над головой и стало светлее. Теперь тропа шла в ложбине,

и по обе стороны возвышались склоны, покрытые скалами и валунами, меж которых летом, должно быть, цвела наперстянка и росли папоротники, но теперь торчали лишь голые и колючие плети ежевики. Когда мы спускались по склону, под копытами лошадей хрустели камешки.

Внезапно Руфа, не сбавляя шага, вскинула голову и протяжно заржала. Кададь чертыхнулся и остановился как вкопанный. Кобыла поравнялась с ним и тоже встала, задрала голову, насторожив уши, глядя в лес, вправо от нас. Кададь схватил ее под уздцы, заставил опустить голову и зажал ей ноздри под мышкой. Астер тоже вскинул голову, но не издал ни звука.

– Лошади, – тихо сказал я. – Чуешь, Кададь?

Кададь пробормотал что-то вроде: «Чуешь! Должно быть, у тебя нюх, как у лисицы» – и торопливо потянул кобылу с дороги.

– Возвращаться поздно, они уже услышали эту чертову кобылу. Лучше спрятаться в лесу. Я остановил его.

– Не надо. Ничего не случится, я уверен. Поехали.

– Ты говоришь так убежденно, словно наверняка знаешь. Но откуда бы тебе...

– Я знаю. В любом случае, если те люди хотели с нами что-то сделать, они бы это давно сделали, ведь им известно, что у нас только две лошади и одна из них хромает.

Но Кададь все еще колебался, не отпуская рукоять своего короткого меча.

У меня по спине ползли мурашки от возбуждения. Я видел, куда смотрит кобыла: в сторону сосновой рощицы шагах в пятидесяти впереди, на холмике над тропой. Сосны выступали черным силуэтом даже на фоне черного леса. Внезапно я почувствовал, что больше ждать не в силах, и нетерпеливо сказал:

– Ты как хочешь, а я поехал!

Я вырвал у него поводья Руфы и пнул кобылу здоровой ногой, так что она сразу пустилась рысцой, обогнав серого пони. Я направил ее наверх, в рощу.

Лошади были там. Над просветом в густых кронах горела россыпь звезд, и я отчетливо видел лошадей. Их было всего две; они стояли неподвижно, опустив головы, и маленькая фигурка, закутанная от холода в длинный плащ с капюшоном, прижимала их морды к груди. Когда человек обернулся взглянуть, кто едет, капюшон упал у него с головы, и во мраке открылся бледный овал лица. Больше никого в роще не было.

На миг мне показалось, что черный конь, стоявший ближе ко мне, жеребец Амброзия, но когда он высвободил морду из плаща, я увидел у него на лбу белую звездочку и в мгновение ока понял, зачем судьба привела меня сюда.

За спиной у меня ругающийся Кададь взобрался по склону, таща в поводу Астера. В руке у Кадаля блеснул меч.

– Кто это?

Я, не оборачиваясь, тихо ответил:

– Убери оружие. Это Белазий... По крайней мере, лошадь его. И еще одна, и мальчик. И все.

Кададь подошел ко мне, опуская на ходу меч в ножны.

– Ты прав, клянусь собакой! Я эту белую плешинку за милую признаю.

– Эй, Ульфин, привет! А где твой хозяин?

Я даже за шесть шагов услышал, как мальчик испустил вздох облегчения.

– Ох, Кададь, это ты! Господин мой Мерлин... Я слышал, как заржала ваша лошадь... Я думал... Здесь никто никогда не ездит...

Я подъехал поближе и взглянул на него сверху вниз. Его запрокинутое лицо было блее мела, глаза – огромные, расширенные... Он все еще чего-то боялся.

– Белазий, похоже, ездит, – сказал я. – Зачем?

– Он... он мне не говорит, господин...

– Ну, нечего дурака валять! – перебил его Кададь. – Я думаю, чего ты о нем не знаешь, того и знать не стоит. Ты ведь все время при нем, днем и ночью, это все знают. Давай, выкладывай. Где твой хозяин?

– Я... он скоро вернется...

– Ну, мы его ждать не станем, – сказал Кададь. – Нам нужна лошадь. Ступай, скажи ему, что мы здесь, господин Мерлин ранен, его пони охромел, а нам нужно побыстрее добраться домой... Ну, чего стоишь? Что с тобой такое?

– Я не могу! Он сказал, чтобы я за ним не ходил. Он запретил мне уходить отсюда.

– Так же как запретил нам сворачивать с дороги, если мы поедem в эту сторону? – спросил я. – Да, конечно. Тебя Ульфин зовут? Так вот, Ульфин, дело не в лошади. Я хочу знать, где Белазий.

– Я... я не знаю.

– Но ты, по крайней мере, видел, в какую сторону он поехал?

– Н-нет, господин...

– Клянусь собакой, – воскликнул Кададь, – какое тебе дело, где он? Нам нужна лошадь. Слушай, парень, подумай головой. Мы не можем полночи ждать здесь твоего хозяина. Нам надо домой. Если ты ему скажешь, что лошадь понадобилась господину Мерлину, он тебя живьем не съест, верно?

Мальчик начал что-то мямлить.

– Ну так что, – перебил его Кададь, – может, нам самим съездить попросить у него разрешения?

Мальчишка дернулся и сунул кулак в рот, отчего сразу стал похож на дурачка.

– Нет... Не надо... Не надо!

– Клянусь Митрой! – сказал я (я в то время пристрастился к этой клятве, подражая Амброзию, который изредка употреблял ее). – Что он там делает? Режет кого, что ли?

И тут раздался вопль.

Это не был крик боли, нет – хуже: это был крик смертного ужаса.

Мне показалось, что в этом вопле прозвучало какое-то слово, как будто человек понял, что ему угрожает, – но я этого слова не знал. Крик все нарастал – казалось, тот, кто издает его, вот-вот разорвется от натуги, – потом вдруг внезапно оборвался, словно кричавшего ударили по лицу. В наступившей жуткой тишине слабым эхом этого крика казалось судорожное дыхание маленького Ульфина.

Кададь застыл – одна рука на мече, другая сжимает поводья Астера. Я резко развернул кобылу и хлестнул ее поводьями по шее. Она рванулась вперед так, что я чуть не вылетел из седла, и понеслась меж сосен к тропе. У меня над головой проносились ветви. Я распластался на шее кобылы, вцепился рукой в узду и висел на ней, словно клещ. Ни Кададь, ни мальчик не сдвинулись с места и не издали ни звука.

Кобыла, спотыкаясь и скользя, спустилась со склона, и, выехав на дорогу, я увидел другую тропу. Это было так естественно, что я даже не удивился и ни о чем не подумал. Тропа была узкая, заросшая и вела через дорогу в сторону, противоположную сосновой роще.

Я натянул повод, а когда кобыла заупрячилась и собралась свернуть на широкую тропу, ведущую к дому, я еще раз хлестнул ее. Она прижала уши и галопом ринулась по тропе.

Тропа кружила и петляла, так что нам почти тотчас же поневоле пришлось замедлить бег. Кобыла перешла на тяжелый короткий галоп. Мы двигались в том направлении, откуда донесся ужасный крик. Даже сейчас, в звездном свете, было видно, что по этой тропе совсем недавно кто-то прошел. По ней ходили так редко, что она почти вся заросла зимней травой и вереском, но кто-то только что пробивался через эти заросли. Тропа была такой мягкой, что даже скачущая лошадь двигалась почти бесшумно.

Я напряг слух – не скачет ли за мной Кадаль? – но его не было слышно. Мне только теперь пришло в голову, что они с мальчиком могли решить, что я испугался этого вопля и сбежал домой, как и приказывал мне Кадаль.

Я заставил Руфу перейти на шаг. Она охотно замедлила бег, вскинула голову и снова насторожила уши. Кобыла дрожала: она тоже слышала этот вопль. Впереди, шагах в трехстах, показалась прогалина; там было так светло, что я подумал, что лес, должно быть, кончается. Я насторожился, но впереди не было заметно никакого движения.

И вдруг я услышал впереди пение – такое тихое, что мне пришлось напрячь слух, чтобы убедиться, что это не ветер и не шум моря.

По спине у меня поползли мурашки. Теперь я понял, где сейчас Белазий и почему Ульфин так боится. И почему Белазий сказал нам, чтобы мы не сворачивали с дороги и вернулись домой до темноты.

Я выпрямился в седле. Мою кожу окатывало мелкими волнами жара – словно порывы ветра пролетают над водой. Дыхание мое участилось. Я подумал, уж не страх ли это, потом понял – нет, это от возбуждения. Я остановил кобылу, бесшумно соскользнул с седла, увел ее с тропы шага на три в лес, привязал к дереву и оставил там. Нога болела, когда я на нее наступал, но боль была вполне терпимой, и я вскоре забыл о ней, поспешно ковыляя в сторону просвета, туда, откуда слышалось пение.

Глава 9

Я был прав, когда думал, что море близко. Лес кончился, и я увидел перед собой морской залив, такой замкнутый, что поначалу я решил было, что это большое озеро. Но потом я ощутил соленый запах и увидел на узком галечном пляже скользкую полосу морских водорослей. Лес кончился резко; впереди виднелся глинистый обрыв, из которого торчали корни деревьев – берег был подмыт приливами. Узкий пляж покрывала галька, но местами, там, где в море впадали ручьи, расходились веером светлые полосы чистого песка. Вода в бухте была очень спокойной, словно лед еще не успел растаять после морозов, и впереди, бледной полоской на фоне темного леса, виднелся выход в открытое море. Справа, на юге, вздымался темный холм, поросший лесом; на севере, где склон был более пологим, росли большие дубы. Этот залив на первый взгляд казался превосходной гаванью, но он был очень мелок, и сейчас, при отливе, из воды выступали черные скалы и валуны, покрытые водорослями, блестящими в звездном свете.

В середине бухты лежал остров – точно в центре, так что я даже подумал было, что он рукотворный. Хотя островом он оказывался только во время прилива, а сейчас это был полуостров: овальный клочок суши, соединенный с берегом грубой дорожкой из камней. Вот она-то явно была создана человеческими руками. Она шла к острову, словно причальный канат к носу корабля. В ближайшем из мелких заливчиков, образованных дорожкой и берегом, лежали у воды несколько маленьких лодочек – кожаных челноков, – словно тюлени, выбравшиеся на сушу.

Здесь, у воды, все еще лежал туман – он висел на ветвях, словно рыбачьи сети, развешенные для просушки. Туман плыл над поверхностью воды, медленно расползаясь и истаявая, чтобы снова сгуститься где-нибудь в другом месте, и тихо курился над водой. У острова туман лежал так густо, что казалось, будто он плывет в облаках, и бледный свет звезд, отражаясь от тумана, освещал все достаточно ярко.

Остров был даже не овальной, а яйцевидной формы: он сужался к той стороне, куда вела дорожка, а к дальнему концу расширялся, и там поднимался небольшой холмик правильной формы, похожий на улей. Холмик был окружен кольцом стоячих камней, разорванным лишь

в одном месте, так что проем образовал как бы ворота, к которым от дорожки вела колоннада стоячих камней.

Все было тихо и неподвижно. Если бы не темные силуэты лодок на берегу, я мог бы подумать, что этот вопль и пение лишь почудились мне. Я стоял на самом краю леса, обхватив левой рукой молодой ясень и опираясь на правую ногу. Глаза мои так привыкли к темноте, что мне казалось, что на острове светло как днем.

У подножия холма, там, где кончалась колоннада, внезапно появился огонек факела. Он на миг озарил отверстие в склоне холма и перед ним – человека в белом платье, держащего факел. Я только теперь увидел, что клубы тумана у подножия кромлеха на самом деле неподвижные фигуры, тоже облаченные в белое. Когда вышел из холма поднял факел, снова послышалось тихое пение со странным, неуловимым, блуждающим ритмом. Потом человек с факелом снова как бы ушел под землю. Я понял, что отверстие в склоне ведет в глубь земли и человек спускается по ступенькам в сердце холма. Прочие двинулись вслед за ним, толпясь у входа и исчезая, словно дым, уходящий в дверцу печи.

Пение продолжалось, но такое слабое и приглушенное, что теперь оно было больше похоже на гудение пчел в зимнем улье. Мелодии не было слышно – лишь ритм слабо трепетал в воздухе, ощутимый скорее кожей, чем на слух. Мало-помалу он становился все напряженнее и быстрее и в конце концов сделался жестким и учащенным – и сердце мое забилося быстрее вместе с ним...

Внезапно все затихло. Наступила тишина – полная тишина, но такая томительная, что у меня в горле встал ком от напряженного ожидания. Я обнаружил, что вышел из леса и стою на краю обрыва над берегом, расставив ноги и крепко упершись в землю, словно мое тело вросло корнями в почву и всасывало жизнь, как корни деревьев всасывают земные соки. И подобно тому как растет и набухает почка на дереве, во мне росло и набухало напряжение, текущее из недр острова по пуповине дорожки и прорывающееся сквозь плоть и дух, так что, когда наконец раздался крик, мне почудилось, что это кричу я сам.

На этот раз крик был другой – тонкий, пронзительный, он мог означать все, что угодно, – от торжества до покорности и боли. Смертный крик, но не вопль жертвы, а крик убийцы.

И – тишина. Ночь была безмолвной и неподвижной. Остров казался закрытым ульем, и неизвестно, что ползало и гудело там внутри.

Потом предводитель – я решил, что это он, хотя на этот раз он был без факела, – внезапно возник в проходе, подобно призраку, и поднялся по ступеням. За ним вышли остальные, шагая друг за другом безмолвной процессией, медленной, ровной поступью. Они сходились и расходились, сплетая фигуры некоего танца, и наконец снова остановились, выстроившись двумя рядами вдоль кромлеха.

И снова наступила мертвая тишина. Потом предводитель вскинул руки.

И, словно повинаясь его сигналу, над холмом появился край луны, белый и сияющий, как клинок.

Предводитель снова закричал – и этот третий крик был приветственным и торжествующим. Он воздел руки над головой, как бы протягивая небу то, что он держал.

Толпа ответила ему. Сперва отозвался один ряд, затем другой.

Потом, когда луна оторвалась от вершины холма, жрец опустил руки, обернулся и протянул собравшимся то, что прежде предлагал богине. Толпа обступила его.

Внимательно наблюдая за церемонией, вершившейся в центре острова, я не заметил, как туман поднялся выше и заполз в самую колоннаду. Теперь мне снова казалось, что на острове толпятся не люди, а клубы тумана, которые скользят над землей, расходятся, расползаются...

Внезапно я осознал, что они и в самом деле расходятся. Толпа рассыпалась на мелкие группки, и люди по двое и по трое медленно спускались вниз, временами исчезая в тенях, которые отбрасывали стоячие камни в свете луны. Люди направлялись к лодкам.

Понятия не имею, сколько времени это все продолжалось, знаю только, что, очнувшись, я обнаружил, что все тело у меня застыло и там, где плащ сполз с плеча, одежда промокла от тумана. Я встряхнулся, как пес, и снова отступил и укрылся за деревьями. Возбуждение покинуло меня, вытекло из духа и тела вниз по ногам, и мне стало пусто и стыдно. Я смутно понимал, что это что-то иное – не та сила, которую я научился впивать и хранить в себе: сила не оставляет по себе подобного чувства. После прилива силы ощущаешь себя легким, свободным и острым, словно наточенный клинок, а сейчас я казался себе опорожненным горшком, еще липким и воняющим тем, что в нем было.

Я наклонился – тело все еще гнулось с трудом, – сорвал пучок бледной и влажной травы и вытер ею руки, а потом омыл лицо каплями росы, висевшими на листьях. Роса пахла листвой и сырым воздухом. Мне вспомнился Галапас, священный источник и продолговатый ковшик из рога... Я вытер руки плащом, закутался в него и вернулся к своему ясеню.

Залив покрылся множеством удаляющихся лодок. Остров опустел – теперь на нем не было никого, кроме высокого человека в белом, что спускался по тропе меж стоячих камней. Он то исчезал в тумане, то вновь появлялся. Он шел не к лодкам, а напрямик к дорожке, ведущей на берег, но, дойдя до последнего камня, он остановился в его тени – и исчез.

Я стоял и ждал, не ощущая ничего, кроме усталости. Больше всего мне сейчас хотелось напиться чистой воды и оказаться в своей теплой, уютной комнате. Вся магия исчезла; ночь была пресной, словно старое, прокисшее вино. Через несколько мгновений я увидел, как человек вновь выступил на свет. Теперь он был в черном. Он всего-навсего сбросил свое белое одеяние и теперь нес его, перекинув через руку.

Последняя лодка растаяла во тьме. Одиноким человеком быстро шагал по дорожке. Я отошел от дерева и спустился на берег навстречу ему.

Глава 10

Белазий увидел меня прежде, чем я выступил из-за деревьев. Он ничего не сказал, но, выйдя на берег, повернул в мою сторону. Не спеша подошел и остановился передо мной, глядя на меня сверху вниз.

– А! – сказал он вместо приветствия, без малейшего удивления. – Мне следовало бы догадаться. И давно ты здесь?

– Не знаю, – ответил я. – Время прошло незаметно. Мне было интересно.

Белазий ничего не сказал. Луна светила ему в правую щеку. Я не видел его глаз – они были скрыты опущенными длинными веками, – но в его голосе и во всем облике ощущалось почти сонное спокойствие. Я и сам чувствовал себя так же после того последнего крика. Стрела слетела с тетивы, и тетива спущена...

Белазий не обратил внимания на мое вызывающее замечание. Он просто спросил:

– Что привело тебя сюда?

– Я ехал мимо и услышал крик.

– А! – снова сказал он. – Откуда?

– От сосновой рощи, где ты оставил лошадей.

– А зачем ты сюда приехал? Я ведь говорил вам, чтобы вы не сворачивали с дороги!

– Я знаю, но мне хотелось проехаться галопом, и мы свернули на поперечную дорогу, а Астер повредил ногу, и обратно его пришлось вести. Он шел медленно, а время было позднее, и мы решили сократить путь.

– Понятно. А Кададь где?

– Наверно, он решил, что я поскакал домой, и отправился следом. Во всяком случае, сюда он за мной не поехал.

– Очень разумно с его стороны, – сказал Белазий. Его голос по-прежнему был сонным, но теперь он был вкрадчиво-сонным, как у дремлющего кота – бархатные лапы, скрывающие стальные когти. – Но несмотря на... на то, что ты слышал, тебе и в голову не пришло броситься домой?

– Конечно нет!

Глаза его на миг блеснули из-под длинных ресниц.

– Конечно?

– Я должен был узнать, что происходит.

– Ты знал, что я здесь?

– Я понял это, только когда увидел Ульфина с лошадьми. И не потому, что ты сказал мне не сворачивать с дороги. Но я, скажем так, знал, что в лесу этой ночью должно произойти нечто важное, и мне нужно было узнать, что именно.

Белазий снова посмотрел на меня. Я был прав, когда думал, что он не удивится.

– Ну, пошли. Здесь холодно, я хочу надеть плащ.

И направился вперед. Галька хрустела у него под ногами. Он спросил, обернувшись через плечо:

– Насколько я понимаю, Ульфин все еще там?

– Думаю, да. Ты его здорово запугал.

– Ему нечего бояться до тех пор, пока он держится в стороне и ничего не знает.

– Так он и в самом деле ничего не знает?

– Знает он или нет, – ответил Белазий безразличным тоном, – у него хватает ума держать язык за зубами. Я обещал ему, что, если он будет повиноваться мне беспрекословно, я вовремя отпущу его, чтобы он успел скрыться.

– Скрыться? От чего?

– От смерти, когда я умру. Обычно слуги жрецов отправляются вместе с ними.

Мы шли по тропе бок о бок. Я взглянул на Белазия. Он был в черном одеянии, более изящном, чем то, которое мне приходилось видеть дома, в Маридунуме; даже Камлах не одевался так красиво. На нем был пояс тисненой кожи, видимо, итальянской работы, а на плече горела в лунном свете большая круглая брошь – сплетение золотых кругов и змей. Даже под таинственным налетом, каким покрыли его события этой ночи, он выглядел утонченным и образованным римлянином. Я спросил его:

– Извини, Белазий, но тебе не кажется, что подобные обычаи древнее египетских пирамид? Даже у нас в Уэльсе это считается устаревшим.

– Быть может. Но ведь и сама богиня стара. Она любит, чтобы ей служили так, как она привыкла. А наши обряды почти такие же древние, как она сама, и ни песни, ни камни не помнят, когда они возникли. Задолго до того, как служители Митры убивали быков в Персии, до того, как они явились на Крит, до того, как из Африки пришли небесные боги и люди возвели для них эти стоячие камни, богиня жила здесь, в своей священной роще. Теперь лес закрыт для нас, и мы собираемся где можем. Но везде, где живет богиня, будь то в камне, в дереве или в пещере, есть священная роща, что зовется Немет, в ней мы совершаем жертвоприношения. Я вижу, что ты понимаешь меня.

– Понимаю. Меня учили этому дома, в Уэльсе. Но у нас уже лет сто не совершали жертвоприношений, подобных тем, что вы совершили сегодня.

В его голосе не было и тени переживаний.

– Его убили за святотатство. Разве тебе не говорили... – Он остановился как вкопанный и схватился за кинжал. Его тон переменялся. – Это лошадь Кадаля!

Он вертел головой из стороны в сторону, словно пес, вынюхивающий дичь.

– Это я на ней приехал. Я же тебе говорил, что мой пони охромел. Кададь, наверно, поехал домой, взяв одну из твоих лошадей.

Я отвязал кобылу и вывел ее на тропу, открытую лунному свету.

Белазий сунул кинжал в ножны, и мы пошли дальше. Кобыла тыкалась мордой мне в плечо. Нога у меня почти прошла.

– Значит, и Кадаля тоже надо было убить? – спросил я. – Стало быть, дело не только в святотатстве? Ваши церемонии такие тайные оттого, что они так священны, или потому, что они запрещены? А, Белазий?

– И то и другое. Мы собираемся там, где можно. Сегодня вот собирались на острове – это место достаточно безопасное, в ночь равноденствия сюда обычно ни одна душа и близко не подходит. Но если это дойдет до Будека, у нас будут неприятности. Человек, которого мы убили этой ночью, был одним из людей короля. Его держали здесь восемь дней, и шпионы Будека уже ищут его. Но он должен был умереть.

– А теперь они его найдут?

– Найдут. Далеко отсюда, в лесу. Они решат, что его растерзал дикий вепрь. – Он снова искоса взглянул на меня. – Можно сказать, что он умер легко. В старые времена ему бы вырезали пуп и гоняли бы вокруг священного дерева, пока кишки не намотаются на него, словно шерсть на веретено.

– А Амброзий знает об этом?

– Амброзий тоже человек короля.

Некоторое время мы шли молча.

– Белазий, а что будет со мной?

– Ничего.

– Но разве подглядывать за тайным обрядом не святотатство?

– Не беспокойся, – сухо ответил Белазий. – У Амброзия длинные руки. Что это с тобой?

Я покачал головой. Я не смог бы объяснить этого словами даже самому себе. У меня возникло такое чувство, словно я стоял безоружным посреди битвы и вдруг мне в руку вложили щит.

– Тебе не было страшно? – спросил Белазий.

– Нет.

– Это похоже на правду, клянусь богиней! Да, Амброзий был прав. Ты отважен.

– Даже если и так, это не та отвага, которой стоит восхищаться. Когда-то я думал, что я лучше других детей, потому что не боюсь многого из того, чего боятся они. У меня, конечно, были свои страхи, но я умел держать их при себе. Я полагаю, это было что-то вроде гордости. Но теперь я начинаю понимать, почему даже тогда, когда я вижу впереди опасность и смерть, я смело иду вперед.

Белазий остановился. Мы были уже почти у самой рощи.

– И почему же?

– Потому что все это не для меня. Мне случалось бояться за других, но никогда – за себя. До сих пор не приходилось. Наверно, люди боятся неведомого. Они боятся боли и смерти, потому что это может подстергать их за каждым поворотом. Но я... я иногда вижу то, что скрыто, то, что ждет впереди. И я заранее знаю, где меня ждет боль и опасность, и мне известно, что смерть моя еще не пришла. Потому я и не боюсь. Это не отвага.

– Да, – медленно произнес Белазий. – Я знал, что ты обладаешь даром ясновидения.

– Это бывает со мной лишь изредка и приходит ко мне по воле бога, а не по моему желанию.

Я уже и так наболтал лишнего – Белазий был не тот человек, кому стоит рассказывать о своих богах. Чтобы сменить тему, я быстро сказал:

– Послушай, Белазий! Ульфин ни в чем не виноват. Он ничего нам не сказал и остановил бы меня, если бы мог.

– Ты хочешь сказать, что если кому-то придется заплатить за все, то это должен быть ты?

– Но ведь это же справедливо. И к тому же я могу себе это позволить. – Я смеялся над ним, прячась за своим невидимым щитом. – Какова же будет кара? Я думаю, у такой древней религии, как ваша, должны быть в запасе кое-какие менее суровые меры наказания? Что со мной будет? Быть может, я умру от колик этой ночью или меня растерзает вепрь в следующий раз, как я выеду в лес без своего «Черного пса»?

Белазий улыбнулся – в первый раз за все это время.

– Не думай, что тебе удастся уйти безнаказанным. Мне еще пригодиться ты и твой дар, можешь быть уверен. Амброзий не единственный, кто умеет использовать людей, я – тоже. Ты сказал мне, что тебя нечто влекло сюда сегодня ночью; это сама богиня привела тебя сюда, и ты станешь слугой богини.

Он положил руку мне на плечо.

– Да, Мерлин Эмрис, ты заплатишь за сегодняшнюю ночь, заплатишь той монетой, которая удовлетворит богиню. Богиня выследит тебя, как и любого, кто подсмотрел ее тайны, – но не затем, чтобы убить, о нет! Ты будешь не Актеоном, но Эндимионом, мой маленький, но способный ученик. Она примет тебя в свои объятия. Другими словами, ты будешь учиться до тех пор, пока я не возьму тебя с собой в святилище. И там ты предстанешь перед богиней.

«Ни за что! – хотелось ответить мне. – Даже если ты намотаешь мои кишки на все деревья в лесу». Но я промолчал. «Бери власть, кто бы тебе ее ни предложил», – сказал Амброзий. Мне вспомнилось, как я стоял там, у ясеня. Да, это тоже сила – своего рода. Посмотрим. Я отодвинулся от Белазия – очень вежливо – и пошел наверх, в рощу.

Ульфин и раньше был напуган, но, увидев меня вместе со своим хозяином и поняв, где я был, он почти утратил дар речи от страха.

– Господин... я думал, он уехал домой... На самом деле, господин, Кадаль говорил, что...

– Дай мне плащ, – сказал Белазий, – и положи это в сумку.

Он бросил наземь белое одеяние, которое нес на руке. Оно развернулось и упало рядом с деревом, к которому был привязан Астер. Пони взвился на дыбы и захрапел. Я подумал было, что он просто испугался белой тряпки, но потом увидел на белом темные пятна и брызги, заметные даже в сумраке рощи, и, несмотря на то что стоял довольно далеко, почуял запах дыма и свежей крови.

Ульфин машинально протянул хозяину плащ.

– Господин мой... – Он задышался от ужаса и оттого, что ему приходилось удерживать норовистого коня. – Кадаль взял выючную лошадь. Мы подумали, что господин Мерлин поехал в город. Правда, господин, я был уверен, что он поскакал в ту сторону! Я ему ничего не говорил, я клянусь...

– На седле кобылы Кадаля есть сумка. Положи одеяние туда. – Белазий набросил плащ на плечи и застегнул его, потом взял поводья. – Подсади меня!

Мальчик повиновался. Я видел, что он пытается не только оправдаться, но и понять, насколько Белазий разгневан.

– Господин, пожалуйста, поверь, я ничего не говорил! Клянусь всеми богами, что есть на свете!

Белазий словно не замечал его. Да, я знал, что он жесток; на самом деле за все время нашего знакомства мне ни разу не случилось видеть, чтобы Белазий подумал о чьей-то тревоге или боли; казалось, он даже не подозревал, что у людей – даже у свободных людей – могут быть какие-то чувства. Наверное, Ульфин для него сейчас был менее реален, чем эта лошадь. Белазий легко взлетел в седло, коротко приказал:

– Отойди. – Потом спросил меня: – Управишься ли ты с кобылой, если мы поедем галопом? Я хочу добраться домой прежде, чем Кадаль обнаружит, что тебя нет, и поставит на уши весь город.

– Попробую. А Ульфин?

– А что Ульфин? Ульфин поведет домой твоего пони.

Он развернул коня и направил его к дороге. Ульфин подбежал ко мне, чтобы затолкать в сумку окровавленный балахон, и поспешно подставил мне плечо: с его помощью мне кое-как удалось взобраться на лошадь и сесть в седло. Мальчик молча отступил назад. Я чувствовал, как он дрожит. Наверно, рабам свойственно бояться всего на свете. Мне пришло в голову, что ему страшно даже идти одному через лес.

Я осадил кобылу и наклонился к нему:

– Ульфин, он не сердится, тебе ничего не будет. Клянусь тебе. Так что не бойся.

– Ты... ты что-нибудь видел, господин мой?

– Ничего. – По-своему это было правдой. Я спокойно смотрел ему в глаза. – Вспышку темноты... и обычную луну. Вот и все. Но даже если бы я что-нибудь и видел, это не важно. Меня сделают посвященным. Теперь понимаешь, почему он не сердится? На, возьми.

Я достал из ножен свой кинжал и бросил его вниз, так что он воткнулся в землю меж сосновых игл.

– С ним тебе будет спокойнее, – сказал я, – но он тебе не понадобится. С тобой ничего не случится. Можешь мне поверить. Я знаю. Веди моего пони поосторожнее, ладно?

Я пнул кобылу в бока и направил ее вслед за Белазием.

* * *

Он ждал меня, то есть ехал сравнительно медленно. Когда я поравнялся с ним, он тотчас пустил коня в галоп. Кобыла рванулась следом. Я вцепился в узду и висел на ней, словно репей.

Тропа была достаточно открытая, так что мы хорошо видели дорогу в лунном свете. Она вела через лес к вершине холма, и нашим глазам на миг открылись городские огни. Потом тропа снова нырнула в ложбину, и через некоторое время мы выехали из леса на соленые прибрежные пустоши.

Белазий ничего не говорил и не замедлял скачки. Я держался за кобылу, глядя на дорогу из-за ее плеча, и размышлял, что мы можем встретить на дороге Кадаля, возвращающегося за мной с отрядом солдат. А может быть, он поедет один...

Мы с плеском перешли вброд ручей глубиной по бабки лошадям, а потом тропа, протоптанная в траве, свернула направо, к большаку. Теперь я понял, где мы; я видел эту тропу, когда мы ехали в лес, – она поворачивала с дороги сразу после моста на опушке леса. Скоро мы выедем к мосту.

Белазий придержал коня и оглянулся через плечо. Когда кобыла поравнялась с ним, он схватил ее за повод. Кони перешли на шаг.

– Слушай!

Лошади. Очень много лошадей; едут быстро, рысью, по мощеной дороге. В сторону города.

Послышался чей-то голос.

На мосту появилось множество факелов, и мы увидели их совсем рядом. Над головами воинов развевался штандарт. В свете факелов я увидел красного дракона.

Белазий перехватил повод моей лошади. Мы остановились.

– Люди Амброзия, – сказал он.

Вернее, начал говорить, когда моя кобыла звонко заржала и одна из лошадей в отряде ответила ей.

Отряд остановился. Приказ – и лошади галопом поскакали в нашу сторону. Белазий выругался сквозь зубы и отпустил мой повод.

– Ладно, теперь нам пора расстаться. Не теряйся и держи язык за зубами. Даже Амброзий не сможет защитить тебя от проклятия.

Он хлестнул кобылу по крупу, и она рванулась вперед, едва не выбросив меня из седла. Я был слишком занят тем, чтобы удержаться на лошади, и не видел, как Белазий уехал, но у меня за спиной раздался плеск: черный жеребец перешел ручей и исчез в лесу за несколько мгновений до того, как солдаты подъехали ко мне и окружили со всех сторон, чтобы отвести к своему офицеру.

В свете факелов под штандартом гарцевал серый жеребец. Один из солдат взял мою кобылу под уздцы и вывел меня вперед.

Он отдал честь.

– Только один человек, сударь. Он не вооружен.

Офицер поднял забрало. Голубые глаза расширились от изумления, и слишком хорошо знакомый мне голос Утера произнес:

– Ну да, кто же, как не ты! Ну, Мерлин-бастард, и что же ты делаешь здесь один? Где ты был?

Глава 11

Я ответил не сразу. Соображал, что говорить, а чего говорить не стоит. Любому другому офицеру я рассказал бы полуправду и тем отделался, но Утер, скорее всего, станет допрашивать меня с пристрастием. Для человека, который присутствовал на тайном и незаконном сборище, Утер был не просто офицер – он был опасен. У меня, конечно, не было причин выгораживать Белазия, но я не считал себя обязанным что-то рассказывать или объяснять кому-либо, кроме Амброзия. В любом случае в первую очередь надо отвести от себя гнев Утера.

Поэтому я посмотрел ему в глаза – с достаточно невинным выражением, как я надеялся.

– Мой пони охромел, господин, и я оставил с ним слугу, а сам взял лошадь слуги и поехал домой один.

Не успел он открыть рот, чтобы что-то сказать, я заслонился незримым щитом, который вложил мне в руки Белазий:

– Твой брат обычно посылает за мной после ужина, и мне не хотелось бы заставлять его ждать.

Он нахмурился, когда я упомянул об Амброзии, но сказал только:

– А почему ты едешь здесь в этот час? Почему не по дороге?

– Астер повредил ногу, когда мы были в лесу. Мы свернули на восток на перекрестке, там, где в лес уходит дорога, по которой возят бревна, и, когда возвращались, нам попалась тропа, ведущая на юг, и мы решили, что так будет короче, и пошли по ней. При луне дорога была хорошо видна...

– Что это за тропа?

– Я не знаю леса, сударь. Она ведет на холм и потом к броду – примерно в миле вниз по течению.

Он хмуро размышлял.

– Где ты оставил слугу?

– В начале этой тропы. Мы хотели удостовериться, что она ведет в нужную сторону, прежде чем я поеду дальше один. Он, наверно, сейчас поднимается на холм.

Говоря это, я молился всем богам, сбивчиво, но искренне, чтобы в этот момент со стороны города не появился разыскивающий меня Кададь.

Утер смотрел на меня. Конь гарцевал под ним, но всадник сидел на нем так, словно коня не существовало. Я впервые заметил, как он похож на брата. И еще я осознал, что в нем тоже есть некая сила, и, несмотря на свою юность, понял, что имел в виду Амброзий, когда говорил, что Утер – блестящий полководец. Он умел оценивать людей с ювелирной точностью. Я

чувствовал, что он видит меня насквозь, видит, что я лгу, не понимает, в чем дело, но хочет понять. И сделает все, чтобы узнать это.

Но пока что он заговорил со мной вполне доброжелательно, даже любезно:

– Ты ведь лжешь, не правда ли? Почему?

– Это правда, господин! Посмотри на моего пони, когда его приведут...

– Да нет, это-то как раз правда! Я не сомневаюсь, что твой пони действительно охромел.

И если я пошлю туда людей, они найдут Кадаля, который ведет его домой. Но мне хотелось бы знать...

– Не Кадаля, господин! – поспешно сказал я. – Кадаля сегодня был занят, и Белазий послал со мной Ульфина.

– Два сапога пара! – презрительно бросил Утер.

– Господин?

– Нечего играть со мной словами, ты, подстилка! – внезапно разъярился он. – Ты что-то скрываешь, и я хочу знать, что именно. Вранье я за милую душу!

Тут он взглянул мне за спину, и голос его переменялся.

– Что у тебя в сумке?

Он кивнул одному из солдат, стоявших рядом со мной. Из сумки торчал уголок Белазијева балахона. Солдат сунул руку в сумку и вытащил одеяние. На помятой белой ткани четко выделялись кровавые пятна. Не понять, что это за пятна, было невозможно. Даже сквозь смолистый дым факелов я чувствовал запах крови.

За спиной Утера встревоженно захрапели кони, и люди принялись переглядываться. Факельщики смотрели на меня косо, а стоявший у меня за спиной солдат что-то пробормотал себе под нос.

– Так вот в чем дело, клянусь всеми подземными богами! – выдохнул Утер. – Он один из них! Клянусь Митрой! И как я сразу не понял? От тебя же несет этим священным дымом! Ничего, ублюдок; ты прикрываешься именем моего брата и, видать, в большой у него силе? Посмотрим, что он скажет на это! Чем ты будешь оправдываться теперь? Отпираться бесполезно, не правда ли?

Я вскинул голову. Сидя на высокой кобыле, я смотрел Утеру прямо в глаза.

– Отпираться? Я не нарушал закона и не сделал ничего, что может не одобрить граф. А только это и имеет значение, господин мой Утер! Я все объясню графу.

– Тебе придется объяснить, клянусь Богом! Так это Ульфин водил тебя туда?

– Ульфин не имеет к этому никакого отношения! – резко ответил я. – В любом случае Ульфин – раб и делает то, что прикажу ему я.

Утер внезапно прищипил коня и надвинулся на мою кобылу. Он наклонился, схватил меня за грудки и подтянул к себе, едва не вытащив из седла. Его лицо приблизилось ко мне вплотную, его латный наколенник ободрал мне ногу, когда лошади сошлись вплотную.

– А ты будешь делать то, что велю я, понял? – процедил он сквозь зубы. – Кем бы ты ни был для моего брата, ты будешь повиноваться не только ему, но и мне! – Он еще сильнее стиснул руки и встряхнул меня. – Понял, Мерлин Эмрис?

Я кивнул. Он оцарапался о мою фибулу, выругался и отпустил меня. По его руке поползла струйка крови. Его взгляд упал на фибулу. Утер махнул рукой факельщику, и тот приблизился и поднял факел повыше.

– Он дал тебе это? Красного дракона?.. – И осекся; уставился на мое лицо и долго всматривался.

Глаза его изумленно расширились и, казалось, вспыхнули голубым огнем. Серый жеребец дернулся в сторону, и Утер резко натянул повод, так что полетели брызги пены.

– Мерлин Эмрис, – повторил он, на этот раз для себя, так тихо, что я едва расслышал его. И внезапно расхохотался, весело, звонко и заливисто, – я еще никогда не слышал, чтобы

он так смеялся. – Ну что ж, Мерлин Эмрис! Тебе все равно придется объяснить ему, где ты был сегодня ночью!

Он развернул коня и бросил через плечо своим людям:

– Поехали! Да приглядывайте за ним, чтобы он не упал! Похоже, мой братец им дорожит!

Пришпоренный серый конь рванулся вперед, и весь отряд помчался следом. Охранявшие меня солдаты скакали вместе со всеми, держа под уздцы мою кобылу, и я ехал между ними.

Одеяние друида осталось лежать в грязи, затоптанное копытами. Увидит ли его Белазий и поймет ли предостережение? Потом я забыл о нем. Мне еще предстояло объясняться с Амброзием.

* * *

Кададь был в моей комнате. Я вздохнул с облегчением.

– Хвала богам, что ты не вернулся за мной! Меня подобрали люди Утера, и он весь кипит, оттого что узнал, где я был.

– Знаю, – мрачно сказал Кададь. – Видел.

– В смысле?

– Я возвращался за тобой. Мне надо было убедиться, что у тебя хватило ума уехать домой, когда ты услышал этот... шум. На дороге тебя не было. Я еще подумал: быстро же ты едешь, я ведь и сам скакал так, что земля чуть не дымилась! А потом...

– А потом ты догадался, в чем дело? И где Белазий?

– Ага. – Кададь повернулся было, чтобы сплунуть через плечо, но потом опомнился и сделал знак от дурного глаза. – Ну вот, приезжаю я сюда, а тебя нету. Олух ты! Они ж тебя убить могли, с ними только спутайся!

– Тебя тоже. Но ты все же вернулся.

– А что мне оставалось делать? Жалко, что ты не слышал, как я тебя обзывал. «Придурок малолетний» – это было еще самое мягкое. Ну вот, я проехал где-то с полмили от города и увидел отряд, отъехал в сторону и подождал, пока они проедут. Знаешь ту старую, разрушенную почтовую станцию? Вот в ней-то я и спрятался. Видел, как ты ехал в хвосте, под стражей. Я догадался, что он все знает. В город я попал вслед за ними, но так, чтобы меня не заметили, пробрался домой короткой дорогой, переулками, только что вошел. Стало быть, он все узнал?

Я кивнул и стал расстегивать плащ.

– Ну, тогда держись! – вздохнул Кададь. – И как он догадался?

– Белазий сунул свой балахон в мою сумку, а они его нашли и решили, что это мой, – усмехнулся я. – Если бы его на меня примерили, им бы пришлось поломать голову! Но они не догадались, просто бросили его в грязь и там оставили. Ну и ладно.

Кададь опустил на колени, чтобы снять с меня сандалии, расстегнул один – да так и застыл с сандалией в руке.

– Ты что, хочешь сказать, что Белазий тебя видел? Он говорил с тобой?

– Да. Я его дождался, и мы вместе дошли до лошадей. Кстати, Астера ведет Ульфин.

Кададь не обратил на это внимания. Он уставился на меня. Лицо его заметно побелело.

– Утер Белазия не видел, – сказал я. – Тот вовремя улизнул. Он знал, что солдаты слышали только одну лошадь, и потому послал меня вперед, им навстречу; иначе бы они, наверно, пустились в погоню и поймали нас обоих. То ли он забыл, что это одеяние у меня, то ли понадеялся, что его не найдут. Любой другой на месте Утера ничего бы не заметил.

– Не стоило тебе связываться с Белазием. Да, дело хуже, чем я думал. Пусти, дай я расстегну. У тебя руки замерзли. – Он расстегнул фибулу с драконом и снял с меня плащ. – Но тебе ж надо было поглядеть своими глазами! Он человек опасный, да и все такие, если уж на то пошло, но он хуже всех.

– А ты что, знал, кто он такой?

– Ну, не то чтобы знал. Но догадывался. Это на него похоже. Неприятный они народ, не стоило тебе с ними связываться.

– По-моему, он главный друид или, по крайней мере, глава здешней секты. Фигура весомая. Да не беспокойся ты, Кадаль. Я думаю, он не причинит мне вреда и никому другому не позволит.

– Он тебе угрожал?

Я рассмеялся:

– Угрожал-угрожал! Проклятием!

– Это штука серьезная. Говорят, друиды могут послать вслед нож, и он будет преследовать тебя много дней подряд, а ты и знать не будешь. А потом он просвистит у тебя над ухом – и конец.

– Говорят много чего. Кадаль, нет ли другой туники, попроще? Мою лучшую тунику еще не принесли от прачки? Кроме того, надо помыться, прежде чем идти к графу.

Он покосился на меня, роясь в сундуке в поисках чистой туники.

– Утер, похоже, пошел напрямик к нему. Ты об этом знал?

Я рассмеялся:

– Ну конечно! Предупреждаю, Амброзию я расскажу все как было.

– Что, вообще все?

– Все как было.

– Ну, пожалуй, оно и к лучшему, – сказал Кадаль. – Может, кто-то сможет защитить тебя от них...

– Да нет, не в этом дело. Ему просто стоит об этом знать. Он имеет право. А потом, почему я должен что-то скрывать от него?

– Да, конечно, – неуверенно сказал Кадаль. – Но проклятие... Боюсь, от него тебя даже Амброзий не спасет.

– Да ну его, это проклятие!.. – сказал я и сделал жест, какой нечасто увидишь в благородных домах. – Забудь. Мы с тобой не сделали ничего дурного, а Амброзию я врать не собираюсь.

– Когда-нибудь тебе все же станет страшно, Мерлин!

– Быть может.

– Неужели ты совсем не боялся Белазия?

– А что, надо было? – поинтересовался я. – Он же мне ничего не сделает!

Я расстегнул пояс туники и бросил его на кровать. Потом снова взглянул на Кадаля:

– Кадаль! А тебе было бы страшно, если бы ты увидел свою собственную смерть?

– Конечно, клянусь собакой! А ты ее видел?

– Временами. Отрывками. И это видение наполняет меня страхом.

Он застыл на месте, глядя на меня. На лице его отражался ужас.

– И что же ты видишь?

– Пещеру. Хрустальный грот. Временами мне кажется, что это смерть, а иногда, наоборот, рождение и врата видений или темные области сна... не могу сказать. Но когда-нибудь я это узнаю. А до тех пор я, мне кажется, не боюсь почти ничего. Я знаю, что в конце меня ждет пещера, так же как тебя...

Я остановился.

– Ну? – быстро спросил Кадаль. – Что ждет меня?

Я улыбнулся:

– Я хотел сказать: «Как тебя ждет тихая старость».

– Не ври, Мерлин, – резко сказал он. – Я заметил, какие у тебя были глаза. Когда ты видишь что-то такое, у тебя глаза делают странные. Я это и раньше замечал. Зрачки расширяются, и взгляд становится каким-то рассеянным, сонным – но не мягким, наоборот: все лицо

у тебя делается холодным как сталь, такое чувство, что ты ничего вокруг себя не видишь и тебе все равно. И говоришь так, как будто не человек, а просто голос... Или словно сам куда-то исчезаешь, а через тебя говорит что-то другое. Как рог, в который дуют, чтобы извлечь звук. Я это и видел-то всего пару раз, и то на миг, но это так необычно, что мне всякий раз становилось не по себе.

– Мне тоже не по себе, Кадаль.

Я сбросил с себя зеленую тунику. Кадаль протянул мне серый шерстяной балахон, который я носил вместо ночной рубашки. Я рассеянно взял его и опустился на край кровати, уронив балахон на колени. Я говорил не столько с Кадалем, сколько с самим собой.

– Меня это тоже пугает. Ты прав, я действительно чувствую себя пустой раковиной, в которую дует кто-то другой. Я говорю, вижу и делаю такое, о чем прежде и понятия не имел. Но ты не прав, если думаешь, что мне все равно. Мне больно. Наверное, это оттого, что я не могу управлять тем, что говорит через меня... Когда-нибудь я научусь управлять этой своей способностью видеть и знать, этим богом во мне, и тогда это будет настоящая сила. Я буду знать, когда мои предсказания – просто обычные предчувствия, а когда это тень бога.

– Ты говорил о моей смерти. Что это было?

Я поднял голову. Как ни странно, лгать Кадалю было легче, чем Утеру.

– Я не видел твоей смерти, Кадаль. Я вообще не видел ничьей, кроме своей. Это было бестактно с моей стороны. Я собирался сказать, что тебя похоронят где-нибудь в чужой земле. – Я улыбнулся. – Я знаю, что для бретонца это хуже ада. Но я боюсь, что так оно и будет... если ты решишь остаться у меня на службе.

Лицо Кадаля прояснилось. Он улыбнулся. «Это настоящая сила, – подумал я, – если одно мое слово способно так утратить человека».

– Останусь, конечно, – сказал Кадаль. – Даже если бы он меня об этом не просил. С тобой легко. Служить тебе – одно удовольствие.

– Да? А помнится, ты говорил, что я малолетний придурок, еще и олух в придачу?

– Ну вот, я и говорю. Я никогда не посмел бы сказать это кому-то такому знатному, как ты, будь это кто-то другой, – это притом, что ты дважды королевского рода...

– Ну почему же дважды? Мой дед вряд ли может считаться...

Я осекся. Меня остановило выражение лица Кадаля. Он сказал это, не подумав, ахнул и поспешно зажал себе рот, словно пытался загнать свои слова обратно.

Он ничего не говорил, просто стоял передо мной с испачканной туникой в руках. Я медленно встал. Забытый балахон сполз на пол. Дальше говорить было незачем. Удивительно, как я не догадался об этом раньше, в тот миг, когда Амброзий появился передо мной в свете факелов и взглянул на меня сверху вниз. Он знал. И многие другие, видимо, тоже знали. Теперь я вспомнил, как люди оборачивались мне вслед, как перешептывались командиры, с каким почтением относились ко мне слуги... Я думал, что обязан этим приказу Амброзия, но теперь я понял, что это было почтение к Амброзиеву сыну.

В комнате было тихо, как в пещере. Жаровня вспыхнула, пламя взметнулось и отразилось в бронзовом зеркале на стене. Я посмотрел в ту сторону. В бронзовом зеркале, озаренном пламенем, мое обнаженное тело выглядело хрупким и туманным, каким-то нереальным, игрой пламени и тени. Но лицо мое было освещено; пламя подчеркивало черты, и я увидел его лицо таким, каким оно было в тот вечер, когда он сидел у огня в своей комнате, ожидая, когда меня приведут к нему, чтобы расспросить о Ниниане.

И снова дар ясновидения не помог мне. С тех пор я узнал, что люди, наделенные божественным зрением, часто бывают слепы к простым вещам.

– И что, все знают? – спросил я у Кадаля.

Он кивнул. Не спрашивая, что я имею в виду.

– Слухи ходят. Ты временами бываешь очень похож на него.

– Наверно, Утер тоже догадался. А раньше он не знал?

– Нет. Он уехал раньше, чем пошли разговоры, и взъелся на тебя не поэтому.

– Рад это слышать, – сказал я. – А из-за чего же? Неужели только потому, что я встал ему поперек дороги тогда, у стоячего камня?

– Ну и из-за этого тоже.

– А еще из-за чего?

– Он думал, что ты наложник графа, – напрямик сказал Кададь. – Амброзий ведь по бабам не бегает. Он и в мальчиках не нуждается, если уж на то пошло, но Утер начисто не способен понять человека, который не проводит с бабой семь ночей в неделю. И когда он увидел, что его брат так заботится о тебе, взял в свой дом, приставил к тебе меня и все такое, то решил, что все дело в этом. И ему это очень не понравилось.

– Понятно. Он сегодня сказал что-то в этом духе, но я подумал, что он просто так ругался.

– Если бы он взглянул на тебя повнимательнее или послушал, что говорят люди, то понял бы, что к чему.

– Он уже и так понял, – сказал я с внезапной уверенностью. – Догадался тогда, на дороге, когда увидел фибулу, подаренную мне графом. Я об этом не думал, но Утер должен был сразу понять, что граф вряд ли станет дарить королевский знак своему наложнику. Он велел поднести ближе факел и долго меня разглядывал. Наверно, тогда он и понял.

Меня внезапно осенило.

– Наверно, Белазий тоже знает!

– Конечно, – сказал Кададь. – А что?

– Он так говорил со мной... Словно знал, что не смеет мне ничего сделать. Поэтому он и пытался запугать меня проклятием. Он ведь ни перед чем не остановится. Наверно, по дороге к роще он все время думал, что делать. Тихо убрать меня за святотатство он не мог, но ему надо было как-то заставить меня замолчать. Отсюда и проклятие. И...

Я остановился.

– Что еще?

– Да не дергайся ты. Это было просто дополнительное ручательство, что я буду держать язык за зубами.

– Ради богов, что же это?

Я пожал плечами, обнаружил, что до сих пор голый, и наклонился за рубашкой.

– Он сказал, что возьмет меня с собой в святилище. Думаю, он хочет сделать из меня друида.

– Он так сказал?

Я уже начал привыкать к Кадалеву знаку от дурного глаза.

– И что же ты будешь делать?

– Ну, схожу с ним... по крайней мере один раз. Да не смотри ты на меня так! Руку даю на отсечение, что больше одного раза мне туда идти не захочется. – Я посмотрел ему в глаза. – Но в этом мире нет ничего, что я отказался бы узнать и увидеть, и я готов встретиться с любым богом так, как ему это угодно. Я говорил тебе, что истина – это тень Бога. Если я собираюсь воспользоваться ею, я должен знать, кто Он. Понимаешь?

– Где уж мне! О каком боге ты говоришь?

– Я думаю, что Бог один. Нет, конечно, боги живут повсюду: в полых холмах, в ветрах, в море, в самой траве, по которой мы ходим, и в воздухе, которым мы дышим, и в кровавом сумраке, где ищет их Белазий и ему подобные. Но мне кажется, что должен быть один бог – Единый Бог, подобный великому морю, а мы все – и малые боги, и люди, и вообще все на свете – стекаемся к Нему, как реки, и в конце концов все мы придем к Нему. А ванна готова?

Через двадцать минут в темно-синей тунике, застегнутой на плече фибулой с драконом, я пошел к своему отцу.

Глава 12

В передней Амброзия сидел секретарь, добросовестно изображавший бурную деятельность. Из-за занавеси слышался тихий голос Амброзия. Стражники у дверей выглядели деревянными статуями.

Потом занавеска отдернулась, и вышел Утер. Увидев меня, он остановился, постоял, как бы собираясь что-то сказать, потом, похоже, перехватил любопытный взгляд секретаря и вышел, взмахнув полой алого плаща и оставив за собой запах конюшни. По запаху Утера можно всегда было определить, откуда он явился; он, казалось, впитывал запахи, точно губка. Должно быть, отправился к брату прямо с дороги, не успев даже переодеться.

Секретарь – его звали Соллий – сказал мне:

– Можешь войти. Тебя ждут.

* * *

Он стоял спиной к двери, склонившись над столом, заваленным табличками. Поперек одной из них лежал стилос, – похоже, Амброзия оторвали от работы. На столике секретаря у окна лежала полуразвернутая книга.

Дверь закрылась за мной. Я остановился на пороге, и занавеска с шорохом упала у меня за спиной. Он обернулся.

Мы молча встретились глазами. Прошло несколько мгновений, которые показались мне бесконечными. Потом он откашлялся и сказал:

– А, Мерлин, – и легким жестом указал мне на мой табурет у жаровни, – садись.

Я сел. Амброзий помолчал, глядя в стол. Взял стилос, отсутствующим взглядом посмотрел на табличку, что-то дописал. Я ждал. Он хмуро проглядел написанное, стер и отрывисто сказал:

– У меня был Утер.

– Да, господин.

Он взглянул на меня исподлобья:

– Насколько я понял, он наткнулся на тебя за городом. Ты был один.

– Нет, – поспешно ответил я. – Со мной был Кадаль.

– Кадаль?

– Да, господин.

– Утеру ты сказал другое.

– Да, господин.

Его взгляд стал пронзительным.

– Ну, рассказывай.

– Кадаль всегда обо мне заботится, господин. Он... более чем предан мне. Мы поехали на север, доехали до дороги, по которой вывозят бревна из леса, и свернули на нее. Мой пони повредил себе ногу, Кадаль усадил меня на свою кобылу, и мы пошли домой. – Я перевел дыхание. – Мы решили срезать путь и наткнулись на Белазию со слугой. Белазий проехал вместе со мной часть пути до дома, но ему... не хотелось встречаться с принцем Утером, поэтому мы расстались.

– Понятно.

Его голос не выдавал его чувств, но я догадывался, что он понял больше, чем было сказано. Его следующий вопрос подтвердил это:

– Ты был на острове друидов?

– Ты о нем знаешь? – удивился я.

Он ничего не сказал и в холодном молчании ожидал моего ответа, поэтому я продолжал:

– Я уже говорил, что мы с Кадалем пошли короткой дорогой. Если ты знаешь остров, то должен знать и тропу, которая к нему ведет. Напротив тропы, ведущей к морю, есть сосновая роща. Мы нашли там Ульфина – это слуга Белазия – с двумя лошадьми. Кадаль хотел взять лошадь Ульфина, чтобы побыстрее отвезти меня домой, но, когда мы говорили с Ульфином, услышали крик – не просто крик, а вопль – откуда-то с востока. Я поскакал туда, чтобы посмотреть, в чем дело. Клянусь тебе, я понятия не имел, что это за остров и что там происходит! Кадаль этого тоже не знал. Если бы он был верхом, как и я, то остановил бы меня. Но к тому времени как он взял лошадь Ульфина и поскакал вдогонку, меня уже не было видно, и он подумал, что я испугался и сбежал домой, как он мне велел раньше, и, только приехав сюда, обнаружил, что меня нет. Он поехал обратно, но я уже встретился с отрядом. – Я стиснул руки между колен. – Я не знаю, что заставило меня отправиться к острову... Хотя нет, знаю: я услышал крик и поехал посмотреть... Но я поехал туда не только из-за этого. Я не могу объяснить. Пока не могу...

Я снова перевел дыхание.

– Господин мой...

– Да?

– Я должен сказать тебе. Человек, которого убили сегодня ночью там, на острове... Я не знаю, кто это был, но я слышал, что он один из людей короля, пропавший несколько дней тому назад. Его тело бросят в лесу, так чтобы подумали, что его растерзал зверь.

Я остановился. По лицу Амброзия понять что-либо было невозможно.

– Я подумал, что тебе нужно это знать.

– Ты был на острове?

– О нет! Мне кажется, если бы я туда сунулся, меня бы уже не было в живых. Про этого человека я узнал позднее. Говорят, его убили за святотатство. – Я поднял глаза на Амброзия. – Я доехал до берега бухты и, стоя под деревьями, все видел: танец и жертвоприношение; слышал пение. Я тогда не знал, что это незаконно... У нас дома этот культ, конечно, запрещен, но все знают, что он еще существует. Мне показалось, что здесь может быть по-другому. Но когда господин Утер понял, где я был, то очень разгневался. Он, похоже, ненавидит друидов.

– Друидов? – переспросил Амброзий отсутствующим голосом. Он продолжал вертеть в пальцах стилос. – Да, конечно. Утер их не любит. Он страстный приверженец Митры, а свет – враг тьмы, насколько я понимаю. Ну, в чем дело? – резко спросил он, обращаясь к показавшемуся в дверях Соллию.

– Прости, господин, – сказал секретарь. – К тебе посланный от короля Будека. Я говорил ему, что ты занят, но он настаивает, что дело срочное. Сказать, чтобы подождал?

– Впусти его, – велел Амброзий.

Вошел человек со свитком и передал его Амброзию. Тот сел в свое большое кресло, развернул послание и, хмурясь, принялся его читать. Я смотрел на него. В жаровне плясало пламя, озаряя черты лица, которое я, казалось, уже знал не хуже, чем свое собственное. Угли зарделись алым, пламя полыхнуло и разгорелось. Свет ударил мне в глаза, все вокруг расплылось...

– Мерлин Эмрис! Мерлин!

Гулкое эхо превратилось в обычный голос. Видение исчезло. Я сидел на табурете в комнате Амброзия, уставясь на свои руки, стискивающие колени. Амброзий стоял между мной и жаровней, закрывая от меня пламя. Секретарь вышел, мы были одни.

Когда он повторил мое имя, я моргнул и очнулся.

– Что ты видел там, в пламени? – спросил Амброзий.

Я ответил, не поднимая глаз:

– Я видел заросли боярышника на склоне холма, и девушку на буром пони, и юношу с драконовой фибулой на плече, и туман до колен...

Я услышал, как Амброзий шумно втянул в себя воздух. Потом его рука взяла меня за подбородок и заставила поднять голову. Его взгляд был суровым и пристальным.

– Значит, ты и правда наделен даром видеть. Я и раньше был уверен в этом, но теперь у меня нет сомнений. Это правда. Я подумал, что это так и есть, еще тогда, в ту первую ночь, у стоячего камня, но то могло быть что угодно – сон, детские выдумки, удачная басня, выдуманная для того, чтобы привлечь мое внимание. Но это... Я не ошибся в тебе. – Он опустил руку и выпрямился. – Ты видел лицо девушки?

Я кивнул.

– А юноши?

Наши глаза встретились.

– Да, господин.

Амброзий резко отвернулся и встал спиной ко мне, опустив голову. Он снова взял со стола стилос и принялся вертеть его в пальцах.

Через некоторое время он спросил:

– И давно ты узнал об этом?

– Только сегодня. Кадаль как-то обмолвился, потом я кое-что вспомнил – и еще то, как твой брат уставился на меня сегодня, когда увидел, что я ношу это. – Я коснулся драконовой фибулы.

Он взглянул на меня, потом кивнул.

– Тебе в первый раз явилось это... видение?

– Да. Я ни о чем не знал. Теперь мне кажется странным, что я даже не подозревал, но могу поклясться, что и в самом деле не догадывался.

Он стоял молча, опершись одной рукой на стол. Не знаю, чего я ждал, но мне никогда не приходило в голову, что великий Аврелий Амброзий может растеряться настолько, что не будет знать, что сказать.

Потом он отошел к окну, вернулся к столу и заговорил:

– Странная это встреча, Мерлин. Мне нужно так много сказать тебе – а я не нахожу слов. Но теперь-то ты понимаешь, почему я так много расспрашивал тебя и старался понять, что привело тебя сюда?

– Это дело рук богов, господин мой, – ответил я. – Они привели меня сюда. Почему ты оставил ее?

Вопрос прозвучал слишком резко: должно быть, он так давно терзал меня, что сейчас вырвался, словно обвинение. Я поспешно принялся что-то мямлить, пытаюсь объяснить, но он остановил меня коротким жестом.

– Мне было восемнадцать лет, Мерлин, и за мою голову была назначена награда. Я не мог открыто появиться в своем собственном королевстве. Ты ведь знаешь, как мой кузен Будек принял меня к себе, когда мой брат король был убит, и как Будек все эти годы лелеял план мести Вортигерну, хотя до последнего времени это казалось невыполнимым. Но он все время засылал разведчиков, собирал сведения, разрабатывал планы. А когда мне исполнилось восемнадцать, он тайно отправил меня самого к Горлойсу Корнуэльскому, другу моего отца, всегда недолюбливавшему Вортигерна. Горлойс отправил меня на север с парой доверенных людей, чтобы я мог послушать, посмотреть и узнать тамошние земли. Когда-нибудь я расскажу тебе, где мы были и что видели, но не сейчас. А что касается тебя... В конце октября мы возвращались на юг, в Корнуолл, чтобы плыть домой, по дороге на нас напали, и нам пришлось драться. Это были люди Вортигерна. Я до сих пор не знаю, то ли они заподозрили, кто я такой, то ли им просто захотелось убить нас ради забавы и вкуса свежей крови, как делают саксы и лисы. Я думаю, последнее вернее, потому что иначе бы они сделали свое дело добросовестнее. А так мне повезло: товарищи мои погибли, а я отделался одной раной, да еще ударом в голову, от которого я потерял сознание. И они оставили меня, приняв за мертвого. Дело было вечером.

Когда я пришел в себя и попытался оглядеться, было уже утро и надо мной стоял бурый пони. На нем сидела девушка и смотрела то на меня, то на убитых, то снова на меня, не говоря ни слова.

Он впервые улыбнулся – еле заметно, и не мне, а тому воспоминанию.

– Я, помнится, попытался что-то сказать, но потерял много крови, а после ночи под открытым небом еще и подхватил лихорадку. Я боялся, что она испугается и ускачет в город и тогда мне конец. Но она не бросила меня. Поймала моего коня, нашла седельную сумку, напоила меня, промыла и перевязала рану, а потом – бог весть, как ей это удалось, – взвалила меня на коня и увезла оттуда. Она сказала, что знает одно место, близко от города, но укромное и безопасное, куда никто не ходит. Это была пещера, а рядом с ней бил источник... В чем дело?

– Так, ничего, – сказал я. – Я мог бы догадаться. Продолжай. Там тогда никто не жил?

– Никто. Кажется, к тому времени, как мы туда добрались, я потерял сознание и начал бредить, потому что дальше я мало что помню. Она спрятала в пещере меня и моего коня, так чтобы никто не заметил. У меня в сумке были еда и вино и еще плащ и одеяло. Уехала она от меня вечером, и когда вернулась домой, то узнала, что убитых уже нашли и их коней, бродивших поблизости, тоже. Отряд ехал на север, и вряд ли кто-то в городе знал, что трупов должно было быть три. Так что я был в безопасности. На следующий день она снова приехала в пещеру, привезла еду и лекарства... И так каждый день... – Он помолчал. – Дальше ты знаешь.

– А когда ты сказал ей, кто ты такой?

– Тогда, когда она сказала, почему не может уехать из Маридунума вместе со мной. До того я думал, что она, должно быть, одна из девушек королевы – по ее манерам и разговору я догадывался, что она воспитывалась во дворце. Видимо, она видела то же самое во мне. Но все это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме того, что я мужчина, а она – женщина. Мы оба с первого дня знали, что это должно произойти. Ты поймешь, как это бывает, когда станешь постарше.

Он снова улыбнулся, на этот раз не только глазами, но и губами.

– Это, Мерлин, пожалуй, единственное знание, с которым тебе придется подождать. Дар ясновидения в делах любви не помощник.

– Ты просил ее уехать с тобой сюда?

Он кивнул:

– Еще до того, как узнал, кто она такая. А после того, как узнал, я начал бояться за нее и уговаривал ее настойчивее, но она не согласилась. Судя по ее речам, она ненавидела и боялась саксов и страшилась, что Вортигерн погубит королевство, но ехать со мной она отказалась. Одно дело, говорила она, сделать то, что она сделала, и совсем другое – уплыть за море с человеком, который, когда вернется, будет врагом ее отца. Она говорила, что год кончается и надо покончить с этим и забыть.

Он умолк, глядя на свои руки.

– И ты не знал, что она родила ребенка? – спросил я.

– Нет. Я, конечно, думал об этом. Следующей весной я отправил ей послание, но не получил ответа. Тогда я оставил это, решив, что если она захочет найти меня, то знает, где искать. Весь мир это знает. А года через два до меня дошла весть, что она обручена. Теперь знаю, что это неправда, а тогда я постарался забыть о ней. – Он взглянул на меня. – Ты понимаешь?

Я кивнул.

– Быть может, это даже была правда. Просто ты не понял ее, господин мой. Она дала обет посвятить себя церкви, когда я больше не буду нуждаться в ней. Христиане называют это обручением.

– Вот как?

Он поразмыслил над этим.

– Ну, как бы то ни было, я больше не отправлял ей посланий. И потом, позднее, когда я слышал о мальчике-бастарде, я не думал, что это мой сын. Сюда однажды приезжал бродячий глазной лекарь из Уэльса, и я послал за ним и расспросил, и он сказал, что во дворце есть бастард таких-то лет, рыжий, но это родной сын короля.

– Диниас, – сказал я. – А меня старались не показывать людям... Иногда дед выдавал меня за своего сына. У него было несколько бастардов.

– Ну вот, я это тоже узнал. Так что потом, когда до меня доходили вести о мальчике, то ли сыне короля, то ли его дочери, я не обращал на них внимания. Это все было в прошлом, у меня были более неотложные дела, и потом, я все время думал: если бы она действительно родила сына, неужто не дала бы мне знать? Если бы хотела видеть, неужто не прислала бы весточки?

И он снова умолк, погрузившись в собственные мысли. Теперь уже не помню, понимал ли я тогда все, что он говорил. Но потом, когда обрывки истории сложились, как кусочки мозаики, все стало ясно. Гордость, что не дала ей отправиться вслед за возлюбленным, не дала ей и призвать его назад, когда поняла, что беременна. И та же гордость помогла ей выдержать все, что было потом. Но не только это. Если бы она бежала к нему или каким-то иным образом выдала, кто ее любовник, то братья непременно отправились бы ко двору Будека, чтобы убить наглеца. Зная моего деда, я мог предположить, что он и его сыновья не скупились на клятвы по поводу того, что они сотворят с тем, кто сделал ей ребенка. Прошло время, и его приезд стал чем-то далеким, а потом и вовсе невозможным, словно он на самом деле был всего лишь сказкой, ночным видением. А после она обратилась душой к иному, появились священники, и она забыла о том зимнем свидании. Остался лишь мальчик, так похожий на своего отца. Но, исполнив свой долг перед ним, она могла вернуться к покою и одиночеству, любовь к которым заставила ее много лет тому назад отправиться верхом в ту долину, – подобно тому, как я позднее поднялся по той самой тропе и увидел ту же пещеру.

Я вздрогнул, когда он заговорил снова.

– Тяжело тебе было жить ничьим сыном?

– Да, нелегко.

– Поверишь ли ты, если я скажу, что ничего не знал?

– Я поверю всему, что ты мне скажешь, господин мой.

– Ты, должно быть, ненавидишь меня за это, да, Мерлин?

Я медленно ответил, не поднимая глаз:

– Знаешь, у положения бастарда и ничейного сына есть одно преимущество. Ты можешь выдумать себе отца сам. Можешь представить себе наилучшее – и наихудшее, в зависимости от настроения. С тех пор как я стал достаточно большим, чтобы понимать, кто я такой, я видел своего отца в каждом солдате, в каждом принце и в каждом священнике. И в каждом красивом рабе в королевстве Южного Уэльса.

– Ну вот, Мерлин Эмрис, – очень мягко сказал он, – а теперь перед тобой настоящий отец. Ненавидишь ли ты меня за жизнь, которая выпала тебе по моей вине?

Я ответил, все так же не поднимая глаз и глядя в огонь:

– В детстве я мог выбирать себе любого отца. И из всех людей на свете, Аврелий Амброзий, я выбрал бы тебя.

Молчание. Пламя билось, как сердце.

– И потом, какой мальчишка отказался бы заполучить в отцы верховного короля Британии! – добавил я, пытаюсь превратить дело в шутку.

Он снова схватил меня за подбородок и отвернул мое лицо от пламени жаровни.

– Что ты сказал? – резко спросил он.

– А что я сказал? – в недоумении заморгал я. – Я сказал, что выбрал бы тебя...

Он стиснул мой подбородок.

– Ты назвал меня верховным королем Британии!

– Да?

– Но это...

Он остановился. Его глаза, казалось, прожигали меня насквозь. Он опустил руку и выпрямился.

– Ладно. Оставим это. Если это важно, Бог подаст голос снова. – Он улыбнулся мне. – Сейчас важнее то, что сказал ты. Не каждому человеку дано услышать такое от своего почти взрослого сына. Кто знает, быть может, оно и к лучшему, что мы впервые встретились как мужчина с женщиной, когда каждому из нас есть что дать другому. Человеку, у которого дети с младенчества путаются под ногами, не дано внезапно увидеть свое отражение в лице сына, как я увидел в твоём.

– Неужто мы так похожи?

– Говорят, да. А я вижу в тебе достаточно много от Утера, чтобы понять, почему все говорят, что ты мой сын.

– А он, видимо, не заметил, – сказал я, – и очень сердится. Или, наоборот, рад, что я тебе не наложник?

– Так ты знал? – Амброзий усмехнулся. – Если бы он иногда думал головой, а не другим местом, ему бы это пошло на пользу. Но мы и так неплохо уживаемся. Он делает свое дело, я свое, и, если сумею проложить ему путь, он будет моим наследником, если у меня не будет...

Он осекся. Наступила неловкая пауза. Я глядел в пол.

– Прости меня, – сказал он тихо, как равный равному. – Я сказал это, не подумав. Давно свыкся с мыслью, что у меня нет сына...

Я поднял голову:

– В этом отношении так оно и есть. И Утер тоже так думает.

– Что ж, если ты считаешь так же, мой путь будет куда легче.

Я рассмеялся:

– Нет, представить себя королем я не могу! Быть может, половинкой короля или даже четвертью: той малой частью, что видит и думает, но действовать не может. Может быть, когда ты уйдешь, из нас с Утером выйдет один неплохой король. По-моему, он уже сейчас великолепен, ты не находишь?

Но Амброзий не улыбнулся. Его глаза сузились, он пристально смотрел на меня.

– Именно так я и думал! Как ты догадался?

– Ну, как бы я мог догадаться, господин?

Я выпрямился на своем табурете – и тут меня осенило:

– Так вот как ты собирался использовать меня? Теперь я понимаю, почему ты держал меня здесь, в своем доме, и обращался со мной по-королевски, но мне всегда хотелось думать, что ты что-то задумал насчет меня и я смогу быть тебе полезен. Белазий говорил, что ты используешь каждого человека по его способностям и что, даже если я не гожусь в солдаты, ты найдешь мне дело по силам. Это правда?

– Чистая правда. Я понял это сразу, даже прежде, чем подумал, что ты, должно быть, мой сын. Когда увидел, как ты стоял лицом к лицу с Утером тогда ночью, в поле, и в глазах твоих все еще плавали видения, и сила окутывала тебя, словно сияющее облако. Нет, Мерлин, из тебя никогда не выйдет короля, даже принца. Но я думаю, что, когда ты вырастешь, король, рядом с которым будешь ты, сможет править всем миром. Теперь понимаешь, почему я послал тебя к Белазию?

– Он очень ученый человек, – осторожно сказал я.

– Он человек развратный и опасный, – сказал Амброзий. – Но он весьма тонок и умен, много странствовал и знает многое, чему тебя не учили в Уэльсе. Я не скажу – «следуй ему», потому что есть много мест, куда следовать за ним не стоит. Но учиться у него надо.

Я поднял на него глаза, потом кивнул:

– Ты про него все знаешь.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Да. Я знаю, что он жрец древнего культа.

– И ты это терпишь?

– Я пока не могу позволить себе выбрасывать ценные орудия только потому, что мне не нравится, как они сделаны, – ответил он. – Белазий полезен, и я использую его. Если ты мудр, то поступишь так же.

– Он хочет взять меня на следующую встречу.

Он поднял брови, но ничего не сказал.

– Ты против? – спросил я.

– Нет. Ты пойдешь?

– Да, – сказал я медленно и очень серьезно, подыскивая нужные слова. – Видишь ли, господин... Когда ищешь... то, что ищу я, приходится заглядывать повсюду, даже в самые странные места. Смотреть прямо на солнце невозможно, его можно видеть, лишь когда оно отражается в земных вещах. И даже отражаясь в грязной луже, оно все равно остается солнцем. И в этих поисках я готов заглянуть куда угодно.

Он улыбался.

– Вот видишь? Тебе не нужно другой охраны, кроме Кадаля.

Он развалился в кресле, облокотившись на край стола, и явно расслабился.

– Она назвала тебя Эмрис. Дитя Света. Дитя небожителей. Божественный. Ты ведь знаешь, что оно значит именно это?

– Да.

– А ты не знал, что это и мое имя тоже?

– Разве? – глупо спросил я.

Он кивнул:

– Эмрис – Амброзий. Это одно и то же слово. Мерлин Амброзий – она назвала тебя в честь меня.

Я уставился на него.

– Я... Ну да, конечно! А мне и в голову не приходило!

И я рассмеялся.

– Чему ты смеешься?

– Это имя... Амброзий, Князь Света... А она всем говорила, что мой отец – Князь Тьмы! Я слышал даже песню об этом. У нас в Уэльсе песни слагают по любому поводу.

– Когда-нибудь ты споешь ее мне.

Тут он внезапно сделался серьезен. Его голос стал гулким.

– А теперь, Мерлин Амброзий, Дитя Света, взгляни в огонь – и скажи мне, что ты там увидишь.

Я взглянул на него с удивлением. Он настойчиво сказал:

– Да, да, теперь, прежде чем угаснет огонь, когда ты устал и глаза сонные. Посмотри в жаровню – и ответь мне. Что будет с Британией? Что будет со мной и с Утером? Смотри, сын мой! Смотри и говори!

Это было бесполезно. Я уже очнулся; огонь в жаровне догорал, и сила ушла, осталась лишь эта комната с быстро стынувшими тенями по углам да мужчина и мальчик, беседующие друг с другом. Но я любил его и уставился в огонь. Наступила мертвая тишина, лишь шуршали оседающие уголья да позванивал остывающий металл.

Я сказал:

– Я ничего не вижу – только угасающее пламя в жаровне и пещеру тлеющих углей.

– Смотри еще!

Я вспотел от напряжения. Капли пота поползли по носу, по рукам, между ног, пока мои ляжки не слиплись. Я изо всех сил сцепил руки и до боли стиснул их между колен. У меня заныли виски. Я резко встряхнул головой, чтобы прояснить мысли, и посмотрел на него.

– Господин мой, это бесполезно. Прости, но это действительно так. Я не могу повелевать богом – он повелевает мной. Быть может, когда-нибудь я смогу видеть по своей воле или по твоему велению, но пока что это приходит само или не приходит вообще. – Я развел руками, пытаюсь объяснить. – Ну, как будто я стою под облаками и жду, а потом дует ветер, облака расходятся, сверху падает свет и озаряет меня – иногда целиком, иногда лишь краешком столпа солнечного света. Когда-нибудь я смогу увидеть весь храм целиком. Но не теперь.

Меня охватило изнеможение. Я слышал это по собственному голосу.

– Прости меня, господин мой. Я пока бесполезен. У тебя еще нет своего пророка.

– Нет, – сказал Амброзий. Он протянул руку и, когда я встал, привлек меня к себе и поцеловал. – У меня есть только сын, который остался без ужина и до смерти устал. Иди спать, Мерлин. И спи до утра без сновидений. У нас еще будет время для видений. Спокойной ночи.

* * *

Видений в ту ночь у меня больше не было, но сон мне приснился.

Амброзию я о нем никогда не говорил. Я снова увидел пещеру на склоне холма, и девушку по имени Ниниана, едущую сквозь туман, и мужчину, ожидающего ее у пещеры. Но эта Ниниана не была моей матерью, и человек у пещеры не был молодым Амброзием. Это был старик, и у него было мое лицо.

Часть третья

Волк

Глава 1

Я провел с Амброзием в Бретани пять лет. Оглядываясь теперь назад, я вижу, что многое из того, что было, спуталось у меня в памяти, словно разбитая мозаика, которую восстанавливал человек, почти забывший первоначальный узор. Кое-что я помню ясно и отчетливо, во всех красках и деталях; другое – быть может, более важное – помнится смутно, словно образы стерлись последующими событиями: смертью, печалью, сердечными переменами. Места я всегда помню очень хорошо – иные из них настолько отчетливо, что мне даже теперь кажется, что я могу побывать там и что, если бы я мог сосредоточиться и сила, некогда облекавшая меня, словно платье, была еще при мне, я мог бы даже теперь воссоздать их здесь, во тьме, как некогда, много лет назад, я воссоздал для Амброзия Хоровод Великанов.

Я отчетливо помню места и мысли, что приходили ко мне тогда, такие свежие и сияющие, но людей – не всегда: временами, роясь в памяти, я думаю, не путаю ли я их друг с другом: Белазия – с Галапасом, Кадаля – с Кердиком, бретонского командира, чье имя я забыл, с военачальником моего деда в Маридунуме, который когда-то пытался научить меня фехтовать, в твердой уверенности, что любой, даже незаконнорожденный, принц должен мечтать об этом.

Но когда я пишу об Амброзии, мне кажется, что он снова стоит предо мной, ярко выделяясь во тьме, как человек в шапке в ту морозную ночь, мою первую ночь в Бретани. Даже без своего одеяния силы я могу вызвать перед собой его глаза, неподвижные под нахмуренными бровями, тяжелые пропорции его тела, лицо (теперь оно кажется мне таким молодым), твердо очерченное всепоглощающей, непреклонной волей, которая заставляла его двадцать с лишним лет смотреть на запад, в сторону своего, закрытого для него королевства. Двадцать лет понадобилось ему, чтобы стать из мальчика комесом и, невзирая на бедность и неравенство сил, создать ударную мощь, что росла вместе с ним, выжидая своего часа.

Об Утере писать труднее. Или, вернее, об Утере труднее писать так, словно он уже в прошлом, всего лишь часть истории, которая завершилась много лет назад. Он встает передо мной даже более живым, чем Амброзий. Нет, не здесь, во тьме, – тут пребывает лишь та моя часть, что была Мирддином. А та, что была Утером, – она снаружи, на солнце, она хранит берега Британии, следуя начертанному мною пути, следуя тому рисунку, что некогда показал мне Галапас в летний день в холмах Уэльса.

Но Утера, о котором я пишу, разумеется, больше нет. Есть человек, соединивший в себе нас всех, тот, кто стал всеми нами: Амброзием, который создал меня; Утером, который трудился вместе со мной; и мною самим, который использовал каждого человека, встречавшегося ему на пути, чтобы дать Британии Артура.

* * *

Время от времени приходили вести из Британии, и иногда – через Горлойса Корнуэльского – я получал известия о том, что происходит дома.

Похоже, после смерти моего деда Камлах не сразу отрекся от старого союза со своим родичем Вортигерном. Он хотел утвердиться, прежде чем открыто порвать с Вортигерном и встать на сторону «молодежи», как именовали людей Вортимера. Вортимер и сам не торопился начинать открытый мятеж, но было ясно, что все идет к тому. Король Вортигерн оказался зажат

меж лавиной и наводнением: чтобы остаться королем Британии, ему приходилось призывать на помощь сородичей своей жены-саксонки, а саксы-наемники каждый год требовали увеличения платы.

Страна распадалась и истекала кровью. Люди открыто называли это «саксонской напастью». Восстание готово было разразиться в любой день, особенно на Западе, где люди все еще были свободны. Не хватало лишь вождя, который объединил бы восставших. Положение Вортигерна становилось настолько отчаянным, что он против своей воли был вынужден все больше передавать командование войсками, стоявшими на Западе, Вортимеру и его братьям, в чьих жилах, по крайней мере, не было ни капли саксонской крови.

О моей матери ничего не было известно, кроме того, что она мирно живет в монастыре Святого Петра. Если до нее доходили слухи, что при графе Бретани состоит некий Мерлинус Амброзиус, она должна была догадаться обо всем. А письмо или посланец от врага верховного короля без нужды подвергли бы ее опасности. Амброзий говорил, что скоро она и так все узнает.

На самом деле до вторжения прошло еще пять лет, но годы эти пронеслись, словно вода, прорвавшая плотину. Ввиду событий, назревавших в Уэльсе и Корнуолле, приготовления Амброзия ускорились. Если людям, живущим на Западе, нужен лидер, пусть это будет Амброзий, а не Вортимер! Но Амброзий намеревался выждать. Пусть Вортимер будет клином – они же с Утером станут молотом, что забьет этот клин в трещину. А тем временем в Малой Британии наступило время великих надежд. Отовсюду сыпались предложения подкреплений и союзов, поля дрожали от топота копыт и марширующих ног, а в кварталах механиков и оружейников далеко за полночь стучали молоты, и люди прилагали все усилия, чтобы за то же время успевать делать вдвое больше. Долгожданное вторжение было уже близко, и, когда пробьет час, Амброзий должен выступить во всеоружии. Он не может позволить себе потерпеть поражение. Кто же станет тратить полжизни на то, чтобы выковать могучее копье, а потом швырять это копье наугад в темноту? Все должно было быть наготове и служить ему – не только люди, вещи и припасы, но и время, и дух, и самые ветра небесные! Сами боги должны были отворить ему врата. Амброзий говорил, что затем они и послали ему меня. Именно мое тогдашнее появление со словами победы и видением непобежденного Бога убедило его (и, что еще важнее, солдат) в том, что приближается наконец время, когда он сможет нанести удар, будучи заранее уверен в победе. И вот я не без страха обнаружил, что Амброзий определил меня в пророки.

Можете быть уверены, я больше не спрашивал его, как он намерен меня использовать. Он дал мне это понять достаточно ясно. И я, раздираемый гордостью, страхом и стремлением услужить ему, старался пока что узнать все, чему мог научиться, и открыть себя силе, ибо это было все, что я мог дать ему. Если он рассчитывал заполучить своего домашнего пророка немедленно, прямо сейчас, ему пришлось разочароваться: в это время я не видел ничего существенного.

Наверное, знание преграждало путь видениям. Но то было время познания. Я учился у Белазия, пока не превзошел его: я научился практическому приложению вычислений, чего Белазий не умел, для него расчеты были таким же искусством, как для меня песни; но я и песни научился использовать.

Я проводил долгие часы в кварталах механиков, и частенько Кадалю приходилось оттаскивать меня чуть ли не за уши от какого-нибудь приспособления, густо смазанного маслом. Кадаль ворчал, что после такой работы мне нельзя общаться ни с кем, кроме раба-банщика.

Я записал также все, что помнил из наставлений Галапаса в медицине, и добавил к этому практический опыт, при любой возможности помогая армейским врачам. Я мог свободно бродить по лагерю и по всему городу, пользуясь именем Амброзия. Я вцепился в эту свободу, словно голодный волчонок в свою первую добычу. Я учился все время, непрерывно, у всех,

кого встречал. Я смотрел и на свет, и во тьму, и на солнце, и в грязную лужу, как и обещал Амброзию.

Я побывал вместе с Амброзием в святилище Митры, расположенном под фермой, и с Белазием на лесных сборищах. Мне даже разрешалось молча присутствовать на советах графа и его военачальников, хотя никто не предполагал, что от меня будет какой-то прок на войне. «Разве что, – сказал однажды Утер полушутливо, – он будет стоять над нами, словно Иисус Навин, и держать на небе солнце, чтобы дать воинам время закончить настоящую работу. Хотя, если отбросить шутки, похоже, он способен и на большее... Ведь людям он кажется чем-то вроде Вестника Митры или, извиняюсь, щепки от Истинного Креста. Так что он, пожалуй, в самом деле может сделать больше, стоя на холме вместо талисмана, на виду у войска, чем на поле битвы, где он и пяти минут не протянет». А что он говорил позже, когда я в шестнадцать лет отказался от ежедневных занятий фехтованием, которые должны были научить меня хотя бы элементарной самозащите! Но отец мой только смеялся – он-то знал, что у меня есть своя защита, хотя я тогда еще не подозревал об этом.

Я учился у всех: у старух-знахарок, лечивших больных травами, паутиной и морскими водорослями; у бродячих коробейников и шарлатанов; у коновалов, гадателей, жрецов... Я прислушивался к разговорам солдат у таверн, к разговорам офицеров в доме моего отца, к разговорам мальчишек на улицах.

Но об одном я не узнал ничего: в семнадцать лет, уезжая из Бретани, я был полным невеждой в отношениях с женщинами. Когда мне случалось задуматься об этом – а такое бывало довольно часто, – я говорил себе, что сейчас мне некогда, что у меня еще целая жизнь впереди, а теперь у меня полно других, более важных дел. Но наверно, на самом-то деле я их просто боялся и потому гасил свои желания работой. Теперь я думаю, что страх этот внушал мне Бог.

Я ждал и занимался своим делом – готовился служить отцу.

Тогда я полагал, что важнее ничего нет.

* * *

Однажды я сидел в мастерской Треморина, главного механика, очень приятного человека, который позволял мне учиться у него всему, чему только можно, предоставлял мне место для работы и материал, с которым можно было экспериментировать.

Я помню, как в тот день он вошел в мастерскую, увидел, что я возжусь у себя в углу с какой-то моделью, и подошел посмотреть. Когда он увидел, чем именно я занят, он рассмеялся.

– Я всегда думал, что их и так довольно в округе, чтобы ставить новые!

– Я хочу понять, как они их ставили. – Я опустил на место масштабную модель стоячего камня.

Треморин удивился. Я знал почему. Он всю жизнь прожил в Малой Британии, а там этих стоячих камней столько, что люди их просто не замечают, каждый день видят этот каменный лес, и для большинства это всего лишь мертвый камень... Но мне всегда казалось, что эти камни о чем-то говорят, и нужно было узнать, что именно; но Треморину я этого говорить не стал. Я просто добавил:

– Я пытался повторить это в малом масштабе.

– Ну, так могу сказать тебе сразу: пробовали – не действует. – Он взглянул на ворот, который я приспособил для того, чтобы поднять модель. – Это подходит только для стоящих вертикально, и то лишь для самых легких, а для перемычек и вовсе не годится.

– Это я уже понял. Но у меня есть одна мысль... надо попробовать иначе.

– Ты только зря тратишь время. Возьмись-ка лучше за что-нибудь нужное, такое, что может пригодиться. Но эта идея легкой передвижной лебедки и впрямь стоит того, чтобы над ней подумать...

Через несколько минут его отозвали. Я разобрал модель и уселся за новые расчеты. Тренингу я о них говорить не стал: у него было множество более важных дел. Все равно он бы только посмеялся, если бы я сказал ему, что поднимать стоячие камни я научился у певца.

Вышло этот так.

Однажды, примерно за неделю до того, бродя вдоль рва, что окружал городские стены, я услышал пение. Голос был старческий, дребезжащий и надорванный – голос профессионального певца, которому приходится перекрикивать шум толпы, петь на ветру и на морозе. Мое внимание привлек не голос и не мелодия – ее почти нельзя было разобрать, – а мое имя.

– Мерлин, о Мерлин, куда спешишь ты?

Он сидел у моста, перед ним стояла чашечка для подаяний. Я увидел, что певец слепой. Но его голос – то, что от него осталось, – был верным. И он не стал тянуться ко мне со своей чашечкой, услышав, что я остановился перед ним, он сидел, как сидят за арфой: чуть склонив голову, прислушиваясь к мелодии, – и пальцы его шевелились, словно перебирая струны. Видно, некогда он пел и в королевских чертогах.

Мерлин, о Мерлин, куда спешишь ты
Ранним утром со своим черным псом?
Я искал золотое яйцо,
Алое яйцо морского змея,
Что лежит под камнем у моря.
Собирал я щавель в лугах,
Зеленый щавель и златые травы,
Золотой мох, дарующий сон,
Срывал я омелу с дуба, ветвь друидов,
Что растет в чаще леса над бегущим ручьем.
Мерлин, о Мерлин, возвращайся из леса,
Уйди от ручья!
Оставь дуб и златые травы,
Оставь щавель на заливных лугах,
И алое яйцо морского змея
В пене под камнем у моря!
Мерлин, о Мерлин, оставь свои поиски!
Грядущее открыто лишь Богу.

Теперь эта песня известна не менее, чем песня о девице Марии или о короле и сером тулене, но я услышал ее впервые. Когда певец узнал, кто остановился послушать его, он, казалось, был польщен тем, что я присел рядом с ним и стал расспрашивать его. Помнится, тогда, в первый раз, мы толковали в основном о песнях и еще немного о нем самом.

Я узнал, что в юности он был на Моне, острове друидов, видел Каэр-ин-ар-Вон и поднимался на Снежную гору. На острове друидов он и потерял зрение, но не рассказал мне, как это вышло.

Когда я сказал ему, что водоросли и травы, которые я собирал на берегу, предназначены для лекарств, а не для магии, он улыбнулся и спел песню, которую я слышал от своей матери, сказав, что эта песня будет щитом, а от чего – не сказал, и я не стал спрашивать.

Я положил деньги ему в чашечку – он принял подаяние со спокойным достоинством, но, когда я пообещал найти ему арфу, ничего не ответил и уставился в пространство пустыми глазами – он не поверил мне. На следующий день я принес ему арфу: отец мой был щедр, и мне даже не понадобилось объяснять, зачем мне нужны деньги. Когда я вложил арфу в старческие руки певца, он заплакал. Потом взял мою руку и поцеловал ее.

После этого я часто встречался с ним до тех пор, пока не оставил Малую Британию. Он много странствовал – от Ирландии до Африки. Он научил меня песням многих стран: Италии, Галлии, белого Севера и более древним песням Востока – странным колеблющимся напевам, что, как он говорил, пришли на Запад вместе с людьми с восточных островов – теми, что возвели стоячие камни. В них говорилось о знаниях, которые были забыты и сохранились лишь в песнях.

Наверно, он и сам считал эти песни всего лишь легендами о древнем волшебстве, сказками, что сложили поэты.

Но чем больше я думал об этом, тем яснее понимал, что в них поется о людях, которые действительно жили на свете, и о трудах, которые были свершены на самом деле, о том, как они возводили эти камни, чтобы отметить пути солнца и луны, и строили обиталища для своих богов и королей-исполинов древности.

Однажды я сказал что-то на этот счет Треморину – он был не только умен, но и добродушен, и обычно у него находилось время для меня, – но Треморин только посмеялся и отмахнулся, и я больше не заговаривал об этом. У механиков Амброзия в те дни и без того было дел по горло, и им некогда было помогать мальчишке делать расчеты, не имевшие никакого отношения к грядущему вторжению. Так что я пока оставил это.

Весной моего восемнадцатого года из Британии наконец пришли вести.

В январе и феврале морские пути были закрыты, и лишь в начале марта, воспользовавшись холодной спокойной погодой, установившейся перед началом весенних штормов, из Британии пришло маленькое торговое суденышко, и Амброзий узнал новости.

Новости будоражили. Буквально через несколько часов на север и на восток помчались гонцы графа. Он созывал союзников – и спешно, ибо вести запоздали.

Наконец-то свершилось. Вортимер открыто порвал со своим отцом и с его саксонской королевой. Несколько вождей бриттов – и среди них люди Запада, – устав умолять верховного короля порвать со своими саксонскими союзниками и защитить от них свой собственный народ, убедили Вортимера взять наконец власть в свои руки и восстали вместе с ним.

Они объявили его королем и подняли его знамя против саксов, которых удалось отеснить на юг и восток, и им со своими боевыми кораблями пришлось укрыться на острове Танет.

Но и там Вортимер преследовал их и в конце осени – начале зимы осадил их и добился того, что саксы запросили пощады и умоляли лишь об одном – позволить им уйти с миром, забрать свое добро и вернуться в Германию, оставив даже жен и детей.

Однако успешное владычество Вортимера продлилось недолго. Что произошло, в точности известно не было, но ходили слухи, что он умер от яда, что подсыпал ему какой-то прихвостень королевы.

Как бы то ни было, Вортимер был мертв, и власть снова вернулась к его отцу Вортигерну. Он чуть ли не первым делом послал за Хенгистом и его саксами, призывая их вернуться в Британию. В этом, как всегда, винили жену короля.

Король обещал, что саксы вернутся с малыми силами, не более, чем потребуется, чтобы восстановить мир и порядок и помочь ему вновь объединить расколовшееся королевство.

На самом деле саксы обещали прислать триста тысяч человек. По крайней мере, так утверждала молва. Разумеется, молва преувеличивала, но в любом случае было ясно, что Хенгист собирается привести значительные силы.

Были кое-какие новости и из Маридунума. Посланец не был шпионом Амброзия, и привез он в основном все те же слухи.

Вести были неутешительные. Похоже, мой дядя Камлах вместе со всеми своими вассалами – то были преданные люди моего деда, которых я знал, – участвовали в восстании Вортимера и сражались вместе с ним в четырех битвах с саксами. В сражении при Эписфорде Камлах погиб вместе с братом Вортимера Катигерном. Но меня больше волновало то, что после

смерти Вортимера на тех, кто был на его стороне, обрушились гонения. Вортигерн захватил королевство Камлаха и присоединил его к своим землям в Гвенте. Вортигерну нужны были заложники, и он вновь сделал то же, что двадцать пять лет назад: он захватил детей Камлаха – младший из них был еще в колыбели – и отдал их на попечение королевы Ровены. Мы не могли выяснить, живы ли они. Неизвестно было, жив ли ребенок Ольвен, которого постигла та же участь. Вряд ли. О моей матери вестей не было.

Через два дня после того, как пришли эти вести, начались весенние шторма и море снова преградило путь и нам, и вестникам.

Но это было не важно – неведение было обоюдным. Мы не могли получать вестей из Британии, но и там не могли получить вестей о нас и об ускоренных приготовлениях к вторжению в Западную Британию.

Было очевидно, что время наконец настало. Дело заключалось не только в том, чтобы помочь Уэльсу и Корнуоллу. Если Красный Дракон хотел, чтобы в Британии остались люди, готовые встать под его знамена, ему следовало выступить в этом году.

– Ты вернешься с первым кораблем, – говорил мне Амброзий, не отрывая взгляда от карты, расстеленной на столе.

Я стоял у окна. Ставни были закрыты, но я все равно слышал, как завывает за окном ветер, и тяжелая занавесь рядом со мной раздувалась от сквозняка.

– Да, господин, – ответил я, подошел к столу и увидел, что он указывает на Маридунум. – Я поеду туда?

Он кивнул.

– Сядешь на первый же корабль, который пойдет на запад, и доберешься домой, даже если он остановится в другой гавани. Отправишься к Галапасу, получишь все сведения, какие он сможет дать. Я не думаю, что в городе тебя узнают, но рисковать не стоит. У Галапаса без-опасно. Можешь обосноваться там.

– Стало быть, из Корнуолла вестей никаких?

– Никаких. Только слухи, что Горлойс у Вортигерна.

– У Вортигерна? – Я некоторое время обдумывал эту новость. – Стало быть, он не участвовал в восстании Вортимера?

– Насколько мне известно, нет.

– Двuruшничает?

– Возможно. Но поверить в это трудно. А может быть, все это ничего не значит. Я так понимаю: он только что женился и, скорее всего, просидел всю зиму у себя в замке просто для того, чтобы молодой жене не было скучно. А возможно, он предвидел, что будет с Вортимером, и предпочел для виду сохранить верность верховному королю, чтобы сберечь свою голову и продолжать служить моему делу. Но пока я не разужнаю, в чем дело, посылать людей прямо к нему я не могу. Вдруг за ним следят? Так что отправляйся к Галапасу и разузнай, что происходит в Уэльсе. Я слышал, Вортигерн окопался где-то в тех местах, а Восточную Британию он предоставил Хенгисту. Придется сперва выкурить из норы этого старого волка, а потом защищать Запад от саксов. Но действовать придется быстро. И мне нужен Каэрлеон!

Он поднял голову.

– Я пошлю с тобой твоего старого приятеля – Маррика. Он вернется обратно, и ты при-шлешь весточку с ним. Будем надеяться, что там все в порядке. Думается мне, ты и сам будешь с нетерпением ждать вестей!

– Ничего, перебыюсь, – сказал я.

Он ничего не ответил – только вскинул брови и снова склонился над картой.

– Садись. Я объясню, что от тебя требуется. Скоро ты сможешь отправиться в путь.

Передо мной колыхалась занавеска.

– Я буду страдать всю дорогу!

Он поднял голову – и рассмеялся.

– Клянусь Митрой, я об этом и не подумал! Но тогда, наверно, и я тоже? В каком жалком виде прибуду я домой!

– В свое королевство, – сказал я.

Глава 2

Я отправился в Британию в начале апреля, на том же суденышке, что и в прошлый раз. Но это путешествие разительно отличалось от первого. Я был уже не беглец Мирддин, но Мерлин, хорошо одетый молодой римлянин, у которого были слуги и деньги в кармане. Мирддин всю дорогу провалился нагишом в трюме, а Мерлину предоставили уютную каюту, и капитан всячески оказывал ему внимание. Одним из моих слуг был, разумеется, Кадаль, а вторым, как это ни смешно, Маррик. Ему это смешным отнюдь не казалось. Ханно к тому времени уже не было в живых – он перехитрил самого себя, пытаясь повернуть одно дельце, связанное с шантажом: добыча оказалась ему не по зубам. Разумеется, я старался ничем не выдать своего родства с Амброзием. Но ничто на свете не могло бы заставить меня расстаться с драконьей фибулой. Я пристегнул ее к тунике с изнанки. Вряд ли кто-то мог признать во мне того беглеца пятилетней давности, и, конечно, капитан не подавал виду, даже если и узнал меня, но я на всякий случай держался как можно высокомернее и говорил исключительно по-бретонски.

На мое счастье, кораблик шел к устью Тиви и должен был бросить якорь в Маридунуме. Но мы договорились, что нас с Кадалем высадят на берег сразу, как только мы войдем в устье.

В общем, все было иначе, чем в первый раз, за исключением одного, самого главного. Меня тошнило всю дорогу. Правда, на этот раз у меня была удобная койка и обо мне заботился Кадаль, не то что тогда: мешки и ведро в углу, – но для меня это не имело ни малейшего значения. Как только корабль покинул Малое море и оказался на просторах залива, взбаламученных апрельскими ветрами, я оставил свой пост на носу корабля, ушел вниз и лег на койку.

Как мне сказали, ветер был попутный, так что мы вошли в устье и бросили якорь до рассвета, за десять дней до апрельских ид.

Рассвет был безветренный, холодный и туманный. Было очень тихо.

Только что кончился отлив, и снова начинался прилив. Вода хлынула в устье. Когда наша лодка отчалила от корабля, единственными звуками были шуршание и плеск волн о борта да мягкие удары весел по воде. Вдалеке слышались слабые, но звонкие крики петухов. Откуда-то из тумана доносилось блеянье ягнят, и матки отвечали им более густыми низкими голосами. Воздух был влажный, мягкий и чистый, пахло солью и, как ни странно, домом.

Мы держались середины потока, и благодаря туману с берегов нас видно не было. Говорили мы мало, и то лишь шепотом: один раз, когда на берегу залаяла собака, мы услышали, как хозяин успокаивал ее – он говорил тихо, но впечатление было такое, словно он сидит в той же лодке. Так что мы были предупреждены и старались помалкивать.

Сильный весенний прилив быстро нес нас вперед. Это было очень кстати: мы бросили якорь позже, чем следовало, так что уже светало. Я видел, как моряки, что везли нас, беспокойно поглядывают на небо и начинают грести быстрее. Я наклонился вперед, напрягая глаза, чтобы рассмотреть в тумане знакомые берега.

– Рад, что вернулся? – спросил на ухо Кадаль.

– Это зависит от того, что мы тут найдем. Митра, как же есть хочется!

– Неудивительно! – Кадаль кисло усмехнулся. – А что ты высматриваешь?

– Тут должна быть бухточка – белый пляж и ручей, впадающий в реку, – а за ней холм и сосновая рощица. Надо пристать там.

Он кивнул. Было решено, что мы с Кадалем высадимся в устье по другую сторону от Маридунума, в известном мне месте, и оттуда незаметно выберемся на южную дорогу и будем выдавать себя за корнуэльцев.

Говорить должен был я, но и Кададь неплохо знал тамошнее наречие – его выговор мог бы обмануть любого, кроме разве урожденного корнуэльца.

У меня с собой было несколько горшочков с мазями и шкатулка с медикаментами, так что я в случае чего мог сойти за странствующего лекаря. Эта личина могла позволить пробраться почти в любое место, куда мне было нужно.

Маррик остался на корабле. Он должен был приплыть в порт вместе со всеми, разыскать в городе старых знакомых и узнать, что нового слышно. А Кададь отправится вместе со мной к Галапасу и будет связующим звеном между мной и Марриком. Корабль простоят в устье три дня; Маррик уедет на нем и увезет с собой все собранные сведения.

Поплывем ли обратно мы с Кадалем, зависит от того, что мы узнаем: мы с отцом не забывали, что после участия Камлаха в мятеже Вортигерн похозяйничал в Маридунуме, как лиса в курятнике, – и, быть может, его саксы тоже.

В первую очередь я должен был добыть вести о Вортигерне и отослать их отцу; затем мне нужно было разыскать мать и узнать, все ли с ней в порядке.

Хорошо было снова очутиться на земле! Правда, назвать ее сушей было сложно: холмик порос высокой травой, и она была мокрая от росы. И все же, когда лодка скрылась в тумане и мы с Кадалем стали подниматься к дороге, я ощущал себя легким и был в приподнятом настроении.

Не знаю, что я ожидал найти в Маридунуме, – по-моему, меня это даже особенно не волновало. Не возвращение домой возбуждало и радовало меня, а то, что я наконец могу сделать что-то для Амброзия. Правда, я еще не пророк, но зато я мужчина и его сын. Похоже, я тогда про себя надеялся, что мне придется умереть за него. Я был еще очень молод...

До моста мы добрались без приключений. На мосту нам повезло: мы встретились с барышником, у которого была при себе пара лошадок – он надеялся сбыть их в городе.

Я купил одну из них, поторговавшись ровно столько, чтобы не возбудить подозрений; он был так доволен, что даже отдал мне в придачу довольно потертое седло. К тому времени как сделка была завершена, солнце уже встало и на дороге появились люди. Но на нас никто особого внимания не обратил – кроме одного мужичка, который, видно, признал лошадь. Он ухмыльнулся и сказал – скорее Кадалю, чем мне:

– И далеко ты собрался уехать, парень?

Я сделал вид, что не расслышал. Уголкем глаза я видел, как Кададь развел руками, пожал плечами и закатил глаза, как бы говоря: «Мне приходится делать, что он велит, а что с него возьмешь!»

На дорожке, ведущей вдоль берега, никого не было. Кададь шагал рядом со мной, взявшись рукой за узду.

– Ты знаешь, а он прав. На этой старой кляче далеко не уедешь. А кстати, далеко ли нам?

– Должно быть, меньше, чем мне кажется. От города – миль шесть.

– И все в гору?

– Ну, на худой конец, пойду пешком.

Я провел ладонью по жилистой шее конька.

– А ты знаешь, он вовсе не так плох, как кажется. Откормить его как следует – и он будет в порядке.

– Ну ладно, значит, ты не зря деньги выкинул. Что ты высматриваешь там, за стеной?

– Я тут жил.

Мы проезжали мимо дворца моего деда. Он, похоже, почти не изменился.

Сидя на лошади, я мог заглянуть за стену. На террасе росла айва. Ее огненные цветы раскрывались под лучами утреннего солнца. А вот и сад, где Камлах угощал меня отравленным абрикосом. А вот и ворота, через которые я выбежал тогда, заливаясь слезами...

Конек вез меня дальше. Вот фруктовый сад. Почки на яблонях уже набухли, вокруг терраски, где, бывало, сидела и пряла Моравик, пока я играл у ее ног, пробивалась упругая молодая трава.

А вот и то место, где я перемахнул через стену в ночь побега; вот к этой наклонившейся яблоне я привязал тогда Астера.

Стена была разрушена, и я видел сквозь пролом лужайку с жесткой травой, по которой бежал в ту ночь, выпрыгнув из окна своей комнаты, ставшей погребальным костром Кердика.

Я остановил лошадь и вытянул шею, чтобы разглядеть дом. Я неплохо потрудились в ту ночь: все строения – моя комната и примыкавшие к ней ряды построек – исчезли. Но конюшни были все те же – значит, огонь не добрался до них в ту ночь.

Две стороны колоннады, уничтоженные огнем, были отстроены заново, в современном стиле, который никак не гармонировал со всем остальным: квадратные столбы, сложенные на скорую руку из больших, грубо отесанных камней, поддерживали бревенчатую крышу, а между ними были глубокие квадратные окна.

Строение выглядело уродливым и неудобным – единственным его предназначением было защищать от непогоды. «Нет, – подумал я, – лучше снова сесть в седло и ехать дальше, в пещеру...»

– Чего ты ухмыляешься? – спросил Кадаль.

– Ничего. Просто я, кажется, сделался настоящим римлянином. Как ни странно, здесь я уже не чувствую себя дома. Хотя, честно говоря, в Малой Британии тоже.

– А где же тогда твой дом?

– Сам не знаю. Должно быть, там, где граф. Так что в ближайшее время моим домом, видимо, будет что-нибудь в этом духе. – Я кивнул на старые римские казармы, видневшиеся позади дворца.

Они лежали в руинах, там царило запустение. Оно и к лучшему, подумал я. По крайней мере, судя по всему, Амброзию не придется сражаться за этот город. Дайте Утеру двадцать четыре часа, и он живо приведет все в порядок. А вот и монастырь Святого Петра. Его, по всей видимости, не коснулись ни огонь, ни копье.

– Знаешь что? – сказал я Кадалю, когда мы обогнули стену монастыря и начали подниматься по тропе, ведущей к мельнице. – Если и есть место, которое я могу назвать своим домом, так это пещера Галапаса.

– Ну, вот это уж совсем не по-римски, – сказал Кадаль. – Нет, мне подавай добрую таверну, теплую постель да жареную баранинку, а пещеры можешь оставить себе.

Даже с этой дохленькой лошадкой дорога показалась мне короче, чем раньше.

Мы скоро добрались до мельницы и повернули наверх. Словно и не было всех этих лет. Казалось, лишь вчера я въезжал в эту долину, светило солнце, и ветерок шевелил сивую гриву Астера. Нет, даже еще не Астера – вон под тем же терновником как будто тот же самый прикурковатый мальчишка стережет тех же овец, что и в тот день, когда я приехал сюда впервые.

Когда мы подъехали к развилке, я невольно огляделся, ища вяхиря. Но все было тихо – лишь кролики перебегали в зарослях молодого папоротника.

То ли конек почуял, что ехать уже недалеко, то ли ему просто понравилось ступать по траве и нести нетяжелую ношу, но он ускорил шаг. Впереди показался выступ, за которым открывался вход в пещеру.

У купы боярышника я натянул повод.

– Приехали. Пещера там, за скалой.

Я соскользнул на землю и передал повод Кадалю.

– Оставайся здесь и жди меня. Через час подойдешь. – Потом спохватился и добавил: – Если увидишь что-то вроде дыма, не пугайся. Это летучие мыши вылетают из пещеры.

Давненько я не видел, как Кадаль делает знак от дурного глаза! Я рассмеялся и оставил его.

Глава 3

Я знал это, еще не успев обогнуть выступ скалы и выйти на лужайку перед входом.

Можете звать это предвидением – никаких следов не было. Тишина, конечно, но у пещеры почти всегда стояла тишина. Только на этот раз она была другая. Я не сразу понял, в чем дело, и лишь потом сообразил. Не слышно было журчания источника.

Я дошел до конца тропы, вышел на лужайку – и увидел. Не было нужды входить в пещеру, чтобы понять, что его здесь нет – и не будет.

Ровная площадка перед входом в пещеру была завалена обломками. Я подошел ближе.

Это произошло совсем недавно. Здесь погулял огонь – огонь, залитый дождем прежде, чем он успел уничтожить все. Гора мокрого мусора – обгорелые деревяшки, тряпки, куски пергамента, размокшие в бесформенную массу, но заметные по обугленным краям. Я перевернул попавшийся мне под ноги кусок доски и по резьбе узнал его – это был обломок сундука, в котором хранились его книги. А куски пергамента – это все, что осталось от самих книг.

Наверно, в куче мусора были и другие его вещи. Я не стал рыться в угольях. Если книги погибли, значит и все остальное погибло тоже. Как и сам Галапас.

Я медленно направился ко входу в пещеру. У источника остановился. Теперь понятно, почему не слышно журчания: чашу завалили камнями, землей и мусором из пещеры. Из-под мусора все еще сочилась вода. Она лениво вытекала из чаши и впитывалась в дерн, так что возле чаши образовалось топкое место. В воде виднелся отмытый добела скелет летучей мыши.

Как ни странно, факел лежал на прежнем месте – на уступе над входом в пещеру. Он даже был сухой. Рядом не было ни кремня, ни огнива, но я разжег огонь и, держа перед собой факел, медленно вступил в пещеру.

Помнится, я весь дрожал, как будто ледяной ветер дул из пещеры мне навстречу. Я уже знал, что увижу внутри.

Пещера была ограблена дочи́ста. Все, что было внутри, выволокли наружу и подожгли. Все, кроме бронзового зеркала. Зеркало, естественно, не горело и было слишком тяжелым, чтобы его унести. Его сорвали со стены, и теперь оно стояло, криво прислоненное к стенке пещеры. А больше внутри ничего не было. Даже мыши не шуршали под потолком. Здесь царила гулкая пустота.

Я поднял факел выше, ища вход в хрустальный грот. Его не было.

Кажется, пару мгновений я думал, что ему удалось скрыть внутреннюю пещеру и отсидеться там. Потом я увидел.

Вход в грот был на месте, но случай – если это был случай – скрыл его от посторонних глаз, и теперь найти его мог только тот, кто знал, что ищет. Бронзовое зеркало упало так, что, вместо того чтобы направлять свет на отверстие, оно направляло тьму. Отраженный свет падал на выступ скалы, который отбрасывал густую тень на вход во внутренний грот. Те, кто был занят лишь грабежом и разорением, вполне могли его и не заметить.

– Галапас! – робко окликнул я, всматриваясь в темноту. – Галапас!

Из хрустального грота послышался тишайший шелест, призрачный звон, похожий на ту музыку, что я когда-то слышал в ночи. Ничего похожего на человеческий голос. Я не ожидал этого. Я взобрался на уступ, встал на колени и заглянул внутрь.

Кристаллы вспыхнули в свете факела, и на стену сияющего шара упала тень моей арфы, дрожащая, но отчетливая. Арфа стояла в центре грота. Она была цела. Больше в пещерке

ничего не было. Лишь шепот, замирающий меж сверкающих стен... Должно быть, здесь, в водопадах света, таились видения, но я знал, что сейчас не смогу открыться для них. Опершись рукой о скалу, выскользнул обратно. Пробегая мимо накренившегося зеркала, я мельком увидел высокого юношу, окутанного пламенем и дымом. Лицо его казалось бледным, глаза – огромными черными провалами. Я выбежал наружу. Забытый мною факел пылал и чадил. Я подбежал к краю утеса и поднес руки ко рту, чтобы позвать Кадаля, но тут у меня за спиной раздался звук, заставивший меня развернуться волчком и посмотреть наверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.